

СМЕНА

№ 2 январь 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**УДАРНЫМ ТРУДОМ
КУЮТСЯ СТРОКИ
КОМСОМОЛЬСКОГО РАПОРТА
XXV СЪЕЗДУ ПАРТИИ**

XXV съезду КПСС — достойную встречу!

ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ: ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА XXV СЪЕЗДУ КПСС

Мы, комсомольско-молодежный коллектив агрегата комбинированной резки цеха холодной прокатки Череповецкого металлургического завода, выполнили пятилетку 16 сентября 1975 года.

В честь XXV съезда КПСС наша бригада приняла повышенные социалистические обязательства — нарезать сверх плана 3000 тонн металла — и в октябре их выполнила за счет повышения производительности труда.

Только за последние 10 месяцев коллектив 7 раз занимал первые места в цеховом и 4 раза в заводском социалистическом соревновании.

Производительность труда в коллективе за последние два года выросла на 90 процентов. Всю продукцию сдаем с первого предъявления.

Недавно на бригадном собрании мы приняли новые повышенные обязательства — к

XXV съезду КПСС выдать 1500 тонн сверх плана. Обязательства напомним с честью выполнить и тем самым вписать свою строку в Рапорт Ленинского комсомола партийному съезду.

Иосиф ЛЫСУХА,
бригадир комсомольско-молодежной бригады
Череповецкого металлургического завода
имени 50-летия СССР
Николай СУББОТИН, комсорг бригады

ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.

АДРЕС: ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ. ОТРАСЛЬ: ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ.

ТОНЖИЙ ПРОКАТ

КАЖДЫЙ РАБОЧИЙ ЧАС, КАЖДАЯ РАБОЧАЯ СМЕНА В БРИГАДЕ ИОСИФА ЛЫСУХИ ПРОХОДЯТ НА ВЫСОКОМ ТРУДОВОМ НАКАЛЕ. А КАК ЖЕ ИНАЧЕ? В НОВОЙ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ НУЖНО РАБОТАТЬ ЕЩЕ ЛУЧШЕ, ЕЩЕ КАЧЕСТВЕННЕЕ, ЕЩЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЕЕ. «ОТ ТВОЕГО ЛИЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЧЕРКА ЗАВИСИТ КАЧЕСТВО ЛИСТА», — СЧИТАЮТ КОМСОМОЛЬЦЫ.

«Главная задача десятой пятилетки состоит в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства».

Из проекта ЦК КПСС к XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Юрий КОРТНЕВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

Каждый рабочий день металлург Иосиф Федорович Лысуха решает на производстве серьезную государственную задачу: обеспечивает народное хозяйство страны автотранспортом. Так он считает.

Лысуха руководит КМК, как говорят на заводе, то есть комсомольско-молодежным коллективом, а точнее — 1-й бригадой агрегата комбинированной резки (сокращенно — АКР) цеха холодной прокатки ЧМЗ. Предприятие

поставляет автомобильный стальной лист ЗИЛу, ГАЗу, КраЗу, ВАЗу (и в двадцать одну страну мира).

Однако Лысухе можно и возразить: ведь и остальные металлурги завода причастны к этому обеспечению. И агломератчики и доменщики. А если разобрать, автомобилестроители — те еще ближе к потребителю стоят.

— Без нашего листа они все так бы и стояли — руки в брюки, — говорит Лысуха.

— И ты бы так стоял без коксохима, без мартена.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 2 (1168) ЯНВАРЬ 1976

Наша обложка:
Челябинский
трубопрокатный завод.
Идет сварка.

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА.

- 1 ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.
Юрий КОРТНЕВ. «ТОНКИЙ ПРОКАТ».
- 3 НОВОЕ ИМЯ. Стихи Юрия АЛЕКСАНДРОВА.
- 4 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
«КОММУНИСТ». Очерк об академике П. П. ЛУКЬЯНЕНКО.
- 8 Рассказ Людмилы МАТВЕЕВОЙ
«ВСЕ СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ».
- 10 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Вера ЗАВЬЯЛОВА. «В ЧУЖОМ ГОРОДЕ».
- 11 Стихи Петру ДУДНИКА.
- 12 ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ.
«НОРИЛЬСКОЕ УСКОРЕНИЕ».
Фотоочерк
Виктора ЛЕВАШОВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 14 Стихи Глеба ГОРБОВСКОГО.
- 18 Рассказ Ирины СТРЕЛКОВОЙ
«ТРИ ЖЕНЩИНЫ В ОСЕННЕМ САДУ».
- 20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ИЗВЕРЖЕНИЕ». Из дневника очевидца.
- 22 ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 24 СИЛУЭТЫ.
Евгений ПЕТРЯЕВ. «САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН».
- 27 СТАДИОН «СМЕНИ».
- 28 Повесть Василя ЗЕМЛЯКА «ВПЕРЕДИ ФРОНТА».
- 31 ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. Лиханов
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий
(заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков
(главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1976 г.

СМЕНА 1

— Стало быть, мое место в центре процесса,— не сдается Лысуха.

Иосиф по-своему логичен. И хотя из-за одной только склонности к юмору весь долгий путь выделки стали он укладывает в краткий синтез: «в изложнице да на ножницы»,— однако за свою точку зрения держится. Так он видит свое место в заводском процессе.

Собственно говоря, у бригадира на АКРе никакого определенного рабочего места и нет.

Операторы, от первого до последнего, занимают кабины с большими окнами, которые называются постами управления (ПУ). На постах пульты с электроникой. Перед ними кресла.

Бригадир такого комфорта лишен. Всю смену он передвигается от поста к посту вдоль агрегата и заходит в обе стороны за его пределы. Тут уж ему вообще открывается полный простор.

Пролет раскинулся на сотни метров. С одной стороны в него вкатывают металл. С другой — подают вагоны. В середине этой общей производственной цепи одним большим связующим звеном слаженно громыхают звенья АКРа. Опять получается у него центральное место. Поневоле начинаешь соглашаться с Лысухой.

— Надежная нужна связь,— говорит он,— поскольку наш агрегат есть система, работающая в едином ритме. Тут глаз да глаз.

— Автоматика-то на что?

— Автоматика безыдейна,— спокойно отвечает Лысуха.— А во-вторых, она не все знает.

Вскорости сообщая нам удалось выяснить, что автоматика мало знает вовсе не оттого, что она такая уж тупица. Просто когда проектировался цех, тогда никто еще не знал, во что выльются АКРовские проблемы. В перспективу же заглянуть, прямо скажем, не смогли. Построили пролет в расчете на выпуск 250 000 тонн листа в год. А его сейчас уже выходит 400 000 тонн. Тесно в пролете. Некуда сталь девать. Приходится останавливать агрегат и ждать, пока не оттрубит потребителю многотонные пачки стального листа, забившие все известные места складирования, сплошь занявшие и загромождившие рольганги и транспортеры. А простаивать только по одной той причине, что ловко работаешь, страдаешь оттого, что некуда девать готовую продукцию! Подобная ситуация давит на психику. Таким путем рабочему легко можно и руки от дела отбить.

— Многие беды в заводском нашем хозяйстве происходят от неверного определения места оператора,— заявляет без оков Лысуха. И приводит в доказательство такой вот пример.

Оказывается, в своем первоначальном виде, соответствующем проектным чертежам, никакого стекла вокруг постов управления не было. Не имелось и кабин. Пульты стояли прямо на полу. За ними на том же полу стояли операторы. По конструкторскому замыслу имелось в виду, что рабочему на дело рук своих смотреть вовсе не следует. Ни к чему это. Оператор должен всю смену пребывать, уставясь в пульт, чтобы чего-нибудь там не прозевать. А работа должна идти сама по себе. Рабочему-де соваться туда вовсе не обязательно. Зато, по конструкторской идее, улучшалась операторская связь, так как работники должны были хорошо видеть друг друга.

Недочеты тут набралась сразу уйма. Промазали проектировщики на том, что хороший рабочий всегда будет существом своим не в пульте управления, а в своей работе. Он ловит ее на слух, на нюх, на шестое чувство. Даже товарища он ощущает по передаваемой из рук в руки работе. А по пульту пальцами, пусть хоть в нем будет сто кнопок и рычагов, он бегаешь машинально, не глядя, как пианист по клавишам.

Самым простым конструкторским приемом было отсутствие защиты от шума,

который превышал все допустимые децибелы. А главным — все-таки тот, что человек не может быть ниже своей работы. Ему так трудно. И несправедливо, и постоянно хочется ее с себя свалить. Такой уж у нормального человека характер. «Это я, естественно, сам принцип передаю,— поясняет Лысуха.— Возьмите хотя бы нашего Вадима Рыжова».

Вадима Рыжова действительно можно «взять». Редких качеств парень, хотя бы потому, что спартаковский болельщик. Иными словами, верен команде, которая город Череповец своим вниманием так ни разу и не удостила. Это в шутку, конечно.

Вадим Рыжов командует ПУ № 5. Здесь конец АКРа, результат всего совместного бригадного труда.

Рыжов лучше всех видит весь пятидесятиметровый АКР, потому что его пост находится в торце. Перед Вадимом пульт управления листоукладчиком кондиции и рольгангом вывода сконплектованных пачек. Рядом электронный счетчик с логической схемой для подсчета количества листов и определения теоретического веса набранной стальной колоды. Сбоку циферблат весов, на которых определяется вес фактический. Разница между ними является бригадной экономией и подсчитывается в уме. Считать надо точно и быстро.

— Это он может,— говорит про Вадима Лысуха.— В случае образования какой сложной производственной ситуации голову всегда вперед рук пускает, что, как правило, и приносит успех.

Однако и руки у Вадима, похоже, ловкие. Для вывода из АКРа готовой пачки агрегат останавливается. Обычно на эту операцию тратится две минуты. Вадим выдает пачку на внешний рольганг всего за одну минуту.

— Пятьдесят пачек — пятьдесят минут,— подытоживает Лысуха.— Вот вам и еще почти час безостановочной работы агрегата. Вот и производительность. И так у нас разворачиваются все ребята на всех своих операторских постах. Отсюда у нас и общая производительность труда за два года возросла на целых девяносто процентов.

Вадим Рыжов работу выше себя не ставит. У него свое измерение. Тогда я ему рассказал однажды услышанное мною от одного рабочего рассуждение. Кое-кто говорит: «Кабы все, что я на своем веку смастачил, да в кучу свалить, то получилась бы гора выше самого высокого памирского пика...» Другие гору дел своих громоздят аж до луны.

Вадим Рыжов сказал по этому поводу: — Если бы все эти листы, которые ребята там со скоростью пули отправляют ко мне и которые я тут ловлю и пакетирую, да в одну кучу складывать, то этот металл, наверно, давно бы уже саму землю продавил.

Работа у него и в душе и в голове. Но над ним она не висит и солнца ему не заслоняет. От остальных бригадников он в этом плане ничем особо не отличается.

Словом, тогда возникла в бригаде мысль, что человека надо поднять над агрегатом. И в прямом и в переносном смысле. То есть сделать ПУ, с которых можно было бы рассматривать АКР с высоты своего положения. Заодно решили избавиться от излишнего шума и вибрации.

В цехе на переустройства сразу пошли, поняв, что ответственность рабочих за дело тем самым повышается.

— Так оно и должно быть,— делился со мной Лысуха.

Теоретические обоснования его убеждений имели приблизительно следующий вид.

У машины есть проектная мощность, которую ей задают ее создатели. А человеку ее никто не может установить. Рабочий определяет ее сам. А он уж постарается, когда увидит, что большая

часть ответственности за производство возлагается на него. И чем больше ответственности, тем строже к себе относится человек. Хозяин! Он каждый свой малейший промах переживает как страшную беду. Однако он — хозяин и знает, что его промах ему и исправлять.

— Вот простой факт,— конкретизирует Лысуха.— К примеру, у Володи Баранова (он стоит на АКРе перед Рыжовым) лист некондиции по оплошности пошел. Тут и Вадим спешит ему на помощь, и сам командир летучих ножниц и всего ритма Юра Алешичев. Однако так само собой получается, что они двое тянут лист с одной стороны, а он один за двоих — с другой. И не потому, что у него сила медвежья. По элементарной логике: ведь он хозяин данного поста. Отсюда все помимо его воли выходит. По одной совете хозяина, которая и будоражит его мускулатуру, чтобы он больше других мог сделать как полностью ответственный за эту операцию, абсолютно свободный в труде человек.

— Разногласий тут получиться не может? — спросил я Лысуху.

— Никаких,— отвечал он твердо. Что разногласий в бригаде не бывает, подтвердил и комсорг ее Коля Субботин. Он даже выдал мне в этом письменный документ в виде чертежа. Но об этом после.

Стоит Коля на ПУ № 1. С него начинается пулеметный, как говорил Вадим Рыжов, АКР — заключительная стадия, ударный финал всего грандиозного заводского потока.

До цеха холодной прокатки металл течет светлой рекой, которую ловят в гигантские, до трехсот тонн емкостью, ковши для последующей разливки. Потом пробегает раскаленными глыбами по громадному, мощностному в иной завод, блюмингу, где его обжимают, как тесто. Он скользит ослепительной бесконечной полосой проката, периодически режется для передачи на дальнейшую обработку, сматывается в фантастические багровые свитки.

За время прохождения по заводу металл сворачивают и снова разворачивают не один раз. Это все надо видеть. Заочно просто невозможно себе представить все эти исполинских размеров и силы механизмы, на которых с прочнейшей сталью люди расправляются, как с папиросной бумагой. Они могут даже ее порвать по небрежности, и от этого ни одна автоматика не спасет, а нужен глаз да глаз, и чутье, и рука.

Итак, на участок АКРа будущий автомобиль приходит в виде уже прокатанной до нужной толщины (2—7 мм) стальной полосы, в последний раз смотанной в рулон. Сталь холодная. По дороге ее очистили от окалин. Протравили в кислоте. Вес рулона от пяти до тридцати пяти тонн — семь десятков «Жигулей» в одном свертке, стало быть.

Сначала рулон разматывают. Этим делом и занимается в бригаде группкомсорг Коля Субботин. Он придвигает рулон вплотную к агрегату, надевает на шпindel, прижимает «щекими», заламывает конец ленты, заводит в тянущее устройство. Под рукой у Коли и первая кнопка пуска. «Комсомольская раскрутка», — как сказал про нее Лысуха. Отсюда начинается АКР. Надо, чтобы он сразу работал в комсомольском темпе.

Собственно, тут ничего уже нельзя отделять друг от друга — ни операции, ни людей. Агрегат — система, работающая в едином ритме, и Коля мне это документально подтвердил.

Когда я попросил его для памяти нарисовать мне схему АКРа с ПУ и стоящими на них людьми, он заказ очень быстро выполнил. На чертеже значились: трое Алешичевых, трое Рыжовых, трое Барановых и два Назарова. Себя Коля записал один только раз. По одному разу были упомянуты упаковщик Женя Лукогорский и гидравлик Игорь Быков.

Поскольку я народа в бригаде еще не знал, то спросил, естественно:

— Откуда столько братьев набрали?

— Это не братья,— засмутился Коля,— хотя так же могут друг за друга постоять.

Оглошка моя прояснилась на месте. Оказывается, столько одинаковых фамилий было проставлено потому, что каждый в бригаде может работать на любом рабочем месте, что они проделывают, избавляясь от монотонности.

— А ты? — спросил я Субботина.

— А я все тут, на одном месте,— опять засмутился Коля.

Наступил обед. Коля торопился. АКРовцы шефствуют над одним из классов средней школы. Надо было организовать экскурсию на завод, заодно и деньги получить на подарки подшефным отличникам. Как сказал мне Коля, бригада согласилась, чтобы деньги были сняты с их премиального фонда.

— Ты почему это Колю напрочь «замариновал» в его будке? — спрашивал я впоследствии Лысуху.

— Потому что его место центральное,— сказал Иосиф.— Потому что с него начало. Потому что мне производительность нужна: она во многом от его разворотливости зависит.

— А как же тогда понимать твое утверждение, что в агрегате должно быть все едино, начиная от умения людей и кончая их положением?

— Так надо и понимать. Но в то же время не забывать, что агрегат — система, состоящая из многих частей.

«Отличный коллектив! — говорили мне про первую бригаду в один голос мастера. — Их сила в стабильности. И вообще все они «чувствительные» ребята: когда их кто-то обходит, мигом взвинчиваются и бросаются перегонять. Словом, бригада такая хорошая, что так и подмывает ее расформировать и разбросать по другим бригадам. Но упрямы Лысуха...»

— Откуда взялось упрямоство? — спрашиваю.

— Не знаю,— смеется Лысуха,— может, оттого, что по месту рождения я северный человек. И с завода, кроме как в командировку, никуда надолго не выезжал...

Однако это все, так сказать, его производственная сторона. Хобби же у Лысухи самое странное.

Собирает промахи у всех, кто грешен в деле, невзирая на лица, а потом принципиально говорит о них на собраниях.

— Так уж и ни одного положительного примера перед глазами нет?

— Почему нет? — отвечает Лысуха.— Есть пример. Начальник цеха Юрий Викторович Липухин.

Насколько можно было вникнуть, Юрий Викторович привлекает его тем, что он знающий человек, для него нет секретов в производстве. «Он рабочий день начинает с обхода, со встречами поздоровается, с кем надо — поговорит». Легко ли это в цехе, где свободно размещаются вместе с громадными машинами тысяча четырехста человек?

А может, располагает он к себе людей тем, что потомственный металлург? И дело свое знает до тонкости?

А может, и то главное, что Липухин — капитан команды по плаванию?

— За такими и на производстве в самое пекло прыгать не страшно,— говорит Лысуха.— Ну, естественно, он залезнуть не даст, хоть за ворот, а вытащит.

— Ну, и как он — «тянет»?

— Вполне. В октябре вывел цех на первое место по министерству. Не один, конечно, старался, однако хорошо, когда есть по кому равняться.

Он опять заговорил о своем цехе, который неоднократно побеждал во Всесоюзном социалистическом соревновании. Таких цехов, дескать, мало, а то и вообще больше нет.

Да, здорово все-таки честолюбив бригадир Иосиф Лысуха. Однако действительно хорошо, когда рабочему есть по кому равняться.

НОВОЕ ИМЯ

В стихах Юрия Александрова прежде всего поражает настойчивое, упорное, ни перед чем не сдающееся утверждение жизни, как единственной подлинной ценности даже в печали, даже в неудачах и горестях.

Ю. Александров продолжал, и, конечно, в кругу своих индивидуальных мыслей и образов, традицию русской поэзии, которую установил Пушкин («Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать») и с твердой уверенностью подтвердил А. Блок («Сотри случайные черты, и ты увидишь — мир прекрасен»). Никакая ночь не в силах остановить движение дня, говорит Александров, и эта мысль проходит резкой чертой через всю его поэзию.

В этом светлом знании — сила поэзии Александрова. Сила, побеждающая смерть.

Я не пойму, что значит — умереть.
Лечь в земле, в прохладной

черной почве
И слышать над собою сосен медь,
Гудящую под ветром в час полночный?...
И прорасти корнями тысяч трав,
И ждать, пока весенний дождик брызнет...
Какое счастье, смертью смерть поправ,
Растаять в океане вечной жизни!

Поэт преданно служит трем величайшим ценностям: человеку, природе и искусству — прекрасному осмыслению жизни в согласии со своим свободным воображением...

Ю. Александров — поэт пылкий, непрерывно и пристально всматривающийся в жизнь, находящий поэзию всюду. Единственная его потребность, единственная страсть и желание — дарить поэзию людям, вызывать у них то редкое и возвышающее состояние, которое лежит где-то рядом со счастьем и неотделимо от непосредственного восприятия мира.

Он справедливо считает себя «подмастерьем природы». Любовь к природе охватывает все — от слабой травинки до тлеющих в тишине дремوتных закатов на Оке.

Мои Тарусские леса
В дыханье октября суровом,
Вы отплыли в полчас
Прощальным пламенем багровым...

Искусство у Александрова не страсть, не увлечение, а сущность его внутреннего мира, без которой нельзя жить на земле...

Поэзия Александрова по преимуществу элегична. Это поэзия раздумий. Среди многих бездумных и легких на слова поэтов Александров выделяется взыскательностью к содержанию своих стихов, своим отчетливым голосом, своей душевной ясностью. Я не найду сейчас лучшего слова по отношению к его поэзии, как мудрость. Слово это несколько торжественно, но оно прекрасно выражает содержание того потока русской поэзии, который идет, развиваясь от Пушкина и Баратынского до Заболоцкого и Пастернака. Недаром Баратынскому Александров посвятил хорошие строки:

Спокойной грусти дальняя волна
Сюда доходит отзвуком певучим.
Здесь тишина. Большая тишина,
Наполненная чем-то самым лучшим.
В вечерней ниве золотом горит
И зыблется высокий, тучный колос;
А где-то рядом ясно говорит
Задумчивый, проникновенный голос.

Стихи эти написаны в Муранове, где долго жил Баратынский. Конечно, у Александрова — свой образный мир, и рождается он из жизни, а не из литературы. Доказательства этого вы найдете почти в каждом его стихотворении.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Предисловие написано К. Г. Паустовским незадолго до смерти. Публикуется впервые.

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

Моей Тарусе

Знакомые страницы —
Черемух светлый дым
И птичьи вереницы
Над берегом крутым.
Кипучий люд московский
На пристанях твоих,
И милый Паустовский,
Чей голос не затих.
Но торопливы годы.
Разросся городок.
Осенней непогоды
Знобящий холодок...
И желтые страницы,
Отжившие свое,
Укрыли грудь землицы,
Переходя в нее.
И старый дуб, ветвями
Приосенив погост,
Ушел в нее корнями,
Питающими рост.
И в глубине криницы
Любовь твоя жива.
Знакомые страницы,
Заветные слова!..

Ожидание

Над бескрайней окской поймой
Разорвется зима,
Белых месяцев обоймой
Речников сводя с ума.
Набежав оттуда, с луга,
Спящего тревожным сном,
Веет бешеная вьюга
Под узорчатым окном.
Но не глядя на погоду
И на груз немалых лет,
Копопатит в клуне лодку
Кряжистый, косматый дед.
Ждет он, ждет неторопливо,
Чтобы лопнул чертов лед
И настали дни разлива
Неоглядных мутных вод.
У него такая думка,
Что порадуется весна!..
На стене большая сумка
Снастью доброю полна.
И чего в ней только нету,
В этой сумке рыбака!
Ловит каждую примету
Глаз бывалый старика.
До весны — подать рукою,
Но куда не видна...
Над безжизненной рекою
Ходит снежная волна.

Зимний путь

Листья разметаны, листья убиты,
Листья несут боевые потери.
Желтые звезды нисходят с орбиты,
Желтые звезды горят в атмосфере.
Вот обнажаются черные клены.
Путь неуклонный могилами начат.
Звездочек белых легли миллионы
Павшим на плечи. Вселенная плачет.
Вьюга швыряет снаряд за снарядом,
Только никто не собьется со следа.
Время идет с уцелевшими рядом.
Вешние громы. Это Победа!

Цветы цветут,
Глядят, сияют,
Головками не в лад качают
И золотистый воздух пьют.
Я вижу, слышу:
Там и тут
Они щебечут и порхают,
О непогодах знать не знают,
Как будто вечно не умрут...
Они цветут.

Ох, как тревожна весна!..
Сосны качаются, пьяны.
Пахнет жасмином луна,
И леденют поляны
В радуге света и сна.
Слушаю возгласы ветра.
И отворяется мир
В таинствах ритма и метра
Нечеловеческих лир.
Слушаю и замираю.
И... отступаю назад.
В памяти перебираю
Зной, листопад, снегопад...
Где и когда зазвучала
Эта мелодия мне?
Что-то начнется сначала,
Что-то умрет по весне.

Помни!..

В июне колосится рожь,
И отросли на елках свечи.
В траву росистую войдешь,
Как в речку зыбкую, по плечи...
Ты поплывешь, как древний плот,
В лесные тихие затоны,
Где сердце снова обретет
Свои предвечные законы.
Ты возвратишься в этот мир
Цветенья, совершенства, блеска,
Где не сумел бы ювелир
Создать и малого подвеска,
Искринки, жилки стельбелка,
Что, как причудливые звенья,
Связали меж собой века
И ярккрылые мгновенья.
Плыви, вдыхая запах смол,
Внимая шелесту и звону,
И помни: ты сюда пришел,
Как блудный сын к родному лону!

Гроза

Нахмурилось лицо небес,
Потом раздался гневный голос,
И зашумел окрестный лес,
И наклонился тучный колос.
А яростью сверкавший взор
Над нивой расточал угрозы,
Пока со всхлипом на простор
Не хлынули ручьями слезы.
Но разорвались облака,
И отступила непогода,
И детским взором василька
Мне в душу глянула природа.

Нежное лицо России

С темной тучи до земли
Частые штрихи косые
Затуманить не смогли
Нежное лицо России.
Грома дальнего раскат
Эхо над холмами множит.
Распылавшийся закат
Сердце попусту тревожит.
Жарким отблеском горит
Молодое красное солнце.
Черный лунь над ним парит,
Забирая в поднебесье.
Видны пажити ему
И березоньки босые...
Улыбается всему
Нежное лицо России.

Ливень

В безветрии листки березы
Не шелохнутся... Полдень жгуч...
И вдруг вокруг взорвались грозы —
И влага хлынула из туч.
Ромашки, в светлых струях нежась,
Прильнули к почве луговой,
Блаженно излучая свежесть
И горьковатый запах свой.
Со звоном по прибрежным склонам
Бегут ручьи, на всем скаку
В просторе ярком и зеленом
Кидаясь в мутную Оку.
Все дышит, искрится, смеется
В пространстве теплом и живом,
Где каждый лист, как сердце, бьется
На древе жизни вековым.

Снова вспыхнут почки

Спят на юг, летит за стайей стая
Народ пернатый нашей полосы,
И песенка осенняя простая
Доносится в последние часы.

А лес шумит могучими крылами,
Теря оперенье на ветру,
И догорает радужное пламя,
И мчатся тучи к тусклому коусту.

И снежный пепел одевает почву
До времени, когда в урючный час
Огнем зеленым снова вспыхнут почки
На дубе том, что, кажется, погас.

Одно стихотворенье

Я пишу одно стихотворенье
И пишу его всю жизнь мою
В неугасном, жгучем озаренье
В полюбившемся лесном краю.
Я пишу о веснах и могилах,
О руках, которых не пожать,
И о лицах бесконечно милых,
Что в мозгу пытаюсь удержать,
И уже я не писать не в силах,
И уже не в силах продолжать...
Снова, снова начались покосы,
И страда сегодня у селян.
Но вечерние упали росы
На раздолгие клеверных полян.
Я иду. Живые ноги босы.
Но слабей они день ото дня.
Жалит, как рассерженные осы,
Желтая, колючая стерня.
И природы тихое старенье
Кажется мгновением одним.
Я пишу одно стихотворенье
И закончусь только вместе с ним.

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА,
ЛАУРЕАТ ДЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ АКАДЕМИК
ПАВЕЛ ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧ ЛУКЬЯНЕНКО.

КОММУ

Анатолий ИВАЩЕНКО

Весна. Тепло. Поля уже грел март. Лукьяненко стоял у делянки и смотрел на редко посаженные кустики своей пшеницы. Один начинал поднимать листья. В нем было семь тугих стеблей, и они нравились ученому. Чуть дальше поднимался еще один такой же куст, потом кряду три, потом... Их было целое семейство.

Павел Пантелеймонович улыбнулся и тут же отогнал минутную радость: «Посмотрим, какими станут они летом».

А стебли тянулись к солнцу и упруго колыхались на ветру, как тонкий камыш. Листья становились шире, темнее. В мае они покрылись плотным изморозным налетом. И не блестели. Стали совсем седыми и долго держали росу.

Он приходил сюда каждое утро и подолгу думал о чем-то своем.

Когда зацвел колос, Лукьяненко не сомневался: тот, семистебельный, не обманул долгих ожиданий. Колосья были набиты туго-туго и не роняли зерен. Так явилось миру растение, давшее начало шедевру селекции — озимой пшенице «безостая-1».

Осенью помощники посеяли драгоценный мешочек зерен в питомнике размножения. И только через несколько лет партии семян развезли на испытания.

Здесь же продолжал бить родник, которым началась река, только река хлебная. Про родник ученый записал скупые слова: «Рукотворный хлеб не может жить без постоянной заботы человека. Без нее он погибает, гаснет».

...Семена. Цену им человек знает издавна. Как хорошей корове, резвой лошади. Видя, что крупные овцы приносят крупных ягнят, на посев тоже отбирали зерна покрупней. Бытовало даже поверье, что урожай лучше от ворованных семян!.. А если петуха привезти из другой деревни, то куры будут нестись чаще. Дело, конечно, не в том, что семена надо непременно воровать, а в том, что воровалось лучшее, необычное. Росло же это лучшее там, где дольше длился отбор. И сегодня самые крупнозерные пшеницы, например, надо искать в районах древних высокоразвитых цивилизаций Евразии и Африки. Самые крупнозерные бобы и чечевица созданы многовековой народной селекцией в Сре-

диземноморье. Многие растения, способные переносить суровые зимы, присущи только России.

В прежние времена кубанские казаки сеяли у себя по четыре, а то и по пять разных сортов пшеницы. Не удастся по году один — выручат другие. Здешнее зерно ценили за высокие хлебопекарные качества. Но у тех пшениц была низкая урожайность, они поражались ржавчиной и осьпались даже при малейшем перестое. К тому же стебель тянулся высоким и слабым. Нивы полегали. В иные годы ржавчина и твердая головня чуть не наполовину губили их.

В начале века селекция являла собой скорее искусство, чем науку. Но если художник, вынося тему в мыслях, уже как бы видит свое творение, то селекционер не мог сказать, что сначала он сделает сорт с такими-то отличительными чертами, а потом с такими...

Что касается общего правила, то оно утверждает: чтобы создать надежный сорт, нужно всю жизнь прожить на одном месте, заниматься только выбранной культурой и думать о ней постоянно — зимой и летом, днем и ночью.

Ни одну из этих заповедей Лукьяненко не нарушил. Хлеб у него к тому же, что называется, в крови. И от отца, и от деда, и от прадедов. Человек он русский, а фамилия украинская потому, что родная его станица Ивановская ведет начало от запорожских сечевых казаков. Приплыли они сюда на стругах по екатеринскому указу. Пахали степь, ловили в лиманах рыбу и стерегли от набегов российской границу.

Отец — Пантелеймон Тимофеевич — был в Ивановской станицным атаманом. Обычно с этим титулом связывают крутого характером и богатого казачину. Волевым Пантелеймон Тимофеевич был, а с богатством дело обстояло худо. Правил свою власть атаман по вечерам: днем пахал, сеял, косил и ходил за скотиной. И сын родился у него в поле, когда отцветала пшеница. А по казачьей примете это к урожаю. И хлеб, так совпало, в тот год выдался щедрый.

«До 1920 года я жил в станице Ивановской в семье отца», — напишет потом в своей автобиографии Лукьяненко. — В период с 1912 по 1919 год учился в Ивановском реальном училище, работая по хлебопашеству в семье отца».

Агрономии станичной детворе прививал учитель ботаники Платон Николаевич Зедгендзе. Уроки по тогдашней моде он проводил то в поле, то в лесу, то

на берегу Кубани. Влюбленный в Тимирязева, он вдохновенно объяснял, как с появлением первого луча и до самого заката солнце свершает на земле незримую работу. И хоть было это трудно, но пришло к Лукьяненко понимание, что луч солнца, упавший на землю, не разбился о зеленый лист, не исчез, а затаился в зерне пшеницы, в яблоке, в цветке...

«В знойный августовский день 1922 года, — рассказывал старый друг Лукьяненко Андрей Васильченко, — мы отправились в Краснодар сдавать экзамены в сельскохозяйственный институт. Путь был некоротким, предстояло пройти более пятидесяти километров. Шли босиком, неся на плечах сандалии — обувь в то время единственную и в хождении неудобную...»

Жили неподалеку от института в ветхой хибаре. Занимали маленькое помещение с земляным полом, используемое хозяйкой в качестве чулана. В нем едва помещались две койки, небольшой кухонный стол, табуретка для ведра с водой... Зимой в нашем жилище было столь холодно, что в ведре замерзала вода.

Средства к существованию мы добывали преимущественно физическим трудом. Мы состояли членами студенческой артели грузчиков, выполнявшей работы: на железнодорожной станции, на речной пристани, на заводе «Саломас». Занимались и земляными работами. Рыли траншеи. Очищали от снега трамвайные пути. Предпочитали, однако, всем другим работам разгрузочные операции с продуктами питания».

О той поре в автобиографии Лукьяненко есть и такие строки:

«Еще будучи студентом последнего курса, я начал работать по опытному сельскохозяйственному делу в качестве техника опорного пункта в городе Ессентуки...»

В ту пору молодой коммунист Лукьяненко выписал на память слова Джонатана Свифта о том, что человек, которому удастся взрастить два колоса на месте, где рос один, заслуживает благодарности человечества, и добавил: «Вопрос о двух колосьях вместо одного — самый жгучий, самый коренной политический вопрос, который предстоит решить нашей стране, чтобы избавиться от голода. Люди не должны думать о хлебе, как не думают о воздухе, которым дышат, о воде, которую пьют...»

Павел Пантелеймонович выбрал на перспективу метод внутривидовой гибридизации мягких пшениц

ЖИЗНИСТ

С этого номера журнала мы открываем новую рубрику — «Жизни замечательных людей». В статьях, очерках, письмах, воспоминаниях и других документах будет рассказываться о людях ярких, исключительных, жизнь которых — подвиг во славу Отчизны, во славу народа. Где бы он ни совершался — в бою или в мирной жизни, в космосе или на целинной пашне, в забое или в научной лаборатории, на спортивной арене или в искусстве.

Новая рубрика познакомит наших читателей с неизвестными доселе страницами биографий широко известных людей, чей пример может и должен служить молодежи эталоном жизни и борьбы.

и направленный индивидуальный отбор. Для реализации идеи был взят принцип скрещивания географически и экологически отдаленных форм, а также повторные скрещивания молодых гибридных сортов с другими культурными сортами. Он считал, что от скрещивания географически отдаленных форм сможет получить более жизненные, пластичные гибриды с широкой наследственной основой.

А потом о целых годах поиска говорил друзьям: — Неудачи, сплошь неудачи... Я, кажется, разучился улыбаться...

Если синюю краску смешивать с желтой, то получишь зеленый цвет. Чем больше синей краски, тем зелень гуще, и наоборот. Селекционер, «смешивая» два сорта, тоже получает форму, среднюю между ними. Но ему надо отсечь недостатки родителей и соединить только достоинства. Увы, это далеко не всегда удается. Здесь надо обладать искусством из великого множества выбрать наилучшее сочетание пар.

Это как в живописи. Ближко-близко вы видите на полотне нежно-розовое женское лицо, здесь даже просматриваются следы кисти. Но вот вы отделились от картины и в изумлении останавливаетесь. Лицо, оказывается, чуть тронуто золотистым загаром. Почему?! Просто под нежно-розовым тон мастер чародейски положил «сиенну жженую», и лицо засветилось живым загаром.

Потому-то неулыбчивый человек дерзко записал: «Вообще идеал таков: максимум энергии формированию зерна колоса, минимум — стеблю, ости. И если растение зимостойко, не боится ржавчины и других болезней, то это — чудо-злак, чудо-пшеница... И такая пшеница будет! Я дам ее!»

Селекцию озимой пшеницы Лукьяненко направлял на выведение ранних сортов — чтобы успевали созреть до засухи, — устойчивых к ржавчине сортов с крепкой соломиной, крупным колосом, «узким» отношением зерна к соломе и высоким качеством зерна. Его список самых важных требований к сорту разросся до 26 пунктов. При этом некоторые признаки рассматривались как комплексные. Так, новые сорта, например, по его мысли, должны были обладать групповой устойчивостью ко всем видам ржавчины.

В пределах каждой комбинации скрещивания велась в огромных масштабах. В колосьях опыляли до 2 тысяч цветков, с тем, чтобы в первом поколении иметь сотни растений, а во втором — десятки и сотни тысяч.

Как часто нам кажется по неведению, что хлеб — это то, что посеяли, а потом выросло. Так ли? Так и... не так. Так — потому, что хлеб действительно каждый год новый. Нет — потому, что в каждом зернышке сплелись далекое и недалекое прошлое, слились параллели и меридианы. Где бы мы ни жили, но хлебом Лукьяненко связал нас со всей планетой так крепко, как еще не связывал никто.

Вот документальные сведения. Для скрещивания с озимыми сортами он привлек яровые формы пшениц южноамериканского происхождения — очень скороспелые аргентинские сорта «Клейн-33» и «Клейн-34», привезенные из путешествия Н. И. Вавиловым. Сам Лукьяненко подчеркивал:

«Помимо скороспелости, аргентинские пшеницы нас интересовали как сорта, специально выведенные для комбайновой уборки. Они имели крепкую неполегающую невысокую соломинку, неосыпающееся зерно, очень высокую устойчивость к бурой ржавчине и более продуктивный, чем у китайских и индийских скороспелок, колос».

После серии «скороспелок» Лукьяненко создал «раннюю-27», «раннюю-28» и «безостую-4». Но только в 1951 году удалось отобрать то элитное растение, с которого началась «безостая-1». Лукьяненко писал о ней:

«В родословной сорта «безостая-1» приняли участие пшеницы весьма отдаленного географического и экологического происхождения, относящиеся к культурным сортам разных стран и континентов. Сорт «Клейн-33», являющийся отцовской формой в данном скрещивании, был выведен с участием итальянского сорта «Ардито», в свою очередь, полученного от скрещивания европейской мягкой пшеницы с типичной низкорослой японской формой «Акагомуги», передавшей низкорослость сорту «Клейн-33». При последующих скрещиваниях этот признак перешел и сорту «безостая-1».

Нетрудно представить, какой бедой в обширную и ювелирную эту работу ворвалась война. Беженцы на дорогах, обезумевший, ревуший скот, бомбежки... Ему тоже пришлось уходить на Восток, чтобы спасти сумочки с драгоценными семенами. Едва обоз перебрался на другой берег Кубани, как саперы взорвали мост: в город уже входили гитлеровцы. А там, не спросив отца и мать, остался младший Генка. Остался мстить захватчикам.

...Среди деревьев в институтском парке давно высится черный гранитный обелиск со скорбным

списком павших. Первым выбито имя сынишки: Г. П. Лукьяненко. Гитлеровцы расстреляли патриотов 12 февраля 1943 года — в день освобождения Краснодара.

Тяжело сыну терять отца. Еще тяжелее отцу потерять сына. Лукьяненко поседел, с головой окунулся в работу, чтобы хоть так заботиться.

Полине Александровне тяжело говорить о той поре: «Горе, большое горе. Ушли в работу. Ушли в работу и тем мстили врагу за гибель сына. Мы очень тщательно отработывали сорта. Да еще восстанавливали разрушенные дома, лаборатории. Выравнивали поля — они были изрыты окопами, воронками от бомб. Павел Пантелеймонович действительно замкнулся. Он очень тяжело переживал гибель сына. Но никому не говорил об этом, не жаловался, все переживал в себе. И это сказало на его сердце. Оно стало болеть у него».

В его записях про это ни слова. Там не о личной драме, там о другом:

«На протяжении столетий люди боролись за хлеб, случалось, что воевали и погибали, так и не наевшись досьята. Да и Гитлер ринулся на нас, рассчитывая захватить в России несметные богатства, прежде всего хлеб. И мы воюем за хлеб, воюем против голода и нищеты...»

А однажды он признался:

«Я двадцать четыре часа в сутки занят пшеницей. У меня нет других мыслей, кроме мысли о селекции. Даже во сне я вижу делянки. Если бы это было возможно, то я бы и «Бежин луг» Тургенева засеял пшеницей»...

Дед умер чуть раньше, чем расстреляли внука Генку. В смерти своей по-своему видел немощный уже казак исход нашествия и в неотправленном письме просил:

«Мое любо дитя, молись богу, и он поможет вам разбить супостата...»

Сердце болело, не имея на то права. А чье сердце болит по праву? Особенно если возвращаешься к одной и той же мысли:

«Чтобы вывести новую пшеницу, селекционеру нужны годы, а может, и десятилетия упорного труда, сотни тысяч, а то и миллионы проверок. Селекционер должен выполнить три условия: посвятить пшенице всю жизнь, работать на одном месте, жить долго...»

И наконец радость. Придя домой, он сказал: — Сегодня я видел новую пшеницу. Назовем ее «безостой-1».

За 12 первых лет испытаний новая пшеница превысила по урожаю широко распространенную тогда «новоукраинку» на одну треть. И это в пору, когда Кубань мечтала о среднем 17-центнерном урожае. О 100 пудах с гектара. А на Пржевальском орошаемом сортоучастке в Киргизии «безостая-1» достигла показателя 80,1 центнера. В одном из опытов еще больше — 95.

Таких триумфальных успехов ни у одной пшеницы не было за всю историю государственного сортоиспытания.

Радовало и то, что большие намолоты здесь сочетались с высокими мукомольными и хлебопекарными качествами. Эти признаки прежде не удавалось совместить даже в самых лучших озимых пшеницах Западной Европы и Америки. Вот почему «безостая-1», в которой текла «пшеничная кровь» всех континентов, очень быстро заняла миллионы и миллионы гектаров и у нас в стране и за рубежом.

...А если бы не было тех сумочек в повозке среди беженцев или разгромили переправу «юнkersы»? Если бы не было тех исходных форм, что терпеливо собирал по свету Вавилов и бережно хранил? Насколько беднее были бы мы сегодня... Да, да, и сегодня!

«Вот уже тридцать четыре года я работаю с озимой пшеницей,— писал потом Лукьяненко в «Известиях»,—иду навстречу своей мечте—создать сорт, не болюющий ржавчиной, не полегающий, дающий человеку по семидесяти—восемидесяти центнеров зерна с гектара... В каждом из тридцати сортов, которые я создал, есть какие-то качества того будущего сорта, о котором я мечтаю. Например, «безостая-1» не болеет ржавчиной, дает урожай в пятьдесят центнеров с гектара. Но мечта—это тоже не что-то застывшее. Она тоже меняется... Во имя этого хочется отдать все силы и знания».

Людская молва несла вести о работах «пшеничного батьки» на тысячечастные расстояния. Стоило появиться газетной заметке или сообщению о любой новинке на агрономическом семинаре, как начинались звонки, шли телеграммы, письма с просьбой дать хоть килограмм семян. У институтского порога его встречали ежедневно ходоки из-за тридевяти земель.

И это огорчало. Кто-кто, а он знал, что чудес в селекции не бывает. Присягать на верность лишь одному сорту — значит рисковать, рисковать и еще раз рисковать. Полностью раскрыть свои достоинства сорт способен только в зоне, для которой он создан. Зона эта может быть обширной, но отнюдь не безграничной.

Его беспокоила и система организации самого семеноводства. Сорт, неведь куда попавший после 7—10 пересевов, оказывался засоренным самыми неожиданными примесями, скудел и компрометировал себя. Выход здесь единственный — суперэлиты, полученная из инстута, должна дать элиту, затем семена первой репродукции... То, что именуется семенами третьей репродукции, должно быть товарным хлебом, отправляться на элеватор и размалываться. Чистоту же сорта обновлять и хранить смогут лишь научные учреждения.

Говорил ли он об этом? Да, говорил все чаще, все настойчивей. Но его не слушали, популярностью своих пшениц автор уже не мог управлять. Так было не только с ним и никогда к добру не приводило.

Старший брат прислал письмо из Ивановки: «Здравствуй, Павлуша! Получил твое письмо. Да неужели это на самом деле старость? Просто не хочется верить тому, что жизнь уже прожита, и память притупляется, и физические силы постепенно угасают. Сегодня ты почти всю ночь мне снился. Нехорошо. Хорошо тебя... и прочие процедуры, связанные с этим. Имей в виду, что если в энергетике, скажем, быть профаном академику неудобно, то в вопросах собственного здоровья быть профаном недопустимо...»

...А здесь еще слава. Две Звезды Героя Труда, Ленинская и Государственные премии, депутат Верховного Совета СССР, действительный член Академии наук страны, член зарубежных академий и обществ, иностранные награды. Откликайся он на все приглашения выступать на конгрессах, симпозиумах, семинарах — и ему некогда было бы работать.

Дел же становилось не меньше, а больше. Как диалектик, он видел, что вместе с колоссальными успехами селекция влечет за собой побочные явления, не считаться с которыми нельзя. Иначе не на чем будет держаться и самой селекции.

...Брату отписал:

«Василь! Ты в своих письмах спрашиваешь о здоровье. Наш род живучий. Отец на восемьдесят пятом году скончался, а мать его, наша бабушка,—на сто первом. Все зубы были целы. Помнишь, подсолнечные семечки щелкала в тот год, когда

умерла?.. Как это в песне поется: «Умирать нам рановато»... Поживем еще, Василий, поживем! Мечта зовет жить!»

За окном вагона плыла еще вся зеленая летняя земля. Картофельная плантация у речки, цветущие подсолнухи, пшеничная нива... Потом другая речка и другие поля. Кажется, все это зеленело вот так и десять лет назад, и сто, и тысячу. Впрочем, тогда не было ни этого поезда, ни этого моста.

А поля? Полей не было, была степь, леса, перелески. Мы уже забыли, что и картошка и подсолнухи — гости в наших широтах. И не только в наших. Глядя в окно, Лукьяненко вспоминал, что картошка внедрялась в России императорским указом, что во Франции предприимчивый делец выставлял около огорода караул, вменив ему... не замечать воровства. И вскоре таинственный картофель... понравился всей округе. Было время, когда подсолнечник богатые испанки носили за корсажами плетев как цветок. Воронежские крестьяне еще в XIX веке не ели помидоров. Зелеными их клали дозревать на божницу и называли «божьим яблочком». Но тамошний мужик первым в России начал давить из подсолнухов растительное масло и поставил первую маслобойку. Уже тогда начали делить семечки на «грязные» и «масляные».

«Забывается, как скоро все забывается,— вздыхал Лукьяненко, прихлебывая дорожный чай,—взять тот же чай...»

Первым русским, пившим чай, был казачий атаман Иван Петров. Но только через сто с лишним лет сочинение о нем написал посол Николай Спафарий, где свидетельствовал: «Питие доброе, и, когда привыкнешь, гораздо вкусное». Но привыкали долго. Среди пионеров грузинского чаеводства успел побывать даже знаменитый химик Бутлеров. А когда привыкли, пошла Россия чаепитий. В самоварах больше не варили сбитень. Чай! Утром, днем, вечером. И вели разговоры про то, что чайные семена дороже золота, что вынесли их тайно в посохе монахи и что грозила им за это смерть через отсечение головы.

Да, степь, которую возделывали природа и наши предки, была не такой. Казалось, простору ее нет ни конца, ни края. Дикие травы по грудь всаднику, тенистые боры, обросшие камышами светлые реки и речки. Дед Лукьяненко Тимофей еще застал Кубань такой и вспоминал былое, как сказку: «Бывало, распашешь полосу, посеешь год-другой и бросаешь ее в залежь, а рядом пашешь жирную».

«Для многих из нас хлеб — это то, что посеяли, а потом выросло,— размышлял уже не первый раз Лукьяненко.— Так-то оно и не так. Так потому, что хлеб всегда нов. А не так потому, что во имя его мы без конца тесним природу, вместо того, что растила она по закону своего равновесия — огромные просторы, занимаемые пшеницей, рожью, ячменем, кукурузой, овсами»...

Да, хлебу отводят самую большую часть возделанных полей. А природа?.. И она пирогом, бифштексом или тортом лежит на нашем столе. Нет, хлеб — не копейки, оставленные за него в булочной.

Когда Лукьяненко все это понял, задачи, которые он с молчаливой дерзостью взялся решать в молодости, показались ему частными. Хотя тоже признавал, что «безостая» прижилась на земле прочно. Но теперь требовалось нечто большее, способное дать человеку в достатке не только хлеб, но и ограничить вторжение в природу. Это «нечто» для него — все большие урожаи, но на тех же площадях. Значит, опять пересмотр всего, о чем думал, опять работа с чистого листа. Работа, над которой думать еще многим поколениям.

Миллионы и миллионы людей смотрят фильмы, передачи по телевидению и читают книги о животных. Распространенных, редких и тех, которых уже нет и никогда не будет на земле. Мы радуемся, узнавая, как все больше становится лосей и зубров, сайгаков, бобров, соболей.

А растения? Как долго мы не задумывались над драмой, переживаемой зеленым миром, миром, который не опустошали капроновые сети, не расстреливали из винтовок с оптическими прицелами, не растаскивали браконьерскими пауками и не глушили толом. Последние кусты дикого ячменя не встрепенутся из-под ног, не бросятся вскачь, как заяц от охотника... Они погибнут под ножом и гусеницами скрепера, пробивающего дорогу. Всегда ли мы знаем, какие травы гибнут под плугом при распашке нетронутой степи, что погребает пучины искусственных морей у гигантских плотин, что сбрасывается в отвалы при вскрытии рудных или угольных месторождений? Нет, не всегда.

И, может, мы утратили многое из того, что со временем красовалось бы на больших полях и служило людям, как картофель, кукуруза, как солнечный цветок подсолнух...

Нельзя сказать, что против такой опасности не принималось мер. Принимались. Давно. Еще в

заревые годы революции по указанию Ленина в Петрограде был образован Институт прикладной ботаники и новых культур — нынешний Всесоюзный институт растениеводства (ВИР). Его организатором и первым директором стал молодой профессор, ботаник, агроном, географ и неутомимый путешественник Н. И. Вавилов. Он-то и взялся решать беспрецедентную по своим масштабам задачу — сосредоточить в России все сохранившиеся видовые и сортовые растительные ресурсы планеты, чтобы использовать их в селекции полевых, овошных, плодовых и других культур.

В жестяных коробках на высоких, до потолка, стеллажах в ВИРе хранятся пакеты с семенами почти всех растений света. На станциях института, разбросанных от Балтики до Тихого океана, от Полярного круга до южных субтропиков, в живом состоянии содержится почти 200 тысяч образцов. Около 2 тысяч видов растений! 20 тысяч сортообразов одной пшеницы! Более 35 тысяч образцов кукурузы и крупных культур, субтропических, винограда и многое-многое другое!

Рассматривая образцы, Лукьяненко вдруг восклицался громадным заморским колосом, но узнавал, что пшеница эта боится морозов. Другая разочаровывала слишком мелким зерном, но оно, оказывалось, богато белком... Десятки, может, сотни лет их не будут сеять, они могут даже никогда не потребоваться. А могут стать частью удивительного злака, который осястливит мир. Здесь все одинаково ценно. И невзрачный дикарь, и давно снятая с производства донская «гарновка», и популярный на Западе, но не подошедший для наших полей сорт.

Это, как краски в этюдных ящиках художника. Каждая из них нужна мастеру, даже если он подолгу не прикасается ко многим тюбикам. Краска в тех из них, которыми редко пользуются, твердеет. Приходит время, когда ее уже не выдавить, и надо идти в магазин за другой.

И семена подвластны Хроносу, самому неутомимому из богов древних — богу времени. Потому-то их пересевают. Одни через год, другие через два, три или четыре: чтобы не потеряли всхожесть. Обязательно в зонах, как можно больше похожих на их родину, как бы далеко или близко она ни лежала. И делается это как можно реже. Оставляют даже страховой фонд. Его «обезличивают» лишь тогда, когда с зональной станции придет пакет со свежими семенами.

Пользуются и специальными методами консервации семян, которые позволяют еще реже прибегать к пересеву. И не только потому, что хлопотно работать с тысячами и тысячами образцов. Нет...

Лукьяненко знал, что живописец, начав смешивать на палитре краски, может вдруг обнаружить, что «берлинская лазурь» из новенького тюбика несколько светлее той, какой он пользовался раньше. Так и здесь. Другое солнце, другие дожди и другие почвы накладывают на растение свой отпечаток. Оно может «запомнить» его и передать по наследству. А ему надлежит пребывать в первоначальной чистоте. Значит, придет пора — надо ехать за моря, горы, океаны, чтобы вновь добыть те же семена... «А что осталось еще там?» — спрашивал Лукьяненко работников ВИРа при каждой встрече и слышал в ответ невеселые новости.

Развитие промышленности, строительство новых городов, поселков, заводов, аэропортов, водохранилищ, прокладка дорог, распашка целинных земель, вырубка лесов — все это чаще и чаще приводит к нарушению исторически сложившихся связей в природе, к утрате животных и растительных видов. Несознательное, иногда массовое уничтожение диких сороричей и примитивных видов растений, а также староместных сортов, представляющих интерес в качестве генетического источника устойчивости растений к болезням и вредителям, к неблагоприятным условиям среды; утрата такого генетического материала стала бедой века.

Горестно, конечно, потерять растения, которые, будучи окультуренными, смогли бы служить людям, но здесь есть и другая важная и многосложная сторона проблемы. Люди слишком долго ошибались, полагая, что колья волк — хищник, то его надо истреблять повсеместно и полностью, а если трава мешает расти ржи, то «сорную траву — с поля вон». Не, оказывается, олень, за которым не охотятся волк, — это уже совсем не тот олень.

Еще Н. И. Вавилов доказал, что только в процессе сопряженной эволюции растения-хозяина и его паразита создаются формы, обладающие устойчивым иммунитетом против своего врага. Значит, и пшенице нужны свои «волки», свои болезни, которые убивают слабых. В 1924 году Вавилов выявил в Афганистане очаги примитивных форм ржи, моркови и ряда других культур, способных сослужить службу селекции. Лукьяненко заинтересовался их судьбой, но узнал с горечью, что ничего этого уже нет, что в Турции исчезли сотни разновидностей мягкой и твердой пшеницы, в Эфиопии — многие

виды ячменя, а засухоустойчивые сирийские пшеницы вытеснены широко рекламируемыми привозными сортами.

Нигде не было такого разнообразия дикорастущих сорочичей пшеницы, ржи, ячменя, овса, как у нас. Объясняется это близостью Советского Союза к основным центрам происхождения культурных растений. Только на Кавказе насчитывалось свыше 300 видов диких их предков. В Азербайджане и Дагестане произрастали оригинальнейшие группы хлебных злаков — особенно твердых пшениц, — не свойственные ни одному району земного шара.

Но и сюда человек уже вторгся со своими стройками, плугами и новейшими сортами.

Как же спасти мастерскую природы и не потерять ни одну из натуральных ее красок? Сколько бы ни размышлял об этом селекционер, ответ был однозначен, он заключался в идее сочетания нетронутой, заповедной природы, куда путь открыт только специалисту, буферных зон, где разрешается туризм и регулируемая охота, а также искусственных местообитаний с полями, пастбищами, фермами, дорогами, городами, промышленностью и т. д. Заповедные места и буферные зоны, конечно же, потребуют значительных территорий. Нужда же в продуктах питания при этом останется не меньшей.

Раз вторгшись в тайну злаков, заселив своими сортами обширные просторы, Павел Пантелеймонович понял, что сокровища природы, столь нужные для обеспечения селекции чистыми «красками», можно сохранить только серией последующих рынков — надо сделать реальностью урожай в 100 центнеров не в отдельных благоприятных условиях, а на производственных полях.

Вот несколько разрозненных записей его раздумий:

«Когда человек серьезно размышляет, у него нет времени на пустые разговоры... Я поднимал свои сорта, как кирпичи поднимают здание...»

«Самый строгий судья в нашем деле — собственная совесть. Как она велит, так и надо делать. Совесть! Совесть... Только незадачливая мать выпустит своего ребенка на люди неумытым, неприбранным или полураздетым...»

«...Год за годом селекционер сталкивается с новыми задачами и загадками. Труд его — извечный поиск.»

«Наука — не религия, где все решается верой или неверием, безоговорочным навязыванием своих убеждений инакомыслящим. Бог науки — факт...»

На многих примерах он видел, как редко удается к уборке иметь на каждом квадратном метре поля в среднем больше 500 продуктивных колосков. Они содержат примерно по 30 зерен. Отсюда и урожай порядка 50 центнеров.

Иметь тысячу колосков? Не удастся! Хотя перед началом колосения их бывает и по полторы тысячи. Но... сохнут, сбрасываются. Им здесь тесно. Что ж, пусть останется 500. Только больших, весящих не по одному, а по два грамма.

Значит, еще ниже, чем у «безостой-1», должен стать стебель, чтобы не расходовать питательные элементы на солому. Еще выше отзывчивость на влагу, удобрения, на хорошие предшественники. Еще больше устойчивость против болезней, вредителей. Колос должен удлиняться, зерно стать крупнее.

В готовом виде ни одна из форм не имела таких признаков. Они были у разных пшениц только обозначены. И он решил постепенно достигнуть такого соединения, чтобы извлекаемые им достоинства в гибриде оказались намного лучше, чем у исходного материала... Немыслимо?! Да, это все равно, что от смешивания синего с желтым краской стала бы одновременно и зеленой, и была синее ультрамарина, и желтее стронциановой.

Для гибридизации Лукьяненко взял теперь в свой «этюдник» еще и пшеницы немецкой и итальянской селекции, у которых колос продуктивнее, чем у «безостой-1». Однако они не отличались зимостойкостью, плохо переносили засуху, поздно созревали и не отличались хорошими хлебопекарными качествами. Поэтому пришлось применять индивидуальный отбор. Наконец среди гибридов начали появляться устойчивые формы, превосходящие исходный материал. Среди них выделили первые две линии, которые получили названия «Аврора» и «Кавказ».

Не менее трех лет полагается испытывать новую пшеницу на государственных сортоучастках, чтобы сравнить ее с местными сортами и определить районы возделывания. Лукьяненко предупреждал, что не надо спешить с выводами, что «Кавказ» и «Аврора» предназначены для мягкого климата, им нужна повышенная обеспеченность влагой, высокое плодородие. Заменить «безостую-1» они не смогут, а только дополнят ее. И на площадях значительно меньших.

Но, раз заведенный, маховик уже не останавлива-

ется. Одновременно с испытаниями семена «Кавказа» и «Авроры» исподволь размножались во множестве мест и у нас и за границей. Лавиной шли результаты, один сносил победнее другого. С гектара брали по 60, 70, даже по 80 центнеров. Причем не только на сортоучастках, но и на производственных массивах.

Успех? Конечно. Но неужели Лукьяненко только переделывал растения и не сталкивался в спорах с коллегами? Книжка сохранила на этот счет две записи. Одна общая:

«Как альпинисту невозможно победить высокую вершину, не одолев перевалов, так и селекционеру нельзя добиться серьезного успеха без преодоления тех преград, которые предшествовали этому успеху. Главное — не давать сломить себя ни людям, ни обстоятельствам. В селекции и Суворов не сумел бы идти от победы к победе под барабанный бой. Горе тому, у кого не хватит выдержки и терпения, кто при первом же провале опустит руки. Он ничего не добьется...» Вторая запись может создать впечатление, что работалось ему легко:

«Я не знаю людей, которые бы ненавидели меня, о которых я мог бы думать с опасением. Зачем мне бояться кого-то, кроме себя? У меня не было личных недругов, но встречались научные противники. Непримиримые? Нет! Время говорило, кто прав, кто ошибся... Может быть, я закрыл кому-то дорогу своим авторитетом? Авторитетом?... Самому удивительно, что при моих средних способностях я смог все же чего-то добиться в селекции...»

Всех заворожили небывалые намолоты «Авроры» и «Кавказа»! Что касается опасений самого Лукьяненко, то о них говорилось: «Осторожничает Павел Пантелеймонович, скромничает... Он когда-нибудь хвалил свои сорта? Ни в жизнь...»

Никто не знал, что он в разговоре с самим собой записывал:

«Сколько бы ни сделал селекционер, он всегда в начале пути... Всегда остается сделать много больше, чем сделано. Главный сорт, о котором мечтаешь, он всегда где-то впереди...»

Но в селекции, где больше неизведанного, чем ясного, где каждый шаг дается дорогой ценой бесконечных проб и ошибок, а ошибки зачастую важны не меньше успеха, ибо указывают, какими дорогами двигаться нет смысла, в этой работе он уже утратил право ошибаться. И старик встревожился, не знал покоя от вопросов. «Почему новые пшеницы такие высокие, почему ложатся? Неужели угасли в них свойства «безостой»? И какой еще окажется устойчивость против болезней?»

Все это совпало с юбилеем. Как 70-я верста на длинной дороге, подбиралось к нему 70-летие. Уговаривал институтских товарищей не затевать никаких торжеств, даже взял билет на самолет, чтобы в тот же день улететь в Москву, а оттуда на международный конгресс.

А убежать не удалось. Для него испекли неохватную «хлебину». Со всей Кубани съехались именитые бригады, агрономы, председатели, прилетели из Москвы ученые. Старались не говорить слова «юбилей», называли все происходящее совместным заседанием президиума ВАСХНИЛ и Ученого совета Краснодарского научно-исследовательского института сельского хозяйства.

Всегда сурового, молчаливого, в тот день его увидели крайне расстроенным. Ему хотелось одного — скорее бы все это кончилось...

Одна из его учениц — Надежда Тарасенко — рассказывала:

— Трудно так говорить про учителя, про академика, но, по-хорошему говоря, он был крестьянином по своей натуре и во многом остался таким, будучи уже всемирно известным ученым. Он был очень скромным человеком. Скромно одевался, любил простую пищу... Своему внешнему виду, своей одежде не придавал значения.

Собралась мы в Англию на конгресс. Прилетели в Москву раньше, он — за нами. Встретились и спрашиваем: «А где ваши вещи?» «Какие? У меня нет вещей...» «А костюмы?»

Мы спросили так потому, что увидели на брюках у Павла Пантелеймоновича пятно. Светло-серый костюм и вдруг — пятно. Так нельзя, говорим, едем на конгресс... Два часа ездили по Москве, но купить ничего не удавалось. То ему что-то не нравилось, то не подходило на такую громаду. Так и поехали. С пятном!

Заседали три дня. Докладов было много. Но только Павла Пантелеймоновича встретили аплодисментами. Он шел под хлопки зала до самой трибуны. Но пятно так и не заметил.

Беда пришла позже. К концу сортоиспытания семян «Кавказа» и «Авроры» вырастили уже так много, что ими засеяли на Кубани большую часть площадей. Все хорошо взошло, развилось к зиме, а весной бычно потянулось вверх. Даже слишком бычно.

Хлеба уже выколосились и зацвели, когда Павел Пантелеймонович вернулся из южного санатория, где лечил сердце. Едва пришел в институт — на лица помощников увидел смятение. Что-то случилось, а что — никто не решался сказать. На делянке все понял. «Кавказ» и «Аврору» сразило ржавчиной. Она изъела листья, стебли, колосья... Уже вустую гнали им корни соки земли, не копили солнце зеленые зерна хлорофилла... В глазах у него потемнело, как тогда, когда узнал, что нет больше Генки.

Что это? Ведь они должны обладать комплексной устойчивостью против всех видов ржавчины... А, может, это, как грипп, то и дело новый вирус? Не появилась ли новая агрессивная раса ржавчины?... И тут ему вспомнилось, что площади под «Авророй» и «Кавказом» разбухли почти до 60 процентов. А спасти их уже никто и ничто не в силах. Урожай упадет вдвое, даже втрое...

Когда-то такая же беда постигла его учителя академика Пустовойта, совершившего целую революцию в селекции подсолнечника. Его новые сорта, которым надлежало не страдать такой страшной болезнью, как заразила, вдруг оказались поверженными ею. Пустовойт снял их с производства, доработал. Государство ежегодно благодаря его сортам стало получать более миллиарда рублей чистой прибыли. Без свершений Пустовойта для подсолнечника пришлось бы искать площадь в дополнительные три миллиона гектаров, строить заводы...

Но Пустовойт был тогда моложе, полон сил. А сердце Лукьяненко сдавало. И все-таки он не из тех, у кого при неудаче опускаются руки. К тому же у него «подходили» линии более совершенные, чем «Кавказ» и «Аврора». Работать, работать... И опять:

«Главный сорт — тот, о котором мечтаешь, — где-то еще впереди. Многие надо обобщить и завершить. Не для себя — для других. Нельзя, чтобы урожай жизни ушел под снег...»

Он допоздна писал письмо, где излагал свои взгляды на беду с новыми пшеницами, советовал, что надо сделать, чтобы она не повторилась впредь, просил не теснить «безостую», больше сеять «ранней-12» и «краснодарской-39», ни в коем случае не давать хода сортам нерайонированным... И не знал, что скоро это письмо назовут его завещанием.

Утром, как обычно, пошел на делянки. Широкоплечий, усталый богатырь, почти двухметрового роста, он перебирал в памяти деталь за деталью все этапы работы над серией, которую открывали «Аврора» и «Кавказ».

Вдруг закололо под сердцем. Он прижал к нему руку. И тяжело осел в доцветающую пшеницу.

В ней он родился, в ней встретил и последний свой час.

...Мы считаем порой, что хлеб — это то, что сначала посеяли, а потом выросло. Но в нем оказываются сплавленными далекое и недалекое прошлое, далекие и близкие страны. А еще он — начало будущего. Хлеба Павла Пантелеймоновича будут долго расти на земле и отдавать все лучшее, что есть в них, другим хлебам. И у нас и по всему свету. Даже после того, когда сбудется мечта о 100 центнерах урожая.

Я начал с семи тучных колосков. Пора досказать их судьбу. Они были суперэлитой, элитой. Потом стали семенами сорта, который только вошел в практику. Но попадись пшеница на глаза селекционеру, он не узнал бы ее. Колосья от уборки к уборке все скудели. Зерно с них не могло именоваться семенами, ибо давно утратило родниковую свою чистоту, но его сеяли.

Поздним осенним днем далеко от родины очень мелкие, сморщенные семена густо, навалом сыпались в глыбистую и незнакомую землю. Было холодно и неприятно. Проростки пробилась очень редкие, только кое-где. Слабые, блеклые... К жатке стебли не дотянулись человеку и до колена. Потом их привалил к земле дождь. Вверх полезли сорняки.

Когда убрали, комбайнер часто останавливался и ругался. Потом в машине что-то сломалось, и он ждал, пока придет грузовик. Грузовик не приехал, комбайнер включил шнек, подставил мешок... И понес зерно в деревню. По дороге он загреб широкой ладонью нескошенные колосья в пучок и сорвал. На току бригадир посмотрел на мешок, на колосья и зло сплюнул:

— Люди сеют не семена, а чистое золото. А тут не сорт — горе.

Так закончили свою жизнь далеко от дома несколько зерен из куста в семь тучных колосков. Как в притче, они оказались съеденными семью колосьями тощими.

Тот ручей, который найден им, и сегодня дает начало реке. Реке хлебной. Но рукотворный хлеб не может жить без каждодневных забот человека. Без них он гаснет.

ни сидели в кухне за столом, покрытым пестрой клеенкой, и завтракали. Мама сказала:

— Я понимаю, борода—это мода. Не такая уж я отсталая. И все-таки, Дима, с тех пор, как у тебя борода, ты стал другим. Да, да, ты отделился от нас, ты плохо влияешь на Виктора, а у него переходный возраст.

Виктор хмыкнул в чашку.

— Борода не только внешний вид,—продолжала мама.—Как ни говори, это еще и психологический фактор.

Пятнадцатилетний Витя отставил чашку и усмехнулся. Дима откинулся на табуретке и хохотал.

— Мам, ну ты скажешь! Психологический фактор! Ученая ты женщина, а готовишь вкусно—вот в чем главное твое достоинство.

Витя подумал: «Попробовал бы я так с мамой разговаривать, мне бы сразу разъяснили, кто кому кем доводится. А Димке все можно». Вслух Витя сказал:

— У нас в классе есть один парень, Ким зовут. Он рассказывал: его старший брат, Марат зовут, отцу усы продал за десять рублей. Отца Иван зовут.

— Это еще что за вариант?—оторвался от омета отец.—Как так, усы продал?

Папа уставился на сына своими серыми глазами, в глубине глаз прятался смех.

— Объясни, объясни!—заверзал на табуретке Дима.

— А что объяснять?—флегматично начал Витя.—Отрастил Марат усы, отцу не нравится. «Сбрей, сбрей». Марат ставит ультиматум: «Десять рублей». Усов нет, деньги есть.—Витя говорит нарочно вяло, без выражения. Пусть получается, как будто торговать усами—дело обыкновенное, ничего удивительного для него, Вити, в этом нет.

— Корифей,—говорит Дима.—Мама, хочешь, продам тебе бороду?

— Ищи дураков,—сказала мама, наливая чай.

— Я подумаю,—сказал отец.—Значит, так, я тебе десятку—ты сразу сбрасываешь бороду. Мама радуется, в доме спокойно. Кончается твое отделение от семьи, дурное влияние на младшего брата Витю. Знаете, я согласен. Пусть деньги немалые, но покой в семье, честное слово, дороже.

— Стоп!—закричал Дима.—Если я правильно понял, десятку стоят усы. А борода?—Дима погладил свою короткую шкиперскую бородку.—Пятнадцать. Пока я не передумал.—И он уставился на отца. У Димы глаза тоже серые, только смех не в глубине, как у отца, а на самом виду.—Пятнадцать рублей!

— Ищи дураков,—опять сказала мама.

— Грубо,—ответил Дима.

— Классиков надо знать,—заступился за маму отец.—Это, к твоему сведению, Дима, цитата из всемирно известного произведения. Какого? Ну-ка.

— «Золотой ключик»,—не выдержал Витя.—«Буратино».

— Я же говорю, корифей!—Дима погладил его по голове.—Он это недавно читал, наизусть помнит.

Витя сбросил с макушки Димину руку, хотел уйти, но остался, ему было интересно, чем кончится эпопея с продажей бороды.

Мама, повернувшись ко всем спиной, мыла чашки. Витя думал: «Цирк полный. У Кима и брата никакого нет, он единственный сын в семье. Мало ли что можно выдумать—брат Марат, отец Иван...»

Дима встал из-за стола, потянулся.

— Значит, не купите? Ладно, пойду.

Мама неожиданно сдалась:

— Подожди. Купим. Соседи во дворе косятся.

Мама щелкнула замком сумки, протянула Диме две бумажки—красную и синюю—и сказала непреклонно:

— И сейчас же в ванную! Чтобы я больше не видела этого безобразия. Шкиперская. Не шкиперская, а пиратская. Черт знает что такое.

— Это тоже цитата?—спросил Дима очень проникновенно и пошел в ванную. По дороге он убрал деньги в карман рубашки.

Витя сказал опять замедленным тоном:

— Я, конечно, не подстрекатель. Но тот парень, Маратом зовут, он продал свои усы не раз навсегда, а до следующего урожая. А вырастут—опять продаст им же.

— Тише!—Мама сделала страшные глаза и кивнула на дверь ванной.—Не подавай ему идею. До следующего урожая—это же надо додуматься!

Мама стала убирать посуду в шкаф.

— Ну и субъект этот Марат,—хмыкнул отец.—У приличных людей так не делается. Любая сделка требует порядочности партнеров.

— Тише,—опять сказала мама.

— Я все прекрасно слышу,—сказал Дима из-за закрытой двери.—Следующего урожая не будет. До мая она не отрастет, а в мае... в мае мне и прическу—ты-тю.

Мама вздохнула.

Все знали, что в мае Дима уйдет в армию.

...И все равно уехал Дима как-то неожиданно. Сразу в доме стало тихо, просторно и немного грустно.

— Армия сделает из него человека,—не очень уверенным тоном сказал отец.

— Может быть, я клуша,—ответила мама,—но я хочу, чтобы мои дети были со мной. Вот и все.—Мама всхлинула. Витя вспомнил, как мама часто говорит, что ненавидит плаксивых людей. Еще она совсем недавно говорила, что сама никогда не плачет и за это ее уважают все ее

приятельницы. По маминым щекам бежали слезинки и капали на кухонный стол.

— Никаких слез,—строго сказал отец и посмотрел почему-то на Витю. Витя протянул:

— Есть как хочется... Мама, что можно съесть?

Мама перестала всхлипать, сняла с полки кастрюлю, стала варить макароны. Вите совсем не хотелось есть, но он съел целую тарелку макарон с сыром. Папа держал в руке вилку и не ел.

Скоро от Димы пришло письмо. Он писал, что у него уже есть друг, Олег Шалашников из Ленинграда. У этого Олега чувство юмора развито даже лучше, чем у самого Димы.

— Нахал наш Димка,—сказала мама.

Еще Дима писал, чтобы Витя взял себе его джинсовую куртку, все равно она скоро станет Диме мала, все говорят, что за два года в армии плечи становятся—во.

— Все-таки еще совсем мальчишка,—сказал отец.

В конце письма совершенно между прочим было сказано: «Если позвонит приятный голос, то это Оля».

Мама и папа промолчали. Витя тоже ничего не стал говорить, хотя он немного знал Олю. В прошлом году она была десятиклассницей, а теперь училась в медицинском институте. В школе она была заметной и уверенной. Вите не очень нравятся такие девочки—заметные и уверенные. Идет по длинному школьному коридору и знает, что все на нее смотрят, все любят ее длинными ногами, ее прозрачными голубыми глазами. Подумавшись, Оля! Нет, Вите нравятся не такие девочки...

После каникул Нина села в классе позади Вити. Раньше она сидела в другом конце, а теперь села близко. Может быть, это что-то значит, а может быть, и нет. Вите больше не надо вытягивать шею и глазеть на нее через весь класс. Обернулся, и вот она, Нина Волошина. Откидывает темные волосы со лба, а ресницы у нее длинные, достают до бровей. Как у Грина—королева ресниц.

— Нина, знаешь, я тетрадку дома забыл.

— Эх ты,—качает головой Нина и вырывает из своей тетрадки листок.

— Нина, какое сегодня число?

— Двадцатое ноября.

— Виктор! Не вертись, не разговаривай!

— Хорошо, Эмма Александровна, не буду.

На физике Нина спросила:

— Витя, у тебя нет лишней ручки?

У него спросила. А могла у кого угодно спросить. У Тамары, например. Сидят-то рядом. Правда, всем известно, что

Тамара жадная и просить у нее неприятно. Ну, могла у Сережи спросить, у Кима—мало ли людей. А она спросила у него. Ему сразу стало весело. У него не было лишней ручки, он отдал свою, которой писал. И она взяла, посмотрела на него, улыбнулась. Может быть, все это что-то значит, а может быть, ничего не значит.

На перемене Нина стоит с девочками у окна, они о чем-то разговаривают. Все девочки стали какими-то взрослыми, красивыми. В восьмом были так себе, а теперь, в девятом, совсем другие. Вите не слышно, о чем они говорят. Он встал у соседнего окна и смотрит на улицу, как будто видит там что-то интересное. Он и лицо сделал такое поглощенное. А там, за окном, решительно ничего не происходит. Идет человек с собакой, собака как собака, фокстерьер. Старуха везет сумку на колесиках. Витя на все это пристально смотрит. Вдруг девочки засмеялись. Может быть, над ним? У него сразу портится настроение. Нина смеется громче всех. Почему обязательно над ним? Нина вообще любит посмеяться. Эмма Александровна однажды сказала:

— Ты, Волошина, как засмеешься, звонка в школе не надо. Нет, конечно, они не над ним смеялись. Просто есть у человека чувство юмора, вот человек и смеется.

Скоро вечер. Витя сидит в своей комнате и решает пример по алгебре. Он честно старается думать об алгебре и только об алгебре. А думает все равно о другом. Где сейчас Нина?

Наверное, дома, тоже сидит за столом, делает уроки. А может быть, пошла погулять? Как было бы прекрасно, если бы Нина вдруг оказалась здесь. Вошла бы в комнату, села бы на этот стул у стены. Нет, этого никак не может быть! А почему не может? Ходит же она к другим ребятам из класса? К Сережке заходила, когда он болел. Кстати, а чего это она к нему заходила? Разве не мог кто-нибудь другой отнести ему уроки? На Витю нападает тоска. Но тоска длится две минуты. Он вспоминает, что Сережка намного ниже Нины ростом. Потом он вспоминает еще, что Нина и Сережка живут в одном подъезде, вот почему она его навещала. И все это ничего особенного не значит. И опять он смотрит в тетрадку по алгебре, а мысли непослушно уходят от нее. Ну что такого невероятного—вот возьмет она и вдруг придет! Сядет на этот стул, улыбнется. Спросит: «А это на стене чья фотография?» Витя хмуро смотрит на фотографию. Голый карапузик лежит на животе и безмятежно смотрит вдалеку. Придумала же мама повесить на стенку именно этот Витин снимок. А может быть, Нина заметит гантели в углу возле шкафа и скажет восхищено: «Ты, Витя, такие тяжелые поднимаешь?» А Витя совсем небрежно ответит: «Да они не такие уж тяжелые».

Людмила МАТВЕЕВА
РАССКАЗ

Рисунок Владимира ВЛАДИМИРОВА

Она посмотрит на него с уважением. Потому что гантели на самом деле очень тяжелые, Витя их не может оторвать от пола, не то что гимнастику с ними делать. А гимнастику делал Дима, это Димины гантели. Но ведь Нине это знать не обязательно. Да и не придет она сюда. Чего это она придет? Никогда не приходила, а тут вдруг придет. Чудес не бывает. И в это время звонит звонок у двери. Витя летит отпирать, не веря, но все равно надеясь. Он распахивает дверь. В дверях она, Нина. На пальто и на волосах мелкие капли дождя. Каждую капельку можно разглядеть отдельно, это, конечно, не сон.

— Добрый вечер, Витя,—говорит она.—Я принесла твою ручку. Что ты на меня так смотришь? Ту, которую ты дал мне на физике. Разве ты забыл?

— Нет, не забыл,—отвечает Витя растерянно.—Очень хорошо, что ты принесла ручку, а я уж думал, что ты не принесешь.

Нина смотрит молча, ресницы у нее дрожат, видно, что сейчас засмеется. Почему-то девочки всегда угадывают, когда человек смутился или растерялся. Они вообще многое могут угадывать. Витя постарался сделать спокойное лицо.

— Заходи, вот сюда... Хочешь, музыку включу?

Она повесила пальто на вешалку, прошла в комнату и села на тот самый стул у стены. Она поправила юбку на коленях, огляделась по сторонам, кивнула на фотографию:

— Это кто? Ты?

— Нет,—покраснел Витя,—это брат Дима, он в армии сейчас.

— Симпатичный какой,—сказала Нина.—Толстый. А эти гантели твои?

— Да,—сдавленным голосом сказал Витя.

Нина подошла, попробовала поднять, не смогла оторвать от пола. Засмеялась и села опять.

— Ты просто силач. А по алгебре пример сделал? Сто двадцать седьмой?

— Еще не делал. А ты?

— Тоже еще не делала. Успею.

Витя смотрел на нее. Он только теперь понял, что значит—поет душа. У него пела душа. Ему казалось, что, если он ослабит контроль над собой, песня души вырвется наружу. Нина пришла к нему. Сидит здесь. Разговаривает. Принесла ручку. Она могла отдать эту несчастную ручку завтра в классе. А она пришла. Может быть, это телепатия? Он так сильно мечтал, чтобы Нина пришла, что она почувствовала и пришла. Надо о чем-то говорить, а то ей станет скучно.

— Нина, ты любишь стихи?

— Да. Блока и Маяковского.

— Нина, включить музыку?

— Потом.

«Потом». Значит, она еще не собирается уходить. Она будет сидеть, и он сможет смотреть на нее и разговаривать с ней, все равно о чем. Это не так уж важно, о чем разговаривать. Сидит Нина, свет лампы падает на щеку, легкие темные волосы лежат на плечах. На стене ее тень.

В соседней комнате папа громко говорит:

— Теория конструкции контактов—это неграмотно. Или теория контактов, или конструкция контактов. Твой Натрускин еще в институте был демагогом.

— Почему мой Натрускин?—сердито спрашивает мама.—Просто Натрускин. И никакой он не демагог. Просто он средний инженер. А ты от всех людей требуешь таланта. Нет у Натрускина таланта, где он тебе возьмет?

Папа смеется. Мама входит в комнату к Вите. Нина встает и вытягивается, как перед учительницей.

— Здравствуйте, Нина,—говорит мама.—Пойдемте ужинать. У нас потрясающие сосиски.

Витя совершенно отчетливо помнит, что он ни разу не называл имени Нины в мамином присутствии. Опять телепатия?

— Я не только имя, я и фамилию вашу знаю,—говорит мама,—да вы садитесь, Нина Волошина.

Нина садится на край стула и спрашивает:

— Как вы узнали?

— Это мой секрет,—смеется мама. Вите тоже весело. Ему сегодня все кажется веселым и прекрасным.

— Не смущайся, Нина. У нас немного странная семья.

— Как ты смеешь?—весело возмущается мама.

Заглядывает отец.

— Скоро ужин? Прошу прощения. Здравствуйте, Нина Волошина.

Нина и Витя смеются.

— Какой у вас, Нина, хороший смех. Ну, пошли есть.

— У нас потрясающие сосиски,—говорит папа. Он вертит в руках учебник алгебры.—От Димки вторую неделю писем нет. Разве можно так бездушно относиться к своим родителям? Как вы считаете, Нина Волошина?

— Нельзя бездушно,—отвечает Нина.—А скажите, пожалуйста, как вы узнали?..

— Ваше имя и фамилию? Это наш маленький секрет.

Потом они ужинали. Мама ловко счищала с сосисок целлофан. Папа налил себе из пакета молоко и сказал всем:

— Ваше здоровье.

Витя смотрел на Нину. Она медленно намазывала на сосиску горчицу.

— Витя, ешь,—сказала мама.—Холодные сосиски несъедобны.

— Сосиска любит, чтобы ее ели горячей,—добавил папа.

И в это время вошел Дима. Он был в солдатской форме, с чемоданом. Он поставил чемодан у порога и посмотрел на всех по очереди. Мама кинулась его обнимать. Отец спросил:

— Отпуск?

— На два дня,—ответил Дима,—за успехи в боевой и политической подготовке.—Он подошел и взъерошил затылок Вите.—Вырос ты, младший брат. А вас я знаю, вы Нина Волошина.

— Я вас тоже знаю,—ответила Нина.—Вы учились в нашей школе.

— Тогда вы были вот такая.—Дима показал ладонью чуть выше края стола.—Я тогда не знал, что вы Нина Волошина. А сегодня, не успев я переступить порог родного дома, сразу узнал, что у нас в гостях Нина Волошина. Как я узнал? Это мой маленький секрет.

Мама стала кидаться от Димы к плите. Ей хотелось накормить его, но надолго отвернуться от Димы она не могла. И смотрела на повзрослевшего сына. Отец топтался вокруг и потирал руки.

— Мне пора домой,—сказала Нина.

Витя и Нина выходят в переднюю. Она надевает пальто. Витя хочет помочь Нине надеть пальто, но он еще никогда не помогал девочке надевать пальто. И тут он замечает на подкладке, в самом низу, пришитый матерчатый квадратик. На нем написано синими буквами: «Волошина Нина, первый отряд».

— Нина, ты этим летом в лагере была?

— Была,—говорит Нина.—А ты откуда знаешь?

Витя хочет объяснить, но почему-то отвечает:

— Секрет. Маленький, правда, но секрет. Я даже знаю, в каком отряде—в первом.

— Ну тебя с секретами,—машет рукой Нина. Глаза у нее веселые. Она достает из кармана ручку.—На. Совсем забыла.

— Знаешь, что?—решается Витя.—Отдашь в следующий раз. Ладно? Принесешь, когда захочешь.

Она кивает. От ее ресниц в маленькой передней поднимаются ветерок.

Нина уходит. Витя стоит и слушает, как легко звенят на лестнице ее шаги. А в ванной громко распевает Дима.

Однажды я получила письмо от незнакомой девушки. В нем были такие строчки:

«Мне часто приходит в голову мысль, что дружбы вечной не бывает. Она, как платье, появляется и изнашивается. А уж если случилось с тобой несчастье, так и подавно — никому ты не нужен...»

А. Смолина, гор. Богородск».

Я долго думала, как написать Тоне о том, что ее слова не соответствуют истине. Как избавить ее от разочарованности по отношению к окружающим? Как ей внушить, что жизнь хороша, и даже в таком состоянии, как ее и мое, она не может быть в тягость? И тогда я рассказала ей о себе...

Я вспомнила тот жаркий и радостный день — 18 июля. Мне исполнилось восемнадцать. Я получила первую зарплату, мама пекла к вечеру пироги... Уходя на работу, я помахала ей рукой. Мама стояла возле калитки и улыбалась. «До вечера!» — крикнула я.

Но вечером я очнулась на больничной койке. И окружали меня не подруги, а врачи, сестры, нянечки... Маму пустили только на второй день.

Я долго не знала трагичности своего положения. Помнила только, что грузовик, в котором мы ехали за песком в карьер, перевернулся. Я, как и все, выпала из кузова... Но ведь другие девушки уже поправились, думалось мне, значит, поправлюсь и я.

Но шли дни. Они складывались в недели, месяцы. Я по-прежнему находилась в больнице. Теперь я знала, что со мной произошло непоправимое — перелом шейного отдела позвоночника с повреждением спинного

открыла журнал «Октябрь». Привлек внимание очерк, в котором писательница Елена Микулина рассказывает о русской женщине из Рязани и о ее сыне, оказавшемся в годы войны во Франции. Как-то особенно остро почувствовала горе матери и слова писательницы о том, какое это большое счастье — жить в стране, где люди тебя обязательно поймут и поддержат. Письмо в Москву было отправлено на следующий же день. Ответа ждала с нетерпением. И, наконец, получила очень теплое, хорошее письмо. А через несколько дней у моей кровати стояла Елена Николаевна Микулина, так близко принявшая мою судьбу к сердцу. Едва ли нужно говорить, как это было неожиданно, радостно и вовремя.

Затем была газета со статьей под названием «Мужество», после которой я получила массу писем. В одном из них — от москвича Ивана Васильевича Шамова, в прошлом летчика-истребителя, а теперь поэта, — были такие стихи:

Не все мы в жизни молодчаги...
Порой найдет на сердце тень,
Но вспомнишь вдруг, как жил Корчагин,
И сразу станет ярче день,
И станут мелкими невзгоды,
И легче собственный недуг.
Вот так прожить нам надо годы
И не иначе, милый друг.

Да, еще раз убеждаюсь, что жизнь хороша для тех, кто ее любит. Здесь бесспорное преимущество на стороне жизнелюбов. Островский доказал, что воля человека сильнее болезни. И потому никогда не было

Вера ЗАВЬЯЛОВА

В ЧУЖОМ

Веру Завьялову, чьи записки вы прочтете в этом номере, я знаю тринадцать лет. Столько же времени знакомы с ней и связаны крепкой дружбой члены одной из бригад коммунистического труда Запорожского коксохимического завода. Более десяти лет считают ее своей подругой швейницы фирмы «Маяк» из Горького.

А между тем Вера Завьялова жила в маленьком городке Шарья Костромской области. Как же подружились они, живя в разных концах страны, и почему стали родными друг другу?

Мне радостно сознавать, что в известной степени я стала тем первым связующим звеном, с которого началась прекрасная эстафета человеческих чувств, эстафета, для которой нет расстояний.

Вернувшись из Шарьи после первой встречи с Верой, я написала о ней знакомым мне по прежним писательским командировкам молодым рабочим в Запорожье. Ответ их был быстр и короток: «Беремся все сделать». И они сделали действительно все. Не только писали Вере письма, слали посылки, приезжали к ней в гости. Запорожцы устроили Веру в клинику г. Горького и обратились через газету «Горьковский рабочий» с призывом не оставлять большую девушку одну в чужом городе. А потом друзьями Веры стали швейницы «Маяка», рабочие Горьковского металлургического завода, врачи города Горького, преподаватели института иностранных языков, который она сейчас заканчивает.

История Веры Завьяловой — убедительный пример высокой нравственности, гражданской сознательности человека нашей страны, доказательство того, что помощь, дружеская поддержка — не благотворительность, а естественное стремление советских людей быть рядом с тем, кому ты можешь принести пользу. Ибо, как писал мне как-то начальник смены Запорожского завода Леонид Голубчик, «...так важно знать, что ты очень нужен кому-то. Ведь тогда ты сам становишься чище и лучше, богаче душой».

Елена МИКУЛИНА

мозга. А это значит: полная неподвижность, полная беспомощность, когда даже муху с лица согнать не можешь... И книжка инвалида — как путевка в жизнь...

Меня, как и Тоню, одолевали мысли: «Как жить? Зачем жить? А если жить, то чем? Ты ведь поняла, что с тобой случилось...» Перед глазами худое, но такое прекрасное лицо Николая Островского. «Он мог, он умел жить по-настоящему. А ты?»

И тогда я начала заниматься физкультурой. Настойчиво. Зло. Преодолевая боль, усталость. С помощью мамы я закидывала руки на протянутую над кроватью веревочку и держала их в таком положении до тех пор, пока они не падали всей своей тяжестью мне на грудь. Еще и еще. С утра до вечера. До физического изнеможения...

И вот пришел день, когда я решила научиться писать. Лежа на спине, держа карандаш сведенными пальцами. Это оказалось очень сложным делом. Но, не научившись писать, я не могла продолжать образование. И я стала искать. Перепробовала сотни вариантов, но остановилась на том, который предложил брат: книгу ставила себе на грудь как попир, надевала на нее резинку для удержания бумаги, в правую руку вставляла авторучку и, прижимая ее к плечу, начинала выводить буквы. Поразительно, как это трудно, но все же что-то получается. Пишу письма всем, кому надо и не надо: тренируюсь.

Как-то подруга заговорила об учебе. Мысль эта давно бродила в голове. Решила начать с девятого класса — просто не уверена была в себе. Как разбирали мой почерк учителя, не знаю, но я старалась. Сразу появились какие-то заботы и радости, и это скрашивало жизнь. Новое дело оказалось лучшим средством против тоски.

Регулярно проходила курс лечения в Костромской областной больнице, там около меня всегда были умные и чуткие люди. Истекали месяц, второй, и я опять возвращалась в свою маленькую хижину отшельника.

Однажды вечером, чтобы хоть немного отвлечься,

барьера между ним и людьми, он присутствовал и всегда присутствует во всех их делах.

Вот в это время как-то незаметно, но прочно, надолго вошли в мою жизнь запорожцы — коллектив смены № 4 коксохимического завода. Начальник смены Леонид Александрович Голубчик не только сам принял живое участие в моей судьбе, но сделал так, что вся смена, а это 80 человек, стала моим другом. Общение с этими милыми, добрыми, сердечными людьми — большая радость. Ее ничем заменить невозможно. Ближе к сердцу они принимают каждое мое письмо и объединенными усилиями пытаются облегчить положение, воодушевляют на сопротивление болезни, в тисках которой я нахожусь. Как же приятно сознавать, что есть на земле уголок, где о тебе думают, что есть люди, которым жизнь твоя небезразлична!

Летом неожиданно приехали представители смены: Катя Гончаренко, Зина Проскура, Владимир Лобза. В подарок привезли телевизор, который стал для меня поистине окном в мир, богатый и интересный. Долго жила я под впечатлением этой встречи. И иногда думала: а ведь они вполне могли, познакомившись со мной, ограничиться письмами, ну в крайнем случае подарками. И все. Но запорожцы прекрасно поняли, что в моем положении важнее всего совсем другое — общение с людьми. Их доброе отношение, их дружба сделали меня сильнее.

На первом месте в нашем обществе всегда человек — это я поняла благодаря запорожцам. Они же наметили для меня и дорогу в будущее — обязательно поступить в институт. Это моя цель, и с того лета я стала стремиться к ней. Невозможно же сидеть сложа руки в надежде на выздоровление — его уже не будет никогда. Грустно об этом думать, но что поделаешь...

Осенью поступила на курсы английского языка и параллельно на филфак Кировского пединститута имени В. И. Ленина. Английский — это моя константа, ну а что касается русского языка, его мы должны изучать всегда. И началась моя нелегкая студенче-

ская жизнь. Заниматься приходилось много и большей частью по вечерам, когда ничто не могло отвлекать внимание. Пришла пора экзаменов, принимать их приехал преподаватель из Костромского пединститута имени Н. А. Некрасова. По всей вероятности, ему понравились мой ответ и конспекты ленинских работ, и он стал убеждать, что для меня и лучше и полезнее будет изучать историю. Говорил он так убедительно, что вскоре я перевелась на истфак пединститута г. Костромы. Это было удобнее, так как из Кирова преподаватели выезжать в г. Шарью не могли. Продолжала учиться на курсах английского языка. Писала я теперь уже свободно, ручку освоила хорошо, и это облегчало мои занятия. А вообще от английского я никогда не устаю.

Шло время. В моей болезни все было без изменений, несмотря на то, что периодически проходила курс лечения в областной больнице.

В 1968 году меня неожиданно направили на юг, в Саки — курортный городок для спинальников. Здесь познакомилась с людьми, так сказать, выброшенными из привычной колеи жизни, но — это факт! — не обращавшими на свои болезни ни малейшего внимания. Каждый из них по мере сил и возможностей старался делать что-то полезное, нужное, интересное не только ему, но и другим. Уехала оттуда, подкрепившись и физически и духовно.

Дома узнала, что меня направляют в Горький на лечение. Радости, конечно, не было границ. Нет, я уже не мечтала о том, что буду ходить, но болезнь прогрессировала до такой степени, что хотелось просто облегчения. С тем и поехала.

И вот я в Горьковской городской больнице № 39. Буквально на второй день ко мне в палату пришла

ным становится смысл фразы: «Человек красив трудом».

Судьба лишила меня возможности двигаться, но я очень ей благодарна за встречи с хорошими людьми, за то, что они все вместе и каждый в отдельности помогают верить в будущее, вселяют оптимизм, а это уже здоровье.

Летом 1969 года закончила английские курсы, и мои друзья решили, что мне есть смысл продолжить изучение языка. Осенью я стала студенткой отделения английского языка Горьковского пединститута имени Добролюбова. Наконец-то моя мечта — систематически и целенаправленно заниматься английским — сбылась.

Операции следовали одна за другой. Были моменты невыносимые, но всегда, повторяю, всегда рядом были люди сочувствующие, понимающие и помогающие.

Приучила себя к обязательной ежедневной работе. Труд — это как раз то, что мне необходимо. Оставить институт даже в те тяжелейшие дни было бы слишком большой уступкой моему постоянному, отнюдь не миролюбивому спутнику — болезни. Поэтому сдаваться без боя была не намерена.

В 1972 году редакция «Ленинской смены» попросила меня сделать перевод статьи из газеты «Морнинг стар» о жизни студенческой молодежи Америки. С каким удовольствием я принялась за эту работу! И, помню, с огромным нетерпением ждала номер газеты, в которой будет мой перевод. Мне хотелось увидеть его после редакционной правки, оценить качество своей работы. Наконец, статья была опубликована, причем почти без изменений, и тут я поверила в себя, в свои возможности, в свои знания.

Петру ДУДНИК

Песнь лесов

*Под нами, под нами,
веками, веками
спят наши прадеды
снами праведными:*

*перебирают пальцы-листья
лунные блики — незрячие лики,
трепетно трогают мордочки лисьи,
спины лосиные, крылья совиные;*

*в утреннем солнце плещутся кроны,
ветер вихрастый дует в валторны;
птиц разноцветье, полян разноцветье,
с визгом веселым носятся дети...*

*Снами праведными
спят наши прадеды
в черной ночи,
бесконечной ночи,
там, где дожди,
только дожди...*

*Нет, не для нас эта ночь, ночь!
Участь такую — прочь, прочь!
Ведома нам безраздельная страсть —
хотим, как герои,
безвременно пасть!*

*Хотим в города превратиться
навечно,
чтоб с небом была у нас вечная
встреча.
Чтоб людям подставить могучие
плечи,
мостами хотим изогнуться
над речками.*

*Хотим в корабли превратиться
морские,
чтоб в схватку вступить
со свирепой стихией!..
Нет, не для нас бесконечная ночь.
Участь такую — прочь, прочь!*

*Учиться терпению у гор нам?
Что ждут они, горы, так гордо?
Чтоб время исполнило свой приговор,
разрушив величие гор?*

*Терпению учиться хочу у дорог,
чей путь многотрудный
тяжел и далек.
Пусть даже бураны их гонят назад —
не знают дороги
дороги назад.*

*Не знают дороги, как годы пусты
у тех, кто, как горы,
на месте застыл.
Но знают дороги
дорогу вперед,
дорогу, которая к цели ведет.*

*Терпению хочу научиться у рек,
под ношей люблю
стремлящих свой бег.
Пусть шквал повернуть их пытается вспять —
не знает течение
течения вспять.*

*Пустыни пусть лягут на долгом пути,
болота расставят свои западни —
речная стремнина,
на зависть горе,
всегда разливается в вечность морей.*

*Учиться терпению у гор нам?
Что ждут они, горы, так гордо?*

Перевел с молдавского
Владислав ПОБЕДНОСЦЕВ.

ОПРОДЕ

целая бригада — швейницы с производственного объединения «Маяк». Каким-то образом их бригадир Вера Петровна Иванова узнала обо мне и сагитировала своих подруг взять надо мной шефство. Очень жаль, что эта женщина так рано умерла — она еще многим смогла бы подарить радость. А Римма Николаевна Бородай, Валентина Николаевна Катаева и сейчас часто бывают у меня. Их, да и остальных членов бригады, я жду всегда, как самых родных, бываю им безмерно рада.

Тут, в больнице, я почувствовала, что даже в таком беспомощном состоянии, как мое, человек может быть счастлив. Да, счастлив. Ведь счастье каждый понимает по-своему. Я его вижу в общении с людьми, хорошими людьми. Именно они стали главным в моей жизни. И именно они делают меня счастливой. Поэтому дальше я хочу назвать тех замечательных людей, которые так или иначе помогали, помогают и, я верю, еще помогут мне в жизни.

Это прежде всего мой лечащий врач Лев Хитрин. Когда я чувствовала себя особенно плохо, он всегда был рядом и находил такие слова, что я начинала верить в лучшее. Он постоянно воспитывает меня. Его доброе отношение особенно ценю. Для меня он стал образцом в жизни: ничего не начну, если не посоветуюсь с ним.

Это преподаватели Горьковского пединститута и его ректор Мария Петровна Данкова. Это она говорила: «Обязательно читать каждый день, использовать для учебы малейшую возможность». Дисциплина — прежде всего, это я тоже поняла.

Это Михаил Григорьевич Григорьев, директор института травматологии и ортопедии. Благодаря его и врачей института умению и опыту я могу сидеть.

Это коллектив Горьковского металлургического завода. Магнитофон, который они мне подарили, здорово помогает в изучении языка.

Чувство гордости остается после знакомства с Риммой Игоревной Клечковской, врачом больницы № 39. У меня это чувство граничит с влюбленностью. Когда наблюдаешь ее в работе, особенно яс-

Мой главный труд сейчас — учеба. Учусь уже на пятом курсе. Главная задача — закончить институт, а для этого требуется увеличить собственную «скорость».

Вспоминаю время, когда только что открылось вновь созданное нейрохирургическое отделение. Нас, спинальников, сразу туда перевели. И у меня появилась надежда, да еще какая! После обследования решили оперировать, обещая, что я смогу ходить в фиксоаппаратах. Да это же счастье! Не спала всю ночь, переживала, представляла первые свои шаги по земле. А утром, в самый последний момент, хирург отказался оперировать — все оказалось сложнее, чем он предполагал. Нетрудно предположить, как мне было тяжело.

Сейчас я не та, что несколько лет назад. Лежу уже долгие годы, но в будущее смотрю без тоски и пессимизма. Появилось много всяких желаний. Хочется, например, выехать в поле, лечь на землю и смотреть, смотреть в небо, такое большое и чистое. Хочется послушать хорошую оперу в театре, только там можно по-настоящему оценить этот вид искусства.

Хочется, чтобы как можно дольше рядом со мной была моя милая и много пережившая мама. Не сумели мы, дети, сделать ее счастливой, и это очень больно сознавать теперь, когда она уже в таком возрасте, что и собственная ноша начинает тянуть. Несмотря на все трудности, которые легли на ее плечи, она остается доброй и мудрой женщиной, воплощением истинно русского характера.

Люблю фильмы, запоем читаю книги о героической жизни нашей молодежи, волнует все, что родом из комсомола.

Письма получаю каждый день, а вот выкроить время на ответы трудно — очень много работы. Но всегда помню, что «единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения».

На столе в моей комнате постоянно стоит ваза с цветами. Часто звонит телефон. И все это потому, что я не одинока. Люди стали главным в моей жизни.

«Обеспечить дальнейшее развитие Норильского горно-металлургического комбината и увеличить производство цветных металлов из сырья этого комбината...»

Виктор ЛЕВашОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены».

Из проекта ЦК КПСС к XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

НОРИЛЬСКОЕ УСКОРЕНИЕ

ГИГАНТЫ
СОВЕТСКОЙ
ИНДУСТРИИ

РАПОРТУЕТ ВСЕСОЮЗНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ
УДАРНАЯ:

«ЗА ГОДЫ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ ВЫПУСК НИКЕЛЯ ВОЗРОС БОЛЕЕ ЧЕМ НА 60 ПРОЦЕНТОВ, МЕДИ—БОЛЕЕ ЧЕМ НА 25 ПРОЦЕНТОВ, КОБАЛЬТА—БОЛЕЕ ЧЕМ НА 32 ПРОЦЕНТА.

ПОСТРОЕНО И СДАНО В ЭКСПЛУАТАЦИЮ СВЫШЕ ДВУХСОТ КРУПНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ, В ИХ ЧИСЛЕ: ЧЕТЫРЕ ОЧЕРЕДИ РУДНИКА «КОМСОМОЛЬСКИЙ», ДВЕ ОЧЕРЕДИ РУДНИКА «ОКТЯБРЬСКИЙ», КОМПЛЕКС ОБОГАЩЕНИЯ РУД, НОВЫЕ МОЩНОСТИ НА МЕДЕПЛАВИЛЬНОМ И НИКЕЛЕВОМ ЗАВОДАХ.

ВВЕДЕНО В СТРОЙ БОЛЕЕ 450 ТЫСЯЧ КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ ЖИЛЬЯ...»

ЗАВОДСКИЕ КОММУНИКАЦИИ.

АВТОМАТИКА: КОНТРОЛЬ И УПРАВЛЕНИЕ.

Шел обмен комсомольских документов. Они знали, что никаких неожиданностей не будет, никто не будет задавать каверзных вопросов. Знали—и все-таки волновались. Так волнуются школьники-ребята в коридоре райкома, толпясь перед дверью, за которой заседает бюро. Выучены наизуток все пункты Устава, ночью каждого разбудит—выпадет без запятой: «Демократический централизм—это...» Но вдруг попросят: расскажи о себе? Что ты такого сделал в своей жизни, чтобы сказать: «Я—комсомолец?»

Юрий Чистов. Уроженец города Шахты. Выпускник Новочеркасского индустриального института. На заседании комиссии по распределению молодых специалистов сказал: «Прошу направить меня в Заполярье».

Что было за два минувших года? Закладывал воздухоподводящий ствол на новом сверхмощном руднике «Таймырский», проходил первые метры на втором клетевом стволе рудника «Октябрьский».

Много, очень много, если вспомнить, что еще вчера, казалось, стоял, растерянный, на вздыбленной чудовищной силой земле,—все знающий, но не умеющий ничего. Мало, ничтожно мало, если знать, что рядом сейчас ровесники, с которыми разве сравнишься?

Проходчик Михаил Старовойтов. Инженер-механик Саша Елифанцев. Сменный мастер Василий Пономарев. Рукоятчица Наташа Власенко. Их друзья из бригады Виктора Верченко. Вот кому нипочем любые вопросы. У них не слова—свершения: это их бригада установила в 1974 году новый всесоюзный рекорд, пройдя за год более тысячи метров вертикального ствола. Это им вместе со всеми норильскими шахтостроителями были адресованы

приветственные слова Леонида Ильича Брежнева и поздравления с большой трудовой победой: вводом в эксплуатацию первой очереди рудника «Октябрьский» с сокращением нормативного срока строительства на 27 месяцев—более чем на 2 года!..

Но они все равно волновались. И Михаил Старовойтов, и Наташа Власенко, и молодые инженеры Василий Пономарев и Александр Елифанцев. Да, было кое-что сделано, кое-что удалось, но это уже позади. А впереди что? Ведь когда говорят: «Расскажи о себе»,—ждут не перечисления прошлых заслуг!..

Этот день запомнится им надолго. Над студеной землей встало низкое, слабое солнце, застарелая куржа блестяла на бетоне копров и прокаленном морозом металле, высоко в небе, над мелкими талнахскими сопками, над дорогами, над копрами плыл флаг Всесоюзной ударной комсомольской стройки. В этот день шестнадцать молодых горняков первыми в Норильске получили комсомольские билеты нового образца. В этот день Юрий Чистов и его товарищи по-новому осмыслили слова одного из норильских старожилов, ветеранов-строителей: «Мы строили Норильск, а Норильск строил нас»...

Полное его название—Норильский ордена Ленина горно-металлургический комбинат имени А. П. Завенягина. Но чаще говорят просто—Норильский комбинат. Или еще проще—Норильск. Ибо комбинат—это и есть город. А город—это и есть комбинат.

«Из Норильска. Иркутск, Востоксибзолото. На ваш запрос сообщаем, что Норильскстрой имеет следующие цехи: хозяйственный, конного транспорта, оленного транспорта, строительный и геологоразведочный. Форсируйте выполнение наших заявок. Динамиту, бикфордова

В РУДНОМ КАРЬЕРЕ.

Он уже не стрелял, но ружье за спиной продолжало висеть, как на серой стене. Он с утра уходил в государство лесное, как когда-то на той партизанской войне.

По сырому стволу почерневшей осины перетаскивал тело свое за ручей. И сияли очки его краскою синей, если в небо вздымал он окошки очей.

Он любил этот лес, этот мир бородатый, этот край, где оставил друзей почивать... Каждый день уходил в этот мир, как в солдаты, и домой возвращался в пустую кровать.

И болела какая-то рана все лето (он и счет этим ранам давно потерял). Он уже не старел и смотрел, как с портрета, на котором слегка потускнел матерьял.

И соседи его (по болоту и лесу) постепенно привыкли к нему, как к траве... Был теперь он пронизан одним интересом, свет один колыхался в его голове:

Стал он добрым... Зачем, почему—неизвестно. Раздавал свои книги, одежду, рубли. — Это лес его так! Это все из-за леса!— говорили старухи. И в сторону шли.

Дом у дороги

Как под фуфайку девичью, легла земля под первый снег. Глуши мотор! Сливай водичку! Неси гитару. Будет смех.

...Грузовики перед столовой вели ворчливый разговор. Вокруг подворья лес еловый стоял недвижно, как забор.

Туристы шмыгали носами, пытались петь... И под трезвом снежинки юные плясали и опускались на газон.

Прощалась дохленькая клумба с веселой жизнью до весны... Здесь было нечто вроде клуба: игра, беседа, пища, сны.

Наверняка во время оно седок, менявший лошадей, здесь пил чаек, икая сонно, и ждал в лесу его злодей...

И снег валил такой же первый, еще негой для саней. И жеребец, сырой и нервный, жевал железо у сеной.

Пора! Пора и нам в дорогу. И, пропустив снежинку в рот, я выхожу на дюжий рокот чумазой «татры» у ворот.

Стучу ладонью по капоту, в дверную втискиваюсь цель... А на шоссе веселый кто-то жужжит и мечется, как шмель.

Глеб ГОРБОВСКИЙ

шнура хватит только на месяц. Запасных частей к бурстанкам не поступило. Горные работы останавливаются. Принимайте срочные меры, будет преступлением задерживать разведку месторождения. Директор Норильскстроя Зарембо».

«Из Красноярск. Норильск, Зарембо. Востоксизологата наши заявки игнорирует. Материалы и оборудование не отгружаются. Паяк резко снижен, дают только ржаную муку. Принимаю меры выправить головотяпство. Выезжаю в Иркутск. Воронцов».

«Из Норильск. Иркутск, Воронцову. Не допускай изменять снабжение. В случае затруднений выезжай в Москву, иначе головотяпы испортят дело Норильск. Зарембо».

«Из Иркутск. Норильск, Зарембо. Ваш наряд овса аннулирован. Доведите норму до трех килограммов. Используйте для лошадей отходы, пыль от действующих мельниц. Проявите гибкость, изворотливость. Федотов».

«Из Норильск. Иркутск, Федотову. Ближайшая мельница находится за две тысячи верст. Сократить норму овса до трех килограммов невозможно, минимум—шесть. Лошади очень изнуряются в тяжелых условиях. Это не материк. Пора знать условия Норильск и не смешивать людей, работающих на Севере. Зарембо».

«Из Норильск. Срочная. Москва, Воронцову. Положение Норильскстроя критическое. Добывайся любыми способами организации обоза из Красноярск в 15—20 лошадей для перевозки 400—500 пар сапог, машинного масла, спирту, полушубков, гвоздей. Спешн. Зарембо».

«Из Москвы. Срочная. Норильск, Зарембо. Работники Цветметзолота Москвы относятся к Норильску с полнейшим бюрократическим равнодушием. Делаю все возможное. Пока безуспешно. Воронцов».

«Из Норильск. Молния. Москва, ЦК. Копия ЦКК. Все испробовано, нет больше терпения, обращаюсь в ЦК. До сих пор нет ясности в развертывании Норильскстроя. Цветметзолота Москвы и Востоксизологата Иркутската наши требования развития строительства оставляют без внимания. Послала в Москву коммуниста инженера Воронцова с полными данными. Цветметзолота бюрократически затирает вопрос. Прошу помощи и проверки, иначе будем тратить из года в год колоссальные средства без толку. Директор Норильскстроя Зарембо».

«Из Норильск. Молния. Москва, Воронцову. Послал телеграмму в ЦК. Последние данные разведки подтверждают результаты, увезенные тобой. Показатели хорошие. Добывайся прямого решения постройки дороги Норильск—Дудинка. Иди напролом. Добейся результата, иного исхода нет. Зарембо».

«Из Москвы. Молния. Норильск, Зарембо. Вопрос Норильската с мертвой точки сдвинут. Помогли твои телеграммы в ЦК. Норильск выделяют в самостоятельный трест. Ставится вопрос перед наркомом о придании ему значения ударной стройки. Воронцов...»

Эти радиogramмы датированы 1932 годом. Среди флагманов советской промышленности— легендарного Днепрогэса, Харьковского тракторного завода, Магнитогорского комбината, ленинградской «Электросилы» или Кировского завода—Норильский комбинат самый молодой. Но вряд ли во всей стране найдется предприятие, история которого столь изобилует крутыми поворотами, необратимыми, как часто казалось, спадами и неожиданными подъемами, острейшими столкновениями научно-технических концепций.

Толчком к созданию огромного комплекса рудников, шахт, электростанций, заводов— всего того, что входит в понятие Норильский комбинат,— послужило открытие на Таймыре месторождения полиметаллов: меди, платины, никеля. И сразу образовалось два лагеря: горячих сторонников и ярых противников нового промышленного района. Возможно ли вообще промышленное строительство на шестьдесят девятой параллели, в зоне вечной мерзлоты, в необычайно жестких климатических условиях, когда морозы зимой достигают пятидесяти с лишним градусов, скорость ветра во время буранов и пург зачастую превышает двадцать метров в секунду, а зима с трехмесячной полярной ночью занимает три четверти года? Как доставлять оборудование и материалы и как вывозить готовую продукцию за три с лишним тысячи километров, если единственный путь—по воде—открыт лишь два с половиной—три месяца в году? По карману ли молодому Советскому государству такая стройка? По силам ли работа в этих небывалых по своим трудностям условиях молодежи, которой, как подсказывала традиция комсомольских строев 30-х годов, и осваивать Заполярье?

Но нужда в никеле становилась все более острой—без него не сварить хорошую сталь, не получишь ни листа брони. Пока удавалось покупать никель за границей. Но в мире уже пахло порохом...

«Главк снова послал меня на доклад к Сергею Орджоникидзе,— вспоминает Александр Емельянович Воронцов, один из первооткрывателей норильских месторождений.— Он принял нас в 2 часа ночи, наиподробнее расспрашивал о Таймыре, о последних пробах... Сергей Орджоникидзе попросил Отто Юльевича Шмидта (в то время все стройки, зимовья и экспедиции, расположенные севернее Полярного круга, подчинялись «Главсевморпути», которым руководил О. Ю. Шмидт) срочно подготовить для правительства специальную докладную записку... В марте 1935 года меня вызвал к себе О. Ю. Шмидт. И сразу—к Сергею Орджоникидзе. Он встретил нас как старых знакомых. «Поедем в Политбюро, доложите о Норильске». Я разволновался. Вот тебе и на: без всякой подготовки—и сразу на доклад в Политбюро! Сергей успокаивал: «Вам дадут десять минут. Такое выступление можно подготовить, пока едем в Кремль. Вопрос вы знаете...» И вот я выступаю перед членами Политбюро. Сбоку, за круглым столом, удобно расположился Орджоникидзе, на меня испытующе смотрят М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов. Сталин прохаживается вдоль большого стола... Я коротко изложил суть дела, привел цифровые выкладки о никеле, меди, платине. После меня выступили Сергей Орджоникидзе, О. Ю. Шмидт и другие... Я понял: вопрос о строительстве Норильского металлургического комбината, в сущности, уже решен. Речь шла лишь о сроках и о том, кому же по плечу такая задача. Сталин внимательно выслушал все мнения, все доводы за и против. Он поддержал предложение Сергея Орджоникидзе приступить к организации Норильского металлургического комбината и, учитывая исключительные трудности Заполярья, сроки окончания строительства отодвинул на год. Дело же это рекомендовал передать не Отто Юльевичу Шмидту; у него своих забот достаточно,—а строительным организациям...»

1941 год. Октябрь. По Севморпути прибыли суда с оборудованием эвакуированного с Кольского полуострова, из города Мончегорска, металлургического комбината «Североникель»...

1942 год. Апрель. Получена первая плавка норильского никеля. Его хватило на броню для 25 танков...

1956 год. Май. Опубликовано Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР к молодежи страны с призывом принять участие в освоении Крайнего Севера и Дальнего Востока.

1956 год. Май. Шесть тысяч молодых ленинградцев и москвичей получили комсомольские путевки на новую Всесоюзную ударную комсомольскую стройку—на строительство Норильского горно-металлургического комбината. А спустя месяц, на рассвете 19 июня, на рейде Дудинки бросил якорь теплоход «Матросов» с первой группой посланцев комсомоли Москвы и Ленинграда. Шел снег...

В центре Норильската, посредине самой красивой площади города—Гвардейской, высится глыба руды—памятный камень. На боковой грани его укреплена металлическая пластинка с надписью, в которой многократно выверено каждое слово: «Здесь будет сооружен обелиск, всегда напоминающий о подвиге норильчан, покоривших тундру, создавших наш город и комбинат».

Человек, впервые увидевший Норильск в свете незаходящего солнца несомненно полярного дня или в ошеломляющей резкости бездонной полярной ночи, склонен воспринимать само существование в этих широтах современного города с полутораста тысячами жителей и могучего комбината как свершение, вполне эквивалентное подвигу. В мае 1966 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Норильской городской комсомольской организации орденом Трудового Красного Знамени: «За большие заслуги в деле мобилизации комсомольцев и молодежи на успешное строительство и реконструкцию Норильского горно-металлургического комбината имени А. П. Завенягина, за самоотверженный труд комсомольцев и молодежи в сложных условиях Заполярья...»

В полную меру хлебнули лиха комсомольцы-строители. Трудности, обычные для Братска, Дивногорска или целины, оказались приумноженными спецификой Заполярья: был и снег в июне, и волосы примерзали к подушкам в дощатых бараках, и тоска по родным местам подступала, хоть плачь. Дополнительным испытанием выпала и знаменитая «черная пурга» в начале 1957 года. Она продолжалась три недели, то затухая, то вспыхивая с новой силой, при морозе в 20—22 градуса скорость ветра достигала 45 метров в секунду, что по шкале Бофорта соответствует 12-балльному шторму—урагану. (Вспоминает Владимир Бирюков, секретарь Норильского райкома комсомола в 1956—1957 годах: «Пурга началась вечером 6 января. Внезапно порыв ветра закрутил снег, стало трудно дышать, невозможно было ничего увидеть в двух шагах. Остановилось движение. Грохотало железо—с домов буквально сдирали крыши. На Ленинском проспекте перевернуло автобус. Заносами наглухо перекрыло межзаводские и межцеховые пути. В поселках вспыхивали пожары. Все комсомольцы были подняты по тревоге...»)

Но и это были не самые серьезные трудности. 1959 год. (По материалам технического архива Красноярского совнархоза.) «Норильский комбинат... работает нерентабельно. Производительность труда на комбинате примерно в 2 раза ниже, а стоимость горных работ в 2—3 раза выше, чем на передовых предприятиях цветной металлургии».

1960 год. «Проведенные расчеты неопровержимо доказывают: дальнейшая разработка старых норильских рудников, все более истощающихся, экономически нецелесообразна...»

1960 год. «В связи с тем, что увеличение выпуска цветных металлов из бедных руд месторождения «Норильск-1» связано с непропорционально высокими затратами на капитальные вложения, разрабатывается решение о замораживании производства на прежнем уровне, что, как известно, является первой стадией консервации всего производства. Положение усугубляется тем, что комбинат—единственное предприятие Норильската, и тем самым на повестку дня ставится вопрос о дальнейшем существовании всего города с населением около 100 тысяч человек...»

Какой сегодня гулкий день!
 Как бы порожний: только—своды.
 Я встретил утро до восхода,
 прошел сквозь ивовый плетень.
 Росой осыпал жар лица,
 поднял и съел ночную грушу.
 И в лес ушел деревья слушать
 опять, опять без ружьяца...
 Потом на озере лесном
 глядел, как плавают лягушка.
 И сам разделся в травах душных
 и долго плавал перед сном.
 А возвращался весь грибной,
 в брусничных пятнах, в паутине.
 И вот уж в дом меня впустили
 коты, дружившие со мной.
 Ложась на трепетный диван,
 я рыскал в памяти тревожно:
 чем недоволен я? Возможно,
 сегодня резким был туман?
 До срока рушилась листва?...
 Нет, нет! Все проще. Вот потеха:
 ведь я не встретил человека!
 Не говорил ему слова.
 Знать, потому и день так пуст,
 и осень как бы раньше срока,
 и сердце вдвое одиноко,
 без человека, как без чувств.

Выстрел

Клевала рыбка серебристая,
 молчало озеро в лесу.
 И вдруг какой-то дьявол выстрелил!
 Почти в упор... Аж дым в носу.

Шальное эхо в поднебесие
 отрикошетило с воды.
 И стало даже как-то весело
 от жаркой близости беды.

Наверно, кто-то утку выследил
 и, не поставив на крыло,
 едва очки мои не высадил!
 Да промахнулся. Повезло...

И сразу память раскошелилась:
 дохнуло кровью от земли,

золотой и свежими траншеями,
 и потом тех, что здесь легли...

В заросших ямах, будто в кратерах,
 на миг почудился огонь,
 тот злой, губительный, карательный.
 И дыбом прынул дым, как конь!

...Я шел до города сконфуженный:
 была игрушечною смерть,
 что пропищала что-то в уши мне...
 А ведь могла боднуть, посметь!

Могла, но где, когда! Нет, надо же!
 В такой глуши... Не смерть, а бред.
 И пахли пни гнилые ландышем,
 а рожь—любовью юных лет...

Перед сном,
 перед тем, как обнимет покой,
 навестить существо,
 что зовется рекой.
 Не забыть у излучины,
 там, где луга,
 как флаконы, обнюхать ночные стога.
 А потом,
 наблюдая густеющий сад,
 поразмыслить о времени,
 глянув назад.
 Ухватясь за его равнодушную нить,
 постараться вокруг никого не винить.
 Ни вот эту холодную каплю дождя,
 что упала за ворот,
 мурашки будя;
 ни вот тот голосок,
 воспаривший, как дух,
 что не твой предназначен умастить слух;
 ни вот ту, озаренную звездами пасть...
 Никого не винить,
 не бранить,
 и не клясть.
 Постоять у реки. Ощутить ее ток.
 И не важно теперь,
 кто ты: бард или стог?
 ...Постоять у реки, на своем рубеже,
 и уйти
 с безупречной улыбкой в душе!

1961 год. Летний полевой сезон приносит открытие, которое поначалу воспринимается с недоверием: молодые геологи В. Нестеровский и В. Кравцов обнаруживают в долине реки Талнашки, в непосредственной близости от Норильска, валуны с высоким содержанием медно-никелевых сульфидных руд. Предложение провести на Талнахе разведку бурением принимается без энтузиазма, так как за этим районом, достаточно хорошо изученным, прочно закрепилась репутация бесперспективного. Бурение поручается геологической партии Г. Д. Маслова...

Пройдет немного времени, и за открытие и разведку Талнахского месторождения медно-никелевых руд начальнику партии Г. Д. Маслову будет присвоено звание Героя Социалистического Труда, а геологи В. С. Нестеровский, В. Ф. Кравцов, В. Н. Егоров и Е. Н. Суханова станут лауреатами Ленинской премии.

Казалось бы, все уладилось. Однако месторождение вводится в действие лишь тогда, когда геологами проведена детальная разведка, подсчитаны и утверждены запасы. На эту работу уходят годы, а руда нужна была норильским заводам немедленно. Завтра, сегодня, сей-

час. И было принято решение беспрецедентное: не дожидаясь официального утверждения запасов, развернуть подготовку к эксплуатации Талнаха за счет резервов комбината.

1962 год. Май. Разработаны основные мероприятия по форсированному освоению Талнахского месторождения.

1962 год. Май. Пленум Норильского горкома комсомола постановил: «Объявить Талнах ударной комсомольской стройкой...»

1962 год. Сентябрь. Из приказа директора Норильского комбината В. И. Долгих: «Для безусловного выполнения мероприятий по форсированному освоению Талнахского месторождения приказываю: ...Развернуть работы по строительству жилого поселка... Организовать строительство дороги Норильск—Талнах... Забросить до ледостава на правый берег реки Норильки, на базу «Северная», не менее 1000 кубометров деталей деревянных домов... Организовать в сентябре—октябре заброску грузов вертолетами из Норильска на посадочную площадку «Талнах» не менее чем по 20 тонн в сутки... Закупить и

выдать управлению строительства для СУ «Талнахруд-шахтстрой» 200 штук спальных мешков и 400 штук односпальных кроватей»...

Так начинался Талнах—еще одна Всесоюзная ударная комсомольская стройка на Таймыре. И почти одновременно флаг Всесоюзной ударной взвился над дощатым домишком в совершеннейшей глуши—на берегу порожистой тундровой речки Хантайки. Усть-Хантайская ГЭС должна была дать энергию Норильску и Талнаху...

В декабре 1963 года на поверхность была поднята первая бада талнахской руды. 19 марта 1966 года, в день открытия XXIII съезда КПСС, от рудника «Маяк» начал путь к печам медеплавильного и никелевого заводов первый состав с талнахской рудой. И еще один документ тех времен—«Обращение горкома ВЛКСМ ко всем комсомольцам и молодежи Норильска»: «...Линия сражения за богатства Таймыра сегодня проходит через строительные площадки комбината. В летние месяцы мы получим пополнение: приедут демобилизованные воины, студенческие строительные отряды. Но для того, чтобы выиг-

ПОРТ ДУДИНКА — ВАЖНЕЙШИЙ ТРАНСПОРТНЫЙ УЗЕЛ НОРИЛЬСКА.

рать время сегодня, на шесть зимних месяцев нужны добровольцы. Мы обращаемся к вам, горняки, шахтеры, металлурги, железнодорожники, автомобилисты, все труженики комбината! Мы зовем вас на трудное дело. Вам нелегко будет работать в необычных условиях. В первые дни без привычки не все будет ладиться, работа на строительстве не сулит легкой жизни. Но именно от добровольцев зависит, справится ли комбинат с почетным и ответственным правительственным заданием — с увеличением производства цветных металлов...

За успешное выполнение заданий партии и правительства коллектив Норильского комбината был награжден орденом Ленина.

Еще не была закончена детальная разведка Талнаха, а Норильск уже облетело новое слово — Хараелах. Поисковая скважина подсекла жилу с рудой, идентичной талнахской. Месторождение было названо Октябрьским.

1968 год. Январь. На газоносные горизонты вышли девять буровых на левом берегу Енисея.

1968 год. Февраль. В Норильск приехал Председатель

Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Выступая на городском партийно-хозяйственном активе, он сказал: «Норильчане не раз уже вносили поправки в наши планы... Когда газ Мессояхи придет в Норильск, это будет второе рождение комбината...»

Уникальный по своей сложности, самый северный в мире (как и почти все в Норильске) трехсоткилометровый газопровод «Мессояха—Норильск» был сооружен за небывало короткий срок — всего за полтора года. Мощная энергетическая база преобразила норильскую индустрию. Темпы этих преобразований таковы, что с трудом подвергаются осмыслению, и не только со стороны, но и самими норильчанами.

В день открытия XXIV съезда партии вступил в строй второй талнахский рудник — «Комсомольский». Ускоренными темпами шла проходка стволов сверхглубокого и сверхмощного рудника «Октябрьский», без снижения выпуска металлов была проведена коренная реконструкция норильских заводов. И не видно предела: уже дает руду «Октябрьский», планируются новые рудники на Талнахе, а в нескольких километрах от города, на

пустынном плато с поэтическим названием «Надежда», уже вросли в скальный грунт фундаменты и цеховые корпуса — строится Надеждинский металлургический завод, который уже в ближайшие годы умножит мощность Норильского комбината. Решением ЦК ВЛКСМ стройка объявлена Всесоюзной ударной комсомольской...

1972 год. Телеграмма министру Морского флота СССР: «Выполняя задание партии и правительства, впервые в истории советские моряки доставили в канун 1972 года необходимые для производства и строительства Норильского комбината грузы. Высокая научно-техническая организация ледовых рейсов и мужество моряков убедительно доказали возможность значительно расширить сроки навигации в отдаленных северных, труднодоступных районах страны. Просим передать наше искреннее восхищение командам и руководству судов «Лена», «Гижига», «Печенга», «Восток-5», «Куйбышевгэс», «Парголово», ледоколов «Ленин», «Мурманск» и «Капитан Мелехов»... Секретарь Норильского горкома КПСС Борисов, директор Норильского комбината Машьянов».

1975 год. Поставки руды Талнаха металлургам Мончегорска по Севморпути стали регулярными.

Да, именно этот вывод напрашивается: рост Норильского комбината, необходимость быстрее освоить месторождения Талнаха — вот главная или одна из главных причин, заставивших моряков дерзнуть (более точного

НОВЫЕ СТРОЙПЛОЩАДКИ. НОРИЛЬСКИЙ ГИГАНТ

слова не подберешь!) на ледовые рейсы, открывшие новую эру в истории Севморпути.

Как героизм челюскинцев помог в свое время преодолеть психологический барьер покорителям «обыкновенной Арктики», в том числе и геологам-первопроходцам Таймыра, так и нынче, спустя десятилетия, сам факт существования в Заполярье прекрасного современного города и огромного комплекса Норильского комбината открывает людям новые перспективы, укрепляет веру в себя, прибавляет мужества всем, кто пробует силы в новом большом деле.

Таков нравственный эффект подвига норильчан.

Таков нравственный эффект любого свершения.

...С комсомольско-молодежной бригадой Геннадия Ключева я впервые встретился вскоре после ее создания. Никелевый завод вступал в пору реконструкции. Все нарастающий ток талнахской руды заставил старые корпуса раздаться, на морозном, жгучем ветру засверкала сварка, зарницы шлаковых сливов четким контуром рисовали в полярной ночи металлический каркас нового обжигово-восстановительного цеха. А где-то у основания, как в горном распадке, в низкой комнатке с чугунной печкой посередине, сидели на лавках вокруг обитого железом стола человек пятнадцать парней в брезентовых робах, курили «Беломор» и решали вопрос о приеме в бригаду еще одного человека. У него не было строительной специальности, но присвоили ему высший разряд.

Фамилия нового члена бригады была Береговой. Георгий Тимофеевич. Летчик-космонавт СССР. Герой Советского Союза. (В то время—просто Герой, без «дважды».)

В апреле 1974 года бригадир комсомольско-молодежного коллектива имени 50-летия Ленинского комсомола Геннадий Ключев доложил: девятая пятилетка бригадой выполнена.

Там, где когда-то после взрывов дымились развалины, уже работают печи обжигово-восстановительного цеха, поднялась вверх на 180 метров железобетонная дымовая труба, подает миллион кубометров теплого воздуха в час могучий вентилятор на приточной камере. Это уже комплекс второй очереди обжигово-восстановительного цеха. А на счету в Советском фонде мира, куда ежемесячно поступает зарплата строителя, дважды Героя Советского Союза Георгия Тимофеевича Берегового, сегодня уже более шестнадцати тысяч рублей.

А что стало с самими ребятами за последнее время? Я не нашел в бригаде имени 50-летия ВЛКСМ никого из тех, чьи фамилии хранились в моем старом блокноте.

Ни одного.

И Геннадия Ключева нет в бригаде.

Нет, они не разъехались, отработав положенные по трудовому договору три года, не изменили своей трудной профессии—строителя в Заполярье, не изменили рожденной в штормовые смены дружбе.

Сегодня на стройплощадках никелевого завода нет бригадира Геннадия Ключева. Но есть молодой инженер, выпускник вечернего факультета Норильского индустриального института—начальник крупного участка Геннадий Ключев.

Сегодня нет бригады Ключева. Но есть четыре комсомольско-молодежных коллектива и среди них—бригада имени 50-летия ВЛКСМ, которую Геннадий передал своему другу и ученику Василию Халявке.

В девятую пятилетку они входили подмастерьями. Вступают в десятую мастерами. Молодые строители своими делами ежедневно добиваются права подписать Рапорт Ленинского комсомола XXV съезду КПСС.

«Мы строили Норильск, Норильск строил нас...»

У Норильского комбината нет фирменного знака. Но значение Норильска не исчерпывается значением норильского металла для хозяйства страны. Этот комбинат, носящий имя одного из крупнейших руководителей советской промышленности, сподвижника Серго Орджоникидзе Авраамия Павловича Завенягина, за четыре десятилетия своего существования стал школой жизни для десятков и сотен тысяч молодых горняков, металлургов, строителей. Над ним и сегодня—флаг Всесоюзной ударной комсомольской стройки, размах которой предопределяет будущее свершения тех, кого мы назовем комсомольцами 80-х годов.

ТРИ ЖЕНЩИНЫ В ОСЕННЕМ САДУ

Ирина СТРЕЛКОВА

РАССКАЗ

Рисунок Владимира ЮДИНА

В Лужках сошел с поезда мужчина лет сорока, бородатый и без шапки. При ближайшем рассмотрении — здешний уроженец, племянник Паны Щеткиной, по профессии художник, живет в Москве. С Николаем Щеткиным приехала женщина не первой молодости, худая, с чалой гривой, прежде ее в Лужках не видели.

Эту женщину зовут Марина. В Москве, в кругу друзей, она считается добрым гением Николая Щеткина, зверски талантливого парня, но без царя в голове. Марина работает редактором в небольшом издательстве, подрабатывает переводами с немецкого. Еще она умеет вязать.

Пана рада: наконец-то Коля к ней показался. Но чего-то Пана стесняется — ладошку держит у рта.

— Что у тебя с зубами? — углядел племянник.

— Химия съела! — Она с облегчением убрала ладошку, показала искрошенные зубы. — Зря, что ли, пенсию дают в сорок пять! Я, Коля, теперь пенсионерка. Лето отгуляла, а с осени письмоносной пошла. Семьдесят пенсия, семьдесят зарплата. Дом наш с тобой подновила — сам видишь. И на здоровье не жалуюсь. Только что зубы. А сердце моло-

дое — врачи даже удивлялись на мое сердце. Да чего там врачи! — Пана хихикнула, втянула голову в плечи, будто кто ее пощекотал. — Меня, Коля, женихи обхаживают. Вот те крест! Полковник один недавно приехал в отставку. Уговаривает: поженимся и свезет меня в Ярославль. Там у него техник знакомый — поставит мне зубы. Нынче научились белые вставлять, из пластмассы.

— Ну, а что же ты? Метишь в полковницы?

— Еще чего! — фыркнула Пана. — Мне своя воля дороже. Не привыкла, чтобы мною кто командовал. Вы, говорю ему, о своем удобстве хлопчете. Хозяйку займите, чтобы она варила вам и стирала. А мне хомут на шею ни к чему, всю жизнь самостоятельно прожила.

Племянник посмеивался в бороду:

— А не зря отказала? Все-таки чин... И опять же зубы тебе сделает белые.

— Да ну тебя! — отмахнулась Пана.

— Вы к нам в Москву приезжайте! — вмешалась Марина. — Я вас устрою к очень хорошему специалисту.

Марине очень хочется понравиться тетке Николаю, заменившей ему когда-то мать. В немудрящем домишке тети Паны любящее сердце Марины тихо ноет от жалости. Три окошка на улице, герани на подоконниках, потолок выкрашен голубой масляной краской, на комодке вязаная скатерть, на стене коврик с оленями... И разве не прелесть сама тетя Пана с ее разговором о самостоятельности! Подумать только — в этой совершенно деревенской обстановке рос будущий художник! Других детей с малых лет учат понимать прекрасное. Их водят в Третьяковку, устраивают в художественную школу, первые детские рисунки показывают крупнейшим мастерам, поддерживают, развивают, выдвигают... А Николай? Что он видел в этом домишке? А после седьмого класса пошел в шахтеры, в школу ФЗО... Сколько же надо человеку иметь таланта от бога, чтобы в таком бедном детстве, в такой трудной юности не пропасть, отыскать свое высокое назначение!

Марина радовалась, что уговорила Николая поехать в Лужки. Он не хотел, собирался на Белое озеро. А Марине отчего-то втемяшилось: ему нужно на родину, в Лужки. Николай не показывался в Лужках много лет. Марина догадывалась, из-за чего: жил безалаберно, развелся с первой женой, работа не шла, поехал к тетке, загулял с каким-то соседом, наконец, удрал, даже не сказавшись. Но теперь, говорила себе Марина, с тем, прежним, покончено, он теперь совсем другой, и это сделала я, моя преданность и вера в него. Господи, да я бы ноги ему стала мыть!

В восьмом часу племянш с женой спали в боковушке, а Пана побежала разносить почту.

— Здравствуйте, Вера Петровна! — уважительно поздоровалась Пана с директоршей школы имени Портнягина, дородной женщиной в малиновом пальто и малиновой шляпе с бантом.

Вера Петровна учила Николая с пятого по седьмой класс. Мальчишка у нее дневал и ночевал. Знал, где ключ лежит от двери, книжки брал, какие хотел. По гроб Пана благодарна Колиной учительнице. Особо за тот год, когда у самой Паны жизнь загудела черт-те куда и Коля без присмотра вполне мог с толку сбиться. Вера Петровна с него глаз не спускала — уберегла. И после кто его отправил на экзамены в Саратов? Вера Петровна! Она тогда только-только в Лужки приехала из педучилища, девочка тоненькая, туфли чиненные, единственное платьишко синее с белым бантиком. При школе в чуланчике жила... А теперь! Директорша, депутат горсовета, большой человек.

— Племянш ко мне приехал, — поделилась Пана своей радостью, желая порадовать и Веру Петровну. — Не один, с женой.

— С женой? Так вы же рассказывали, он развелся.

— С той развелся уже давно, они плохо жили, из-за нее и пить стал. А эта у него серьезная, заботливая. Вроде бы дружно живут.

— Что ж... — рассеянно отвечала Вера Петровна, как бы отвлекшись другой мыслью. — Очень рада за вашего племянника. За его молодую жену.

Пану смутило, что приехавшую с племянником Марину называли молодой. Конечно, следит женщина за собой, но видно: постарше возрастом, чем Коля.

По дороге в школу Вере Петровне вспомнилось, какой была когда-то Пана Щеткина.

На родительские собрания прибежала влопыхах смазливая девчонка:

— Как тут мой Коля? — А у самой в голове совсем другое.

Отец Коли Щеткина погиб на фронте, мать умерла. Осталось всего родни — Пана, младшая сестренка отца. Ей люди советовали: «Отдай мальчишку в детдом!» — но Пана ни в какую: «Крыша есть, картошка своя, проживем!» Она, конечно, старалась. Мальчик у нее ходил не хуже других: накормлен, умыт, на кино ему давала, на мороженое.

Но Вера Петровна не забыла, как приходилось вызывать Пану в школу, сажать на диван в учительской: «Не пора ли вам задуматься над тем, какой пример вы подаете племяннику? Что за гулянки у вас в доме? Кто вам стекла бьет? Что о вас говорят на фабрике?»

Пана плакала навзрыд, винилась. И Коля все это должен был видеть изо дня в день! Он запустил занятия, связался с какими-то отпетыми хулиганами. На самом краю был. Целый год билась Вера Петровна за него. Наконец, тетя Коли одумалась, все сплетни улеглись, Коля догнал класс, увлекся рисованием... Ну, а Пана свою семью так и не создала. Возможно, считает, что в этом виноват племянник. Но есть причина поглавней — война. Скольких женщин оставила одинокими!

Вера Петровна тяжело поднимается по старой крутой улице. Ее почтительно обгоняют молодые учительницы. Она их видит насковзь: торопятся что-то школьное переделать до звонка. С утра, голубушки, все постороннее успели. В магазин сбегали, причеки взбили, мужьям уши прожужжали, а вот к урокам готовы ли? Вера Петровна на всех подсветах повторяет: утром хотя бы на полчаса необходимо целиком сосредоточиться на сегодняшней теме урока.

«А чем еще ей с утра заниматься?» — думают о Vere Петровне молодые учительницы, толпясь у единственного зеркала в учительской. — Только сосредоточиваться. Старая дева, живет одна, ни хлопот, ни забот, а тут напудриться не успеваешь...»

Утром, перед звонком, врывающиеся в школу ученики видят Веру Петровну в строгой позе на фоне картины «Комиссар Портнягин на допросе в штабе белогвардейцев», украшающей вестибюль.

По утрам никому нет дела до того, что картина слишком подражает известному полотну Иогансона. Ученики высматривают директоршу, делают перед ней школьную стойку, а уже после скользят взглядом по знакомой с малолетства силе в кожаной куртке.

Комиссар Портнягин окончил эту школу, когда она была высшим начальным училищем. В 1917 году он с балкона городской управы провозгласил власть Советов в Лужках, а в 1919-м его схватили белые и расстреляли в овраге за фабрикой — бывшей Коврова, теперь имени Либкнехта. В городском краеведческом музее хранится единственная фотография комиссара. С нее и писано лицо на картине, высвеченное ворвавшимся в застенок солнечным лучом. Комиссар гордо отвернулся от трусливой кучки врагов. Картина, на которой воспитались поколения учеников школы Портнягина, принадлежит кисти Николая Щетинкина. Это его дипломная работа в Саратовском художественном училище.

Вера Петровна помнит, как он приехал работать над картиной. Уже не мальчик — взрослый человек. Рылся в музейных архивах, встречался с лужковскими стариками, весь горел вдохновением. А через какой-то десяток лет Вера Петровна столкнулась с ним на улице и отшатнулась. Коля завалился из столицы весь всклокоченный, озлобленный. Сбежал от семейных неурядиц, от провала на выставке, от самого себя.

«Вера Петровна! — заорал он, увидев ее. — Сколько лет, сколько зим! Не ждали? Классический сюжет!»

Марина поняла, что в Лужках Николай Щетинкин не так знаменит, как в Москве. Лужки признавали славу, подтвержденную званиями и премиями. Николая не осаждали приглашения выступить и поделиться планами. С ружьем за плечами он шатался по окрестностям, приходил усталый как черт и спал крепко. Марина переводила скучного немца и вязала свитер. Тете Пана она деликатно толковывала: среди художников Николай считается в десятке самых настоящих.

— В передовиках? — уточняла Пана.

— Как бы это вам объяснить? — затруднялась Марина. — Ну вот, например, у вас на фабрике... Есть такие, что выскакивают вперед, а есть другие, более достойные.

— Так ведь известно, кто лучше работает. Не только процент важен, но и качество, экономия, помощь товарищам. На доску почета за здорово живешь не вывесят.

— Но разве не бывает, что красуется портрет на доске почета, а все равно человека не очень-то уважают?

— И это бывает. У мастера выторговывают, чтобы работа выгоднее. Такие есть.

— Ну, вот! А Николай ничего не выторговывает, он за легким успехом не гонится, он очень долго вынашивает свои замыслы. Вам, может быть, кажется, что он без толку время проводит, а он сейчас что-то очень важное обдумывает, он хочет написать картину, чтобы в ней заговорило время.

Сменив ружье на спиннинг, Николай свел знакомство с пожилым рыбаком. Рыбак, видно, успел кое-что разузнать про художника Щетинкина и заводил беседы на культурные темы.

— Вы знакомы в Москве с писателем Димовым? — спросил разговорчивый рыбак у Щетинкина.

Щетинкин сказал, что виделся как-то у одного общего приятеля. И пожалел, что сказал.

— Мы у себя в литобъединении обсуждали его трилогию! — оживился рыбак. — У нас крепкое объединение, при городской газете. Очень живо проходило обсуждение. Мас-

штабная вещь. Помните, во второй части идет спор двух генералов?

Щетинкин очень заскучал:

— Простите, не помню.

— То есть как? — поразился тот. — Это очень важное место. Ключ к пониманию замысла.

— Возможно.

— Я вижу, вы трилогию-то не читали, нет... Все, значит, не находится свободного времени?

Щетинкин заводился легко:

— Да брался я! Брался! Начал читать вашего Димова и не могу! Физически не могу. Глаз не принимает. Так и соскальзывает со страницы. Пусто все. Все неправда.

— Но вам-то, молодому человеку, откуда знать, где там правда, где неправда? По годам вы не могли быть на фронте, а беретесь судить. Я критику читал, Димова все хвалят, он с первых дней во фронтовой печати и после над документами работал. А вы с бухты-барказа — все пусто.

— Был или не был на фронте, вы правы, это многое значит. Но правду от неправды можно отличить. Для этого документ не обязателен. Документ можно исказить, документ может ошибиться. А искусство настоящее не лжет. И литература. Знает писатель человека, душу народную или по верхам скользит — это всегда видно. Впрочем, я вам своего мнения не навязываю.

— Напротив, напротив! — возразил рыбак. — Все, что вы говорили, очень интересно. Может, выступите у нас в литобъединении?

— Нет уж, ради бога! — буркнул Щетинкин.

— Очень сожалею, — вздохнул рыбак. — Я ведь, так сказать, поклонник вашего высокого изобразительного мастерства. К тому же запечатленный вами комиссар Портнягин доводится мне родным дядей. Я, конечно, в те годы мало что понимал, воспоминаниями поделиться не могу. Но героизм дяди оказал на меня такое воздействие, что я, едва достигнув призывного возраста, ушел в Красную Армию, воевал на Халхин-Голе. Вся жизнь отдал вооруженным силам, а теперь вышел в отставку и вернулся на родину. Силы еще есть, могу быть полезен нашему городу как председатель общественного совета содействия краеведческому музею... И тут мы, товарищ художник, подходим к сути. — Рыбак явно добрался до чего-то важного, ради чего, возможно, и сходил со Щетинкиным на почве взаимных просьб и одолжений по рыбалке. — Ваша историческая картина в данное время находится в вестибюле школы имени Портнягина, тогда как ее законное место — в музее! Нам необходимо ваше согласие на передачу картины.

— Но при чем здесь я? Обратитесь прямо в школу.

Рыбак конфузливо потел ладошкой лысину:

— Тут, видите ли, неловкость образовалась. Я могу быть с вами откровенным? В школе имени моего дяди работает директором весьма достойная дама. Я сразу же по приезде ею заинтересовался в личном смысле. Чем, думаю, мы не пара? И возраст и положение... Но впоследствии... Видите ли, у нее очень надменный характер, а я человек простой, хотя и дослужился до высокого звания. К тому же здесь я встретил другую женщину, более близкую мне по душевным и другим качествам...

— Вот это номер! — грубо перебил его Щетинкин. — Так это вы сватались к моей тете Пана?

Дом он сказал Пана:

— Не понимаю, чего вам, женщинам, надо. Такому мужику ты дала от ворот поворот. Я его, между прочим, в гости позвал, полковника твоего. Сегодня, часам к семи. Ты что-нибудь приготовь.

Гость держался галантно. Он после войны обучался на каких-то курсах хорошего тона. Марине он даже понравился, и она его галантность всячески поддерживала, подавала поводы выказать себя в лучшем виде перед Паной. Однако, когда Пана вышла по хозяйству, а Николай на терраску — покурить, полковник весьма бесцеремонно спросил Марину:

— Сколько вам, извиняюсь, лет?

Марина с достоинством оглядела отставного кавалера. Ее годы — все при ней. Николаю до них дела нет. Хотя ему не раз намекали всякие недоброжелатели. Враньем Марина себя не унижала — возраст свой швырнула Паниному ухаю прямо в лицо.

К удивлению Марины, полковник даже привскочил от восхищения:

— И все же решили связать судьбу! Преклоняюсь перед женской силой.

Полковнику был давно известен возраст Паны, а теперь он узнал, что современная московская дама и приятная ему пухленькая Пана — ровесницы. Этот факт вселял надежды.

— Не сходить ли нам в школу, где я учился? — сказал Щетинкин Марине. — Там, оказывается, еще цела одна моя старая работа, мазня ученическая.

Марина надела только что довязанный свитер, и они пошли.

— Директора сейчас нет, — сказали им в школе. — Но Вера Петровна уже звонила из гороно, она скоро будет.

— Я хочу посмотреть свою старую работу. — Щетинкин нервничал, обходил взглядом картину. — Здесь темно.

Нельзя ли мою картину снять, вытащить на свет? Мне нужен дневной свет и чтобы можно было немного отойти от нее. Понимаете?

— Без Веры Петровны? Что вы! Нельзя! — испугался завхоз.

Школьный люд сбежался поглазеть на художника из Москвы. Старшеклассники кое-что читали и слышали про взлеты и провалы Щетинкина, который после архаического полотна, созданного по заказу, прошел большой путь. Им понравилась его запущенная борода и изношенная замшевая куртка. Марина тоже произвела впечатление — современной фигурой и свитером в форме кольчуги.

— А что, если мы перетаскиваем вашу картину в спортивный зал? — Старшеклассники самовольно сняли «Комиссара» с плохо освещенной стены вестибюля и потащили узким коридором.

— В спортивный зал? Дело! — приговаривал, идучи за ними, Щетинкин. — Именно там я ее и писал.

Напротив зала, в кладовке с окномцем у потолка, валялись пыльные маты. Когда-то здесь жила Вера Петровна. Справа — железная кровать под белым покрывалом. Слева — книжный шкаф. На столике — фотография одноклассника, убитого на войне. Как ее мучила фотография... А за окнами — яростное лето, дикий свист и голуби в вышине.

Старшеклассники прислонили пыльную, в паутине, раму к шведской стенке и сочувственно отвернулись.

— Н-да-а-а... — Щетинкин перекинулся, смял пальцами щеки и нос.

Для красок, какие тогда выдавали, немалый срок! Ну, а сама работа?

— Кто разрешил? — Грозная, запыхавшаяся Вера Петровна прежде всего искала нарушителей порядка. — Где завхоз? Стыд и срам! Вы что, раньше не видели? Полотно отошло от рамы! А что в углах? Паутина!

— Я сейчас! Я за тряпкой! — Прихрамывающий завхоз в вечном кители вышмыгнул из зала.

Щетинкин подошел стесненно к Vere Петровне:

— Это я... Не сердитесь. Я виноват — попросил вынести на свет. — Он взял пухлую руку, поцеловал. Рука вздрогнула.

— Я очень рада, что наш ученик не забывает родную школу! — говорила Вера Петровна, поглядывая с некоторым удивлением на Марину: а это кто такая?

— Очень приятно! — издали поклонилась ей Марина.

Вера Петровна покивала ей и перевела взгляд на Николая. Как постарел, как постарел... Выглядит на все пятьдесят... Словно нет никакой разницы в годах.

— Ты слышал? На картину заявляет претензии наш городской музей. Общественники не дают покоя. В горком уже бегали, но ко мне там прислушиваются. Мы — школа имени Портнягина, у нас традиции. Разумеется, мы приведем картину в порядок, сменим раму...

— Так уже заказана новая! — сказал вернувшийся завхоз. — Потому и не вытирали, собирались все сразу...

— После, после, — остановила его оправдания Вера Петровна и продолжала говорить со Щетинкиным, как с учеником: — Может быть, ты сам займешься картиной?

— Нет, — мотнул головой Щетинкин. — Я не хочу. Не выйдет.

— Как знаешь. — Вера Петровна нахмурилась.

Старшеклассники заперевглядывались. Наступила неловкая пауза. Слышно стало, как Марина обыскивает свою сумку и чего-то никак не может найти. Наконец, она отыскала пачку сигарет, закурила, отогнала рукой дым.

— Чудно все-таки! — Она глубоко затагнулась, повторила: — Чудно! Я вот смотрю на эту работу ученическую... Смотрю и думаю, что по ней очень ясно видно, каким ты был в те годы. Даже удивительно! Молодой, восторженный, увлеченный...

Вера Петровна вздрогнула: до чего грубый, неженский голос.

Старшеклассники повернулись к картине: где же все то, чего они сами прежде никогда не замечали?

— Ты у меня умница! — сказал Щетинкин. — Ты молодец. Все понимаешь. — Махнул рукой и пошел из зала.

Несмотря на умный и очень верный отзыв о картине Николая, Марина не завоевала симпатии Веры Петровны. Разве о такой жене для него мечтала Вера Петровна?

Полковник огорчился, что не вышло перетаскать «Комиссара» в музей. Сделать авторскую копию Щетинкин отказался. Нового заказа не принял, хотя у полковника была возможность добыть приличную сумму. Но добрые отношения двух мужчин на почве рыбалки не прервались. Щетинкин давно не встречал, чтобы в человеке аккумулировалось столько здравого смысла и жизнелюбия.

Однако Пана за полковника не пошла.

Год спустя Марина в мастерской Щетинкина давала многим заинтересованным свой комментарий к новой работе Щетинкина:

— Слева от меня тетя Пана. Замечательная женщина. Она растила Николая, когда он остался в войну сиротой. А справа — его любимая учительница Вера Петровна, он ей многим обязан...

На картине Щетинкина три женщины сидели в осеннем саду за некрашеным столом.

Репортаж
об
интересном

Вадим
ГИПЕНРЕЙТЕР.
Фото автора.

ИЗ ДНЕВНИКА
ОЧЕВИДЦА

28 ИЮНЯ. Сейсмостанции, расположенные в районе Ключевской группы вулканов, зарегистрировали рой землетрясений в районе вулкана Толбачик (за двое суток более 200). Такое необычайное проявление сейсмической активности, как правило, предшествует извержению. Одновременно с усилением сейсмичности произошло усиление деятельности вершинного кратера Толбачика. Сейсмологи Владимир Степанов и Валентина Горбунова по данным сейсмических станций района Ключевской группы и на основе данных, полученных другими сейсмостанциями, дали оперативный прогноз. Используя его, Павел Токарев определил вероятное место и время извержения. Для проведения детальных исследований в районе вулкана были установлены полевые сейсмостанции и выехал отряд вулканологов.

6 ИЮЛЯ. Извержение началось в 9.45 утра. Выделение паров воды и газов отметило район прорыва (трещину, по которой и началось извержение) в 12 километрах от подножия вулкана Толбачик. В полдень сейсмографы начали регистрировать непрерывное вулканическое дрожание, одновременно пошли выбросы раскаленного шлака и бомб. К 18 часам вдоль трещины обособились три кратера, и стали расти три насыпных шлаковых конуса. Вскоре между ними активизировалось четвертое жерло. Выбросы вулканических бомб достигали высоты 300—400 метров. К утру 7 июля все жерла объединились в одно. Через сутки струя газов, шлака, раскаленных бомб достигала высоты одного километра, а выше, в 5—8 километрах от земли, клубилась туча паров и пепла. Ветер сносил ее на юго-восток, образуя пепловый шлейф

на многие десятки километров. Первый экспедиционный лагерь организовали в 1700 метрах от подножия нового вулкана.

Сбылось многолетнее желание вулканологов: наблюдать большое извержение от первых до последних дней. Погода отличная (что не так уж часто бывает на Камчатке), небольшой источник питьевой воды: у лагеря, дрова, зелень кустов и травы, ягоды брусники, голубики. Устойчивый ветер сносит шлейф пепла в сторону. Расположение лагеря удобно для визуальных наблюдений, сбора образцов, работы с приборами. Извержение происходит на равнине, и не надо подниматься по обледенелым склонам на большую высоту, как это было при зимних извержениях Ключевского вулкана.

Активность вулкана быстро нарастает. Разлет раскаленных бомб достигает 1500 метров. Начались пожары—горит кустарник. Гудящий, грохочущий, сияющий всеми оттенками расплавленного золота, столб дробленной породы, паров и газов уносится на высоту 8—11 километров.

Десять дней длилось это странное, напряженное противостояние—крохотные люди и бушующая стихия. На одиннадцатый день погода испортилась. Ветер сменился на южный, и пепловая туча повернула на лагерь. Дождь, смешанный с пеплом, крупный шлак и камни обрушились на палатки.

17 ИЮЛЯ. На вулканостанции в Ключах и в Институте вулканологии в Петропавловске-Камчатском приняли радиограмму: «Район лагеря из-за перемены направления ветра стал опасной зоной. В ночь на 17 июля на лагерь

выпал слой шлака до 70 сантиметров. Размер обломков до 5 сантиметров. 17-го в 00.15 ощущалось местное землетрясение 5—6 баллов. Снаряжение и оборудование частично вышли из строя и повреждены. Сейсмостанция вышла из строя. Сотрудники не пострадали. Рекомендую: 1. Перенести базовый лагерь на расстояние до 4 километров от кратера в район горы Алайд. 2. В связи с отсутствием в данном районе воды и топлива необходимо сократить количество людей до минимума. 3. На месте прежнего лагеря оставить наблюдателей из группы «Вулкан». Дубик. Степанов».

Сводка событий передает голые факты. Представьте невероятной силы грозу, замените дождь на камнепад: сплошной стеной летят камни, громко стучат по деревянному каркасу палатки, пробивают брезент, разбивают приборы. Грохочет вулкан, завеса летящих камней освещается вспышками молний, гремит гром. Слой выпадающих камней растет. Вот под ним уже исчезла растительность, исчезли случайно забытые вещи, все глубже погружаются в шлак и пепел провисшие дырявые палатки. Внутри палаток тоже все покрывается слоем шлака и пепла. Погребено озерцо—единственный источник воды. Пробовали откопать—напрасно: остатки воды были уже кислыми. Случались и более критические ситуации, когда приходилось отступать, бросая все на месте. Так появились «захоронения», как в шутку называли засыпанное. Под многометровым слоем шлака и пепла остались приборы, личные вещи, продукты и снаряжение.

Во время очередного сеанса радиосвязи Мефодию

См. IV обл.

ПОТОК ЛАВЫ ВСЕ СЖЕГ НА СВОЕМ ПУТИ.

ИЗВЕРЖЕНИЕ

НА ДЕСЯТКИ КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ ТОЛЬКО ШЛАК И ПЕПЕЛ.

ГЕОГРАФИЯ ИНФАРКТА

Анкета о распространенности сердечно-сосудистых заболеваний и смертности от инфаркта в Европе, проведенная Всемирной организацией здравоохранения, привела к весьма неожиданным результатам.

Оказалось, что распространенность сердечно-сосудистых заболеваний имеет свою «географию» с четко выраженными «опасными районами». В таких северных европейских странах, как Финляндия, Ирландия и Великобритания, риск умереть от инфаркта в три-четыре раза больше, чем в Болгарии или Румынии. Районы средней части Европы занимают среднее положение и в статистике сердечно-сосудистых заболеваний. Известно, что такого рода заболеваниям способствует ряд определенных причин: свойства окружающей среды, стрессовые ситуации, генетические факторы, климат, качество воды, физическая активность, курение и т. д. Но все специалисты сходятся в том, что одним из важнейших факторов является питание, и не только людей, но и животных, которые служат для людей пищей.

Интенсификация производства животноводческой продукции приводит к увеличению потребления мяса, но мясо это худшего качества, поскольку имеет слишком большое количество жира. Как считают специалисты, мясо, потребляемое в большинстве стран, не является натуральным, а представляет собой продукт, полностью измененный в результате применения интенсивного режима выращивания животных.

В этом отношении представляют интерес акции, которые предполагают провести в Норвегии для уменьшения числа сердечно-сосудистых заболеваний. Там подготовлен законопроект, в соответствии с которым должно быть увеличено производство пищевых продуктов из зерна, а также овощей и фруктов. Производство же мяса и жиров животного происхождения должно быть существенно ограничено. Налоговая система будет изменена таким образом, чтобы животных было невыгодно кормить зерном, а выращивание овощей и фруктов стало делом прибыльным.

«СЪЯНС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

В ШТОРМ НА ЛЬДИНЕ

В июле англичанин Гарольд Торп и француз Жан Жиллан решили пересечь Северную Атлантику на моторной лодке, построенной ими самими. Два дня плавание продолжалось нормально. Потом небо покрылось тяжелыми тучами и начался сильный шторм. Огромные волны бросали маленькое суденышко, как скорлупу ореха. Положение двух смельчаков-мореплавателей было отчаянным. После удара одной волны они оказались выброшенными вместе с лодкой на гребень плавающей ледяной глыбы.

Утром, когда шторм стих, молодые люди оказались в весьма тревожной ситуации: лодка в нескольких местах была пробита, двигатель выведен из строя, а из пищевых запасов оставался

только ящик консервов и бидон питьевой воды. Мореплаватели немедленно приступили к ремонту лодки. Скоро на необычайно ясном небе появилось солнце. Желанное совсем недавно, сейчас оно превратилось во врага. Лыдина стремительно таяла, угрожая исчезнуть раньше, чем будут заделаны пробоины в дне лодки. Спасением от шторма путешественникам грозила гибель на спокойном море.

Заткнув последние бреши своей одеждой, мореплаватели спустили лодку на воду. Их маленький ледяной островок перестал существовать. Около 20 часов, непрерывно вычерпывая просачивающуюся в лодку воду, смельчаки дрейфовали в океане. Затем рыболовное судно, поймавшее сигнал SOS, взяло их на борт, положив конец их необыкновенным приключениям.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ЧАН-ЧАН— ГОРОД ЦАРЕЙ

В прибрежной пустыне северного Перу высаялись развалины Чан-Чана, столицы империи Чимор, которая в пору своего расцвета простиралась на тысячу километров по тихоокеанскому побережью и соперничала с могучей империей инков. В последние годы в древней столице проводятся обширные археологические исследования и раскопки, составлена карта города. Особенное внимание уделяется обнаруженным к настоящему времени девяти дворцам, которые вместе с прилегающими к ним постройками образуют аналогичные друг другу комплексы. Американский ученый Майкл Мозли в ходе своих исследований пришел недавно к поразительному результату. В городе, монументальные строения которого располагались на площади около 23 квадратных кило-

метров, жило всего 25 тысяч человек. Простолудины обитали в жалких лачугах, вне города, а в его стенах находились лишь аристократия и их слуги. Высокие стены отделяли управляющих от управляемых, охраняли накопленные богатства царей и знати. Каждый царь выстраивал себе собственный дворец, который служил попутно и складом царских богатств. После смерти царя его дворец превращался в мавзолей, а в окружающие постройки складывались жертвоприношения. Весь комплекс становился священным храмом, посещаемым родственниками царя. Одновременно новый властелин строил свой комплекс и повторял весь цикл. Таким образом, в противоположность европейскому городскому развитию в Чан-Чане городскими благами пользовалась исключительно аристократия, а не буржуазия. А сам город являлся лишь центром управления и огромным храмом.

«ДЕЛТА», ВЕНГРИЯ

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ОРАНЖЕРЕИ

Научные работники университета в Пизе уже несколько лет проводят интересные эксперименты, связанные с усвоением овощами солнечного света, пропускаемого через различные светофильтры. С этой целью в Институте сельского хозяйства при университете построены оранжереи из полупрозрачных пластмасс различного цвета — синего, красного, желтого, фиолетового. В них выращивали помидоры, перец, огурцы и другие овощи.

В результате исследований ученые пришли к выводу, что на помидоры оказывает наилучшее действие фиолетовый свет: в оранжереях, покрытых фиолетовой пластмассой, помидоры созревают быстрее и дают более крупные плоды. А перец растет быстрее при желтом свете. Обнаружилось и различие в образовании витамина С. Зеленые фильтры уменьшают содержание витамина С в помидорах, в то время как желтые фильтры увеличивают его.

«АТЛАНТЕ», ИТАЛИЯ

ПОЧЕМУ ТАК МНОГО ВДОВ?

Когда сконструированный в США «Старфайтер F-104» был в 1961 году принят на вооружение военно-воздушными силами ФРГ, то казалось, что этот чрезвычайно сложный военный самолет является собой идеальное оружие. Новинка была чудом современной технологии: максимальная скорость самолета состав-

ляла 1450 миль в час, и у него была репутация бойца, лучшего во всем военном арсенале США.

В ФРГ, однако, «Старфайтер» панигириков не заслужил. Напротив, здесь самолет получил мрачное прозвище «делатель вдов» — за пятнадцать лет, в течение которых «Люфтваффе» летает на «Старфайтерах», разбились 178 самолетов, при этом погибли 85 летчиков.

Существуют разные версии, объясняющие катастрофы. «Старфайтер F-104» был сконструирован компанией «Локхид» как высотный самолет-перехватчик, работающий в хорошую погоду. Но в ФРГ самолет модифицировали, внеся ряд изменений и превратив одни машины во всепогодные бомбардировщики, а другие — в разведывательные самолеты. Вследствие изменений вес самолетов увеличился, что, по-видимому, усложнило управление ими. Но специалисты признают, что и теми «Старфайтерами», что выпускаются на заводах компании «Локхид», управлять было крайне трудно. Как заявил один многоопытный пилот, «чтобы летать на этом самолете, нужно обладать пальцами пианиста».

Однако большинство вдов, чьи мужья разбились на «Старфайтере F-104», считая, что первопричина всех несчастий в том, что конструкция самолета недостаточно продумана, предъявили иск компании «Локхид». Общая компенсация составит довольно скромную сумму 1,2 миллиона долларов — около половины стоимости одного экземпляра злополучного «Старфайтера».

«ТАЙМ», США

СВАДЕБНЫЙ ПИРОГ НА ТЫСЯЧУ ЧЕЛОВЕК

Любовь была скреплена брачными узами у алтаря, воздвигнутого специально по этому поводу в Народном художественном театре в Маниле.

Четыреста девяносто девять женихов и четыреста девяносто девять невест обменялись одновременно клятвами в вечной любви и верности в воскресное утро 20 июля 1975 года.

Яркое солнце, сияющее над миром, было извечным предвестником счастья, которое так нужно молодоженам. Впрочем, нужно оговориться, что многие пары были уже далеко не молоды.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ КАМНИ ДОКТОРА КАБРЕРЫ

Люди, разбирающиеся в археологии, стоят перед коллекцией камней (12 тысяч штук), которые собрал доктор Кабрера из перуанского города Ика, в немом удивлении. Эти камни наглядно рассказывают о неведомой нам цивилизации и ставят под сомнение многие научные концепции, касающиеся хода развития человеческого общества.

Город Ика находится в 300 километрах юго-восточнее Лимы, а от Тихого океана его по прямой линии отделяют 70 километров. В нескольких километрах от города гнется долина, где на глубине около двух метров находится это необычное залегание камней разных размеров и форм. На них четко выгравированы фигуры людей и животных, сцены охоты и многое другое.

Первое изображение на камне доктор Кабрера обнаружил 13 лет назад, и с тех пор собирание камней стало его страстью.

В коллекции доктора Кабреры одна загадка идет за другой: вот человек, наблюдающий что-то при помощи лупы, а вот направленный в небо телескоп. На других камнях — изображение четырех материков, ни в малейшей степени не напоминающих очертания современных континентов.

Поскольку доктор Кабрера — хирург, то очень большое внимание он уделил изучению изображений из области медицины. Изображения показывают, что неизвестная цивилизация достигла в этом больших высот. Кабрера нашел, например, изображения переливания крови, кесарева сечения, трансплантации почек, сердца и даже... мозга!

Еще в 1968 году доктор Кабрера показал несколько камней американскому профессору Джону Роу. Тот авторитетно и энергично заявил: «Это подделки!»

Однако если это подделки, то сколько же людей понадобилось, чтобы изготовить все эти изображения? А ведь под землей находится, вероятно, еще больше камней, чем собрал Кабрера.

Но если согласиться, что камни настоящие, то следует считать, что они действительно покрыты рисунками много миллионов лет назад, когда на нашей планете еще водились динозавры. С другой стороны, специалисты полагают, что за 50 тысяч лет каждая такая гравюра должна исчезнуть с поверхности камня.

А некоторые камни из своей коллекции доктор Кабрера никому не показывает. Его друзья говорят, что он якобы никого не хочет шокировать: там изображены события, случившиеся уже сравнительно недавно, на памяти нашей цивилизации. Означает ли это, что на камнях из Ики изображено не только далекое прошлое, но и прогноз некоторых событий будущего?

«МАГАЗЫН ПОЛЬСКИ»,
ПОЛЬША

ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

СНОВА ВАВИЛОН

Итало-иракский институт археологии представил иракскому правительству проект исследования и восстановления древнего Вавилона, одного из блестящих явлений в культуре человечества. Среди крупнейших заслуг главного города Месопотамии — создание и передача греческой культуре астрономии, медицины, языкознания, юриспруденции, математики, физики, философии.

Сейчас о Вавилоне почти нет исторических сведений. Город погиб в конце третьего тысячелетия до нашей эры. Пятьдесят два квадратных километра,

которые он занимал, представляют собой печальный пустырь, населенный лишь птицами, укрывающимися в огромных развалинах. Исследователи надеются раскрыть социальную жизнь города, понять его дух, установить, были ли в Вавилоне трущобы, жилища которых и соорудили огромные дворцы из обожженного и необожженного кирпича (камень в Вавилоне был редкостью).

Надо также выяснить, какими были здесь флора и фауна, чтобы попытаться их восстановить. Надо узнать, как влияли на жизнь вавилонян губительные разливы Евфрата. Значит, найдется работа для геологов, палеоботаников, палеозоологов, архитекторов, химиков, физиков и других специалистов.

Кроме Висячих садов, считавшихся одним из семи чудес света, всемирной известностью пользуется Вавилонская башня. Это семиступенчатое сооружение квадратной формы (сторона основания — 90 м), украшенное эмалью, возвышалось на левом берегу Евфрата. На развалинах башни итальянские археологи возвели вышку со смотровыми площадками, с которых посетители могут осмотреть то, что осталось от дворца Навуходоносора, священной дороги, ворот, посвященных богине любви Астарте, делового квартала, откуда жрецы управляли одной из самых мощных в истории финансовых империй.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

КАК ПОЯВИЛИСЬ БАНКИ С КОНСЕРВАМИ

Можно ли представить себе современный магазин без консервных банок, а наш стол без консервированных овощей, фруктов, рыбы?

Между тем появлением консервов в банках мы обязаны историческому обстоятельству более чем полутравековой давности. Армия Наполеона, завоеывая Европу, все дальше уходила от Франции, от своих баз, и потому все острее вставала проблема пи-

тания солдат. Тонны продуктов портились прежде, чем дошли до армии, и оттого солдаты нередко голодали. Стоит ли удивляться, что Наполеон предложил большую сумму тому, кто найдет способ хранения пищи.

Николаас Апперт, не обладавший учеными степенями, к той поре уже предложил использовать стеклянные банки для хранения фруктов, но эти сосуды были слишком хрупки, чтобы выдерживать долгое путешествие по дорогам континента, качество которых в то время, естественно, оставляло желать лучшего. Апперт попробовал хранить продук-

ты в железных контейнерах, но те быстро ржавели. Тогда Николаас попытался покрывать железо оловом, и оказалось, что решение найдено. Чтобы окончательно убедиться в том, что он прав, изобретатель-самоучка отправил восемнадцать герметически закупоренных банок с мясом и овощами в шестимесячное плавание на корабле.

Когда спустя полгода банки были вскрыты, выяснилось, что пища съедобна. Наполеон наградил Апперта.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

КРАХ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА»

Небольшой, относительно дешевый и нетребовательный в эксплуатации автомобиль «Фольксваген» стал символом западногерманского «экономического чуда» пятидесятых и шестидесятых годов. Концерн вырос в крупнейший в Западной Европе автомобильный завод, насчитывающий 170 тысяч рабочих и служащих. Еще в начале шестидесятых годов никто в ФРГ не предполагал, что эра «жука» (как

называют «Фольксваген») так быстро закончится. Насыщение рынка, появление более современных автомобилей, постоянно нарастающие кризисные явления во всей капиталистической экономике привели в упадок и этот гигант.

На заводских дворах за последние месяцы скопились тысячи непроданных автомобилей, а баланс концерна «Фольксваген» в 1974 году показал рекордный убыток в миллиарды марок. Концерн свертывает производство и отправляет рабочих в вынужденный «отпуск», разумеется, неоплачиваемый.

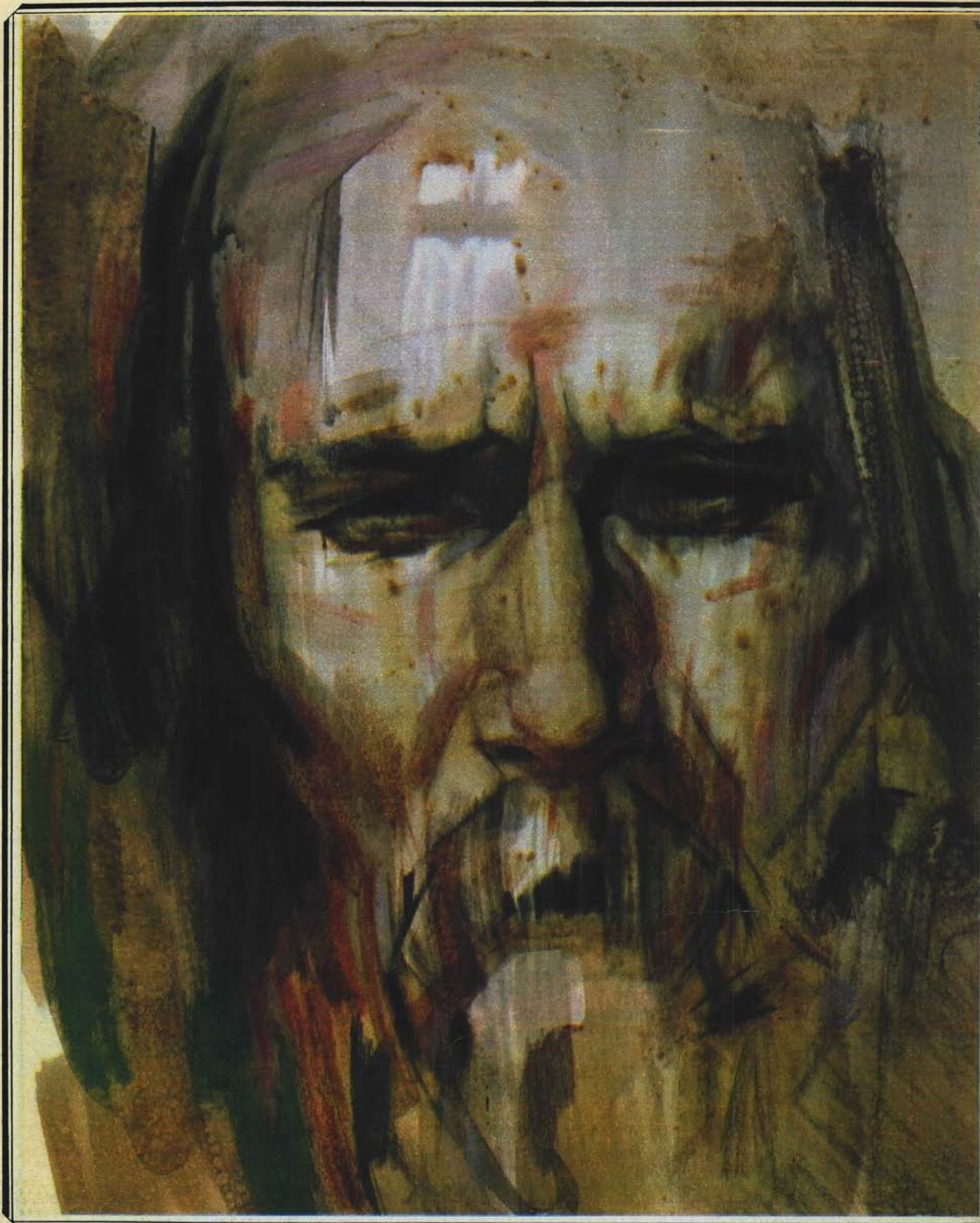
Текущий год угрожает не меньшим убытком, чем прошедший.

Назначенный правительством новый директор «Фольксвагена» Тони Шмюккер старается взвалить тяжесть кризиса на плечи трудящихся: он уже объявил о предстоящем увольнении 25 тысяч рабочих. «Ликвидация перегруженности предприятия», как завуалированно называют массовые увольнения, вызвала немалую тревогу в западногерманском обществе, для которого «Фольксваген» был символом «просперити». Она убедительно показала, на каком шатком фундаменте покоятся временные успехи капиталистической экономики.

«ШТЕРН», ФРГ

«ФОКУС ФИЛИППИНС»,
ФИЛИППИНЫ

САЛТЫКОВ

ЩЕДРИН

Лучшие годы своей молодости (с 22 до 29 лет) Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин провел в вятской ссылке. Период этого «плена» важен и интересен тем, что именно в Вятке великий русский писатель-сатирик впервые близко столкнулся с простым народом, узнал его беды и нужды, прошел «школу реальной действительности».

Из найденных пока 72 вятских писем Салтыкова (преимущественно брату и родственникам) лишь немногие касаются подробностей местной жизни. Находясь под бдительным надзором, Салтыков не доверялся почте, стараясь писать с окозьями или выдерживал в письмах полную благонамеренность. Тогда гнусное племя гоголевских шпекных сильно размножилось. Как-то вятский вице-губернатор Батурин вспоминал, что в молодости и он имел поручение тайно читать частные письма, но незаметно распечатать конверт ему не всегда удавалось. Додумались размачивать клей «жидкостью, которую люди обычно выбрасывают». Письма, правда, теряли свежий вид, но «дело» пошло быстрее, а «изобретатель» был повышен в чине...

В последнее время в Кировском областном архиве и в других хранилищах выявлено несколько десятков ранее неизвестных или считавшихся утраченными салтыковских документов. Новые материалы расширяют сведения о занятиях Салтыкова, о круге его вятских друзей и корреспондентов. Он был здесь разительным примером энергичного и честного администратора и пытливого исследователя-краеведа. Вновь найденные автографы Салтыкова (главы отчетов, отзывы и разборы) дают возможность не только включить в наследие писателя новые тексты, но и пополнить важными сведениями литературу о Вятской земле.

М. Е. Салтыков родился 15(27) января 1826 года в селе Спас-Угол Калужского уезда Тверской губернии. Детство его прошло в имении родителей-помещиков. Десяти лет его отдали в Московский дворянский институт, но через два года определили в Александровский лицей в Петербурге, в котором когда-то учился Пушкин. Здесь Салтыков начинал свои первые литературные опыты. В 1844 году после окончания лицей он получил должность в канцелярии военного министерства. В журналах уже печатались его стихи, рецензии и повести.

В самый разгар революционных событий во Франции (в марте 1848 г.) в «Отечественных записках» была напечатана повесть Салтыкова «Запутанное дело». В этом произведении цензор

нашел «самый разрушительный дух». Доложили царю. Он приказал уволить Салтыкова, на неделю посадить под арест, а затем сослать в Вятку без указания срока.

В мае 1848 года в сопровождении жандарма его доставили в Вятку. В сопроводительной бумаге говорилось, что Салтыков «в противность существующих узаконений, без дозволения и ведома начальства, помещал в периодических изданиях литературные свои произведения, обнаруживающие его вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу и испровергших власти и общественное спокойствие». Так сам Николай I отзывался о повести Салтыкова. Эта формулировка потом неукоснительно включалась в послужные списки Салтыкова и в перечни лиц, состоявших под надзором полиции.

Вятский губернатор поручил полицеймейстеру иметь за Салтыковым непосредственный строгий надзор и ежемесячно докладывать об образе жизни и поведении молодого ссылного чиновника. Так продолжалось до конца 1855 года, то есть более семи лет.

Все годы Салтыков жил здесь в небольшом деревянном доме (три окна на улице) бывшего баварского фабриканта Раша. Дом сохранился, сейчас в нем размещен Кировский литературный музей. Основой музея стала комната — мемориальный кабинет Салтыкова — пока единственный в стране музей писателя.

Вначале Салтыков числился канцелярским чиновником, а позднее (с августа 1850 г.) стал советником губернского правления, ведая вторым (хозяйственным) его отделением. «Барщичной переписки бумаг» он не занимался. Для этого, как и при Герцене, в канцелярии имелись писцы — мастера своего дела. Из-за неразборчивого и некрасивого почерка бумаги Салтыкова обычно «перебеляли» секретари. Черновики Салтыкова оставались в делах и сейчас представляют большой интерес. «Уроки» лаконизма и ясности не прошли даром для многих вятских сослуживцев Салтыкова.

В год приезда Салтыкова в Вятку губернию посетила холера: заболело более 6 тысяч человек, из них 2 690 умерло. Засушливое лето подорвало торговлю: уже нагруженные суда с вятским хлебом, льном, коноплей и другими товарами не смогли из-за обмеления рек отплыть в Архангельск. По площади Вятская губерния почти не уступала Царству Польскому, но только около трети земель ее считалась пригодной для заселения. Суровый климат, бедные почвы, болота, отсутствие дорог — все это сильно ограничивало развитие края. Низкая

урожайность полей и непомерные подати вели к поголовному обнищанию населения, особенно в северных уездах губернии. Салтыков имел случаи (во время своих поездок в Кай и Слободской) видеть это во всех подробностях.

Осенью 1848 года, убедившись в деловитости Салтыкова, губернатор А. И. Середа (сам большой труженик) поручил ему составление годовых отчетов по губернии. Их писали по давнему шаблону. Все местные учреждения в январе присылали подробные донесения о своей деятельности в истекшем году. В губернском правлении накапливались полуметровые «толпы» бумаг. Используя их, чиновники, ведавшие частями управления, готовили свои разделы.

Отчеты за салтыковские годы сохранились в Историческом архиве в Ленинграде. Однако до последнего времени нельзя было сказать, какие части отчетов писал Салтыков. Теперь найденные в Кирове автографы его — главы, наброски, редакторские вставки и поправки — наглядно показывают замечательное умение Салтыкова критически оценивать достоверность и полноту представленных донесений. Отмечая в них ошибки, он требовал «полной картины деятельности, а не изложения обязанностей», как это делали некоторые исправники и городничие, привыкшие «отбывать номер».

«Я сделался вполне деловым человеком, — писал Салтыков брату, — и всем этим я вполне обязан Середу, который поселил во мне ту живую заботливость, то постоянное беспокойство о делах службы, которое ставит их для меня гораздо выше моих собственных». Житейская потребность заставляла Салтыкова осваивать не только многообразные служебные вопросы, но и заниматься хозяйственными мелочами: «Даже солонину и огурцы солил впрок и вообще зажил своим домом, хотя был совсем одинок».

Через десять лет он вспоминал: «Кто испил на деле чашу провинциального, захолустного существования, тот, без сомнения, достаточно испытал на себе, какое огромное и решительное значение имеют в нем так называемые мелочи жизни».

Вятка тогда имела около 8 тысяч жителей, почти треть мужского населения составляли чиновники и служители канцелярий, присутствий и палат. Главным очагом культуры была публичная библиотека. Открытая еще в 1837 году знаменитой речью А. И. Герцена, она имела всего 2300 томов и многими посещалась, особенно в почтовые дни, когда поступали свежие газеты и журналы. Довольно часто Салтыков бывал вечерами в первом местном клубе. «благородном собра-

нии», которое открылось в 1849 году. Салтыков состоял в числе учредителей клуба. Но досуга было очень мало.

В 1850 году Салтыкову поручили составление статистических описаний городов губернии с целью выработки обоснованных мер «к лучшему устройству общественных и хозяйственных дел». Пришлось заняться сбором и оценкой разнообразных сведений и материалов по архивным и печатным источникам, не говоря уже о разработке большой специальной программы для исследования вновь возникших вопросов. Кроме того, он принял деятельное участие в подготовке выставок местных «сельских произведений». Отчет о выставке 1850 года был опубликован. Это единственная печатная работа Салтыкова за время ссылки.

Выставки показали, что, несмотря на ряд неблагоприятных условий, местное хозяйство все же делало явные успехи. Салтыков отмечал в отчете, что эти успехи «должно прямо приписать необыкновенной восприимчивости простого народа в Вятской губернии, чрезвычайно быстро постигающего полезную сторону дела и горячему его сочувствию... при всяком истинно полезном для крестьян нововведении».

О трудолюбии и сообразительности вятского крестьянина Салтыков писал и в «Губернских очерках».

Получив назначение советником губернского правления, Салтыков с головой погрузился в канцелярскую работу. Кроме хозяйственного отделения, он ведал еще «газетным столом» (с библиотекой) и типографией. В течение года к Салтыкову поступало более 12 тысяч служебных бумаг и ежедневно отправлялось по 40—50 ответов и распоряжений. Среди подчиненных Салтыкова (их было 19 человек) были опытные и грамотные чиновники. Они часто самостоятельно готовили проекты разных донесений, справок, отношений и проч., но все ответственные документы приходилось редактировать или пересоставлять Салтыкову. «Чрезвычайное беспокойство» его вызывало то, что в порученных его ведению делах «все крайне неустойчиво и запущено». «Работы такая гибель, — писал он, — что я решительно нередко теряюсь: иногда и желал бы всякое дело обработать совестливо и зрело, но так устаешь, что дело невольно из рук валится. Помощников у меня решительно нет, ибо всякий старается как бы только поскорее сбыть дело с рук. Весьма замечательно, что я менее всех нахожусь на службе и более всех понимаю дело, несмотря на то, что у меня есть подчиненные, которые по пятнадцати лет обращаются с делами».

Среди вятских чиновников Салтыков считался «белой вороной». Его опасались, так как взяточников он считал чуть ли не личными врагами и не стеснялся говорить об этом.

Много переживаний Салтыкову доставила попытка «принять должные меры» во время кайских «беспорядков» 1852 года. Он сам признавал, что, когда служба поставила его в прямые отношения к «живым силам народа» — взбунтовавшимся крестьянам, он «робел и мешался». Но в конечном счете он в рапорте-отчете оправдал действия крестьян, находившихся «в самом бедном положении», и нашел необходимым «скорейшее наделение их землей». Новый вятский губернатор Семенов остался очень недоволен этим рапортом, хотя для характеристики экономического положения вятского крестьянства он давал верные и весьма ценные сведения. Они интересны и современному исследователю.

Продолжая работу по подготовке статистического описания губернии, Салтыков побывал в некоторых уездных городах. Всюду он находил знакомую картину «служебной ненадежности» и злоупотреблений. Главный источник местных доходов заключался в городских имущественных и оброчных статьях. Поэтому Салтыков, заботясь о развитии хозяйства городов, требовал от Дум изыскивать дополнительные «статьи» для обложения сбором или устройством торгов. Из Орлова сообщали, что таких «статей» нет, между тем при ревизии сам Салтыков нашел «участок земли на городском выгоне... находящийся в безгласном пользовании градского головы». Думе пришлось внести участок в оброчные статьи.

При ревизиях Салтыков находил подобные злоупотребления и в других местах. Он постоянно требовал своевременного ремонта городских зданий, бережного отношения к лесам и питьевой воде, ходатайствовал о наделении выгонной землей, о строительстве казарм, пожарных сараев и проч. Эти заботы помогли накопить и целесообразно израсходовать на благоустройство вятских городов много средств.

Вятка, расположенная на высоких холмах левого берега одноименной реки, недаром признавалась «одним из лучших губернских городов». Салтыков назвал ее в «Губернских очерках» Крутогорском. При Салтыкове в городе появились новшества: спиртоскишдарное освещение улиц (вслед за Петербургом), пожарная команда, регулярно устраивались спектакли и концерты. На одном из концертов «прекрасной игрой на фортепьяно» отличилась сестры Болтиных — дочери вице-губернатора. Возможно, что тут и произошло знакомство Салтыкова со своей будущей невестой — Елизаветой Болтиной.

Многочисленные ходатайства об освобождении Салтыкова неизменно отклонялись. Поэтому он решил «использовать обзаводиться домом», готовясь жениться на Болтиной, которая к тому времени переехала с родителями во Владимир. Салтыков завел «премиальную пролетку», пару лошадей и прочую «принадлежность». Для напоминания о себе и учебной целью Салтыков посылал невесте листы написанной им «Краткой истории России». Изложение доводилось до царствования Петра Великого. Некоторые оценки (например, деятельность Ивана Грозного) и выводы указывали на то, что Салтыков внимательно изучал статьи журнала «Современник» и другие печатные источники, имевшиеся в Вятке.

В одну из поездок Салтыков встретился в Уржуме с медиком Иваном Георгиевским. В студенческие годы Георгиевский состоял секретарем и чтецом известного стихотворца графа Д. И. Хвостова. Вместе с графом Георгиевский бывал на стиличных обедах

и вечерах, где немало досаждал гостям чтением новинок из обширной «хвостовиады».

На титульных листах своих сочинений Хвостов писал: «Люблю писать стихи и отдавать в печать» или «За труд не требую и не чуждаюсь славы». Одна из эпиграмм его (возможно, на Георгиевского) гласила:

На врача

Чтоб ты лечил меня, слух этот, верно,
жив.

Я жив.

От Хвостова Георгиевский перенял многое, но писал, видимо, не стихи, а разного рода «обличения», возразив начальству «неприличными укоризнами и дерзостями». В Уржуме Георгиевский находился в тюрьме «за отъявленное поношение и непокорство власти». Ждали решения Сената.

Некоторые жалобы Георгиевского разбирались при Салтыкове в губернском правлении и признавались неосновательными «по бездоказательности и затейливости». Личность этого «протестанта» запомнилась Салтыкову и послужила явным прототипом для одного из героев «Губернских очерков». В 1859 году Георгиевского сослали в Тобольскую губернию.

В Уржуме, Слободском, Орлове и других городах Салтыков встречал немало чиновников, состоявших под следствием по делам о наборе рекрутов, обвинявшихся в казнокрадстве, растратах и наглых поборках. Галерея подобных персонажей запечатлена в его произведениях, но, конечно, в обобщенно-художественной форме.

В конце 1854 года Салтыкову поручили расследование секретного дела о раскольниках Ситникове и других. Салтыков сообщил брату: «...придется мне ездить много и далеко... я должен буду шлыться по лесам и рискуя даже жизнью». Ему довелось побывать в десятках поселков, в раскольничьих центрах и в самых далеких углах. Документы дела составили семь томов. На одной из страниц дела мы видим впервые фамилию... Щедрина.

По ходу следствия Салтыкову пришлось встретиться с казанским купцом Трофимом Тихоновичем Щедриным, который подозревался в тайных связях с раскольниками-старообрядцами. Протокол допроса вел сам Салтыков. Купец отверг все обвинения и вообще держался с большим достоинством. В протоколе велел за полной подписью Щедрина появиться росчерк «Советник Салтыков». Фамилию умного старика (ему было 74 года), «крепкого в убеждениях», Салтыков увековечил в качестве своего литературного псевдонима. Уже через год появились «Губернские очерки» под именем отставного надворного советника Николая Ивановича Щедрина. Цикл этих очерков, написанных на вятском материале, и другие произведения Салтыкова сделали его имя широко известным.

В ноябре 1855 года новый царь — Александр II согласился «дозволить Салтыкову проживать и служить, где пожелает». «Работая день и ночь», Салтыков сдал в канцелярию числившиеся за ним бумаги, в том числе и многотомное дело о раскольниках. Затем он поспешил освободиться от домашних вещей, уступая их соседям за бесценок или просто даром, и 24 декабря 1855 года покинул Вятку.

«Я оставлю Крутогорск, — писал он в «Губернских очерках», — передо мною растворяются двери новой жизни, той полной жизни, о которой и мечтал, к которой устремлялся всеми силами души своей... И между тем внутри меня совершается странное явление! Я слышу, я чувствую, что какое-то неизлечимое тайное горе сосет мое сердце... «Ужели я в Крутогорске оставил часть самого себя?» — спрашиваю я себя мысленно. Но текущие по щекам слезы, но вырывающиеся из

груди вздохи красноречивее слов отвечают на этот вопрос! Да! Не мог же я жить даром столько лет, не мог не оставить после себя никакого следа!»

Служебных бумаг Салтыкова много, они еще мало изучены. В них отражаются лишь внешние черты местной жизни и совсем слабо — связи писателя. В картотеке «Вятское окружение Салтыкова» учтено около тысячи фамилий. Конечно, многие из них лица случайные, но их масса составляла на жизненный опыт и творчество Салтыкова. Неоспоримым было влияние его на вятичей. Некоторые из его друзей имели хорошие библиотеки, считались знатоками театра и музыки, были причастны к литературе и науке.

Насколько удалось выяснить, ближе других к Салтыкову были: врач Н. Е. Шепетильников, К. В. Пуларев, Н. В. Ионин, чиновники И. И. и С. И. Драверты, Н. К. Калайдович, В. А. Корваев, В. Е. Круковский, К. К. Людевиц, К. К. Марниц, Е. О. Федосеев (отец Н. Е. Федосеева — одного из первых русских марксистов), М. Я. Чайковский, учителя А. П. Тиховидов и Ф. С. Томилов, некоторые сыльные (Л. Беликович, Г. Каменьский). У потомков этих лиц могли остаться дневники и записки о старой Вятке, письма Салтыкова и к нему, книги с его автографами и проч. Поиски продолжаются.

Почти в каждом томе произведений Салтыкова можно встретить что-нибудь вятское: типичную фамилию, характерную деталь быта, приметы топографии и топонимии. Вятские картины и воспоминания Салтыкова запечатлены не только в «Губернских очерках», но и в «Невинных рассказах» (крутогорский цикл: «Приезд ревизора», «Утро у Хрептугина», «Святочный рассказ»), в цикле «Для детей» («Годовщина» и «Добрая душа»), в «Мелочах жизни» («Счастливец», «Имярек»), в «Письмах о провинции» (письмо двенадцатое), в рассказах «Тихое пристанище», «Мастерица», «Тяжелый год», «Игрушечного дела людишки» и других произведениях.

Первые вятские читатели Щедрина настойчиво пытались выяснить подлинные фамилии «пропечатанных». В героях Щедрина здесь узнавали следующие лица: князь Чебылкин с семьей — губернатор Семенов; генерал и генеральша Голубовские — губернатор Середя и его жена; Порфирий Петрович Порфирьев — советник казенной палаты Макаров; Размановские (в «Приятном семействе») — семья прокурора Шиллинга; Фейер — городничий Дрейер. По другим признакам добавлялись: Линкин — учитель Томилов, Живновский — исправник Живицкий, Дернов — чиновник Резунов, Загржембович — чиновник Родзевич, Проймин — лекарь Ионин. Вятский полицеймейстер Баумгартен был весьма похож на щедринского Кранихгартена, жена чиновника Циолковского — на «крутогорскую звезду» Немиолковскую. В щедринском Горехвастове можно было разглядеть сосланного в Вятку князя Енгальчева — вымогателя и обманщика. Персонажи «Просителей» тоже напоминали реальных лиц: Перегренский — уржумского медика Георгиевского, Гиршель — мещанина Мармера, сосланного за ябедничество. В «Тяжелом годе» советник Птенцов — это чиновник Воробьев, Яков Астафьевич — советник Алфеевский, Буеракины — отец и сын Батурины, Семенович — чиновник Микульский, Песнопевцев — учитель Тянгинский, Щелкоперов — старообрядец Ельчугин, Фурначев — чиновник Тишков.

Щедрин использовал часто встречавшиеся тогда здесь фамилии: Бурков, Гирбасов, Дернов, Желваков, Захвастеев (здесь — Захватаев), Ижбурдин (Ижболдин), Ключев (Колчин), Колотов, Корепанов, Налетов, Пафнутьев, Половников, Призоров (Прозо-

ров), Размахнин, Скопищев (Скопин), Сокуров, Черезов и другие.

Более близкое знакомство с прототипами по документальным материалам показывает, что Салтыков давал в своих героях сатирическое обобщение, а вовсе не портреты конкретных лиц. Кроме того, он часто смещал хронологию и места событий, служебные ранги и отношения. Так, например, подлинный Семенов («князь Чебылкин») не был расслабленным старцем, не имел перерезной дочери — княжны Анны Львовны. Чиновник Техоцкий только созвучен «подлинному» Тыкоцкому, далеко не «жениху», многодетному титулярному советнику... Поэтому картины, рисуемые Щедриным, нельзя принимать за исторически точные свидетельства.

Салтыкова знали многие: город в 1855 году имел всего 14 тысяч жителей, а чиновники были на виду. С теплотой и благодарностью он писал в рассказе «Добрая душа» о знакомой мещанке Анне Марковне Главциковой (в «Губернских очерках» она названа Палагеей Ивановой). Очень возможно, что это была вдова его квартирного хозяина Раша: «С той минуты, как переступил порог этого дома, на душе у меня как-то повеселело. Как будто кто-то издали улыбнулся мне и прилепел меня, как будто давно затерянный и вдруг обретенный друг крепко-крепко прижал меня к груди своей». Воспоминание об этой беспредельно доброй вятской женщине, как писал он, «будет благословенно для меня до конца моей жизни».

Салтыков умел сосредоточенно и продуктивно работать. Помимо «Статистических описаний городов», он готовил три годовых отчета по губернии, отчет о выставке 1850 года и множество других служебных бумаг (об устройстве почт, о рабочих домах и проч.). Он занимался переводами политических сочинений Токвиля, Шерюэля и Вивена, изучал трактат Беккария «О преступлениях и наказаниях», написал заметки «Об идее права», а для сестер Болтиных — уже упоминавшуюся «Краткую историю России». Не забывал он и литературы: написал (или закончил) рассказ «Бруси» (опубликован лишь в 1890 г.). Сохранилась еще его рукопись художественно-автобиографического характера («Вчера ночь была такая тихая...»), в которой упоминаются персонажи будущих «Губернских очерков». Это дает основание считать, что в Вятке, в тихой комнате домика Раша, Салтыков делал первые наброски знаменитой книги.

Салтыков как-то сказал литератору П. В. Бывкову: «А вы знаете, за что я себя ценю? За первые вещи, написанные лучшей кровью сердца и где я, что бы ни говорили, настоящий художник».

После отъезда Салтыков писал в Вятку очень немногим, но в 1869 году прислал Вятской публичной библиотеке собрание своих сочинений. Так он отметил двадцатилетний юбилей своего «вятского плена».

После Салтыкова вятская жизнь еще долго почти не менялась. Многолетний сослуживец Салтыкова чиновник М. С. Мусерский через четыре года писал в «Вятских губернских ведомостях» (22 августа 1859 г.):

**Чувствуешь — давит тебя
Будто кошмар беспокойный:
Взвнешь как будто бы ты
В тине гнилой и застойной.
Видно, уж климат такой
В нашем краю, как когда-то
Где-то его описал
Острый сатирик Плутато.**

В строке имя выделено курсивом. Как видно, среди вятского чиновничества Салтыкова называли «Плутато», вероятно, по какой-то его остроте. К сожалению, найти подробностей об этом пока не удалось.

По рассказам старожилов, «подчиненные Салтыкова, особенно канцелярская «мелкота», глубоко уважали его за понимание безотрадного их положения и за сочувствие. Служащие в его отделении были счастливее других в получении пособий и наград. За это он был требователен к ним».

Единственным из найденных пока писем Салтыкова в Вятку приходится считать его ответ сослуживцу И. Н. Кошурникову. Вряд ли писатель помнил его. В 50-х годах Кошурников недолго служил в губернском правлении, а потом работал в земстве и жил в Котельниче. Здесь он открыл библиотеку, в которой часто собирались ссыльные. Случалось, что он рассказывал им о знакомстве с Салтыковым. В январе 1883 года Салтыков прислал Кошурникову список своих книг с указанием цены и места выписки.

Выписал ли эти книги Кошурников — неизвестно. Подлинник письма, видимо, погиб при пожаре в 1926 году, когда Котельнич почти полностью сгорел. Сохранилась только репродукция письма.

Книги Салтыкова читали в Вятке с жадностью. Характерные надписи на полях «Губернских очерков» в 90-е годы: «Всякое богатство награблено, а власти и слуги — разбойники». «Что такое государство? — союз богатых грабителей с помощью попов и ученых».

О кончине Салтыкова 28 апреля (10 мая) 1889 года «Вятские губернские ведомости» дали только перепечатку из «Правительственного вестника» — всего восемь строк, даже не упомянув, что писатель долго жил в Вятке. Но здесь его хорошо помнили. Статьи о нем печатались в первой частной газете «Вятский край» (1895—1896). Ряд статей о Салтыкове Н. А. Озерова появился в 1899—1903 годах. «Вятская газета» поместила несколько «Сказок» Щедрина, и они дошли до отдаленных деревень губернии. Большие статьи и заметки Н. А. Падарина были в «Вятской речи». Появились также статьи вятских щедриноведов А. С. Верещагина, В. Д. Емельянова, Л. Н. Спасской и других.

На доме, в котором жил Салтыков, в 1914 году решили установить мемориальную доску, но помешала война.

В советские годы на Вятской земле широко отмечались салтыковские даты. Одна из библиотек города и новая улица были названы именем Салтыкова-Щедрина. Мемориальный кабинет Салтыкова-Щедрина в Кировском литературном музее открыт в 1968 году. Здесь секретер и кресло — подлинные свидетели визитов Салтыкова к одному из близких знакомых, на столе — подвечники, чернильница, подставка с гусиными перьями, колокольчик и другие предметы из обихода вятского чиновника середины прошлого века. Представлены также ранние портреты писателя, автографы его деда и отца и другие документы, портреты жены и детей, ряда вятских друзей и знакомых, большое зеркало, принадлежавшее Салтыкову, диван из «присутственных мест», старинные часы с боем, стулья «базарной работы», шкаф с книгами, присланными по просьбе Салтыкова, панорама Вятки 1850-х годов, издание «Губернских очерков» 1857 года. В соседней комнате стоит письменный стол, за которым Салтыков работал в губернском правлении, тут и бланки советника: на них писатель иногда делал литературные наброски (например, «Брусина»).

За последние годы музей принял множество экскурсий и тысячи посетителей. Важной задачей его остается собирание и изучение документальных, иконографических, библиографических и других местных материалов о вятских годах жизни Салтыкова.

СТАДИОН ВЯТЫ УРОК 3-И Уроки 1—2 см. в №№ 15 и 21, 1975 г. САМОКОНТРОЛЬ

Занятия ведет
заслуженный мастер спорта
Александр КОЛТАНОВСКИЙ

Мы уже напоминали всем занимающимся на «Стадионе «Смены» о том, что перед началом занятий необходимо пройти тщательный врачебный контроль в поликлинике или лечебно-физкультурном диспансере. Такое обследование не только даст вам исходные данные, из которых вы и будете делать выводы о степени влияния на ваш организм рекомендованных нами упражнений, но и о состоянии своего здоровья к началу занятий. Ведь для правильного подбора упражнений и степени физической нагрузки необходимо знать свою медицинскую группу. В зависимости от состояния здоровья всех физкультурников разделяют на три группы:

I группа — практически здоровые люди, ни на что не жалующиеся, обладающие достаточной для своего возраста физической подготовкой. Они допускаются к занятиям физкультурой в полном объеме и к сдаче норм комплекса ГТО.

II группа — лица с небольшими отклонениями в состоянии здоровья, а также практически здоровые люди с недостаточной физической подготовкой. Допускаются к сдаче норм ГТО после годичной систематической тренировки.

III группа — лица с отклонениями в состоянии здоровья постоянного или временного характера и слабой физической подготовкой. К занятиям физкультурой и сдаче норм ГТО могут быть допущены после соответствующих процедур в кабинетах лечебной физкультуры или дома под постоянным наблюдением врачей.

А теперь перейдем к теме нашего урока — самостоятельному контролю. Это очень важная часть физической культуры: научившись изо дня в день вести наблюдения за состоянием своего здоровья, вы сможете с чувством законного удовлетворения отмечать, как наливаются силой ваши руки и ноги, как постепенно растут мышцы, появляются гибкость, координация движений, улучшается дыхание. Другими словами, через месяц-другой, листая свой дневник, вы сможете сказать себе: вот каким я был и вот что я теперь могу.

Самоконтроль заключается в субъективной оценке самочувствия: сна, аппетита, работоспособности, веса, частоты пульса и дыхания, спирометрии.

Субъективные показания заносятся в дневник и отмечают так:

- сон: глубокий, крепкий, прерывистый, со сновидениями или без них;
- аппетит: нормальный, пониженный, повышенный;
- тренировка: с удовольствием, без желания;
- работоспособность: работа без чувства усталости, характер утомления, продолжительность усталости;
- режим: без нарушений, с нарушениями;
- частота пульса:
- вес:
- емкость легких:
- частота дыхания:

Частота пульса (сердцебиение) считается нормальной у мужчин не более: стоя — 78 ударов в минуту, сидя — 70, лежа — 65, у женщин: стоя — 80—82, сидя — 75, лежа — 70. Под влиянием систематических занятий физическими упражнениями частота пульса уменьшается до 30—60 ударов в минуту.

Во время напряженных тренировок и соревнований у спортсменов частота пульса увеличивается на 100 и более процентов, но затем возвращается к исходному положению. Чем скорее это происходит, тем лучше тренирован спортсмен.

При переутомлении, перетренированности частота пульса, даже в состоянии покоя, может увеличиться. Это признак функционального нарушения состояния организма. В этом случае необходимо посоветоваться с врачом.

Частота дыхания в покое — 14—18 вдохов-выдохов в минуту. После выполнения физических упражнений частота дыхания увеличивается в 2—3 раза, и чем лучше тренирован спортсмен, тем быстрее возвращается к норме (через 8—10 минут).

Вес тела имеет важное значение для оценки физического развития и состояния здоровья. Чрезмерный, как и явно недостаточный, вес — показатель неправильного физического развития и питания, отклонений в режиме.

Контроль над уровнем физической нагрузки на занятиях осуществляется измерением частоты пульса.

Частота пульса при максимальных нагрузках (продолжительный бег трусцой или комплекс общеразвивающих упраж-

нений в основной части урока для лиц, отнесенных к третьей медицинской группе) не должна превышать исходную цифру больше чем на 50—60 процентов. Для второй медицинской группы допустимо превышение на 60—70 процентов, первой — на 80—90.

Начинать измерение частоты пульса надо сразу же после максимальной нагрузки в течение 2—3 секунд. Подсчет длится 6 секунд, результат умножается на 10. Более продолжительный подсчет приводит к ошибкам. Если количество ударов выше указанной нормы, нагрузку надо на следующем занятии снизить на треть.

Через 8—10 минут отдыха частота пульса должна вернуться в первоначальное состояние. Если пульс долго не приходит к норме, нагрузку надо снизить и обратиться к врачу за консультацией.

Перед началом занятий частоту пульса измеряют в течение 30 секунд и результат умножают на два. Обычно частота пульса в покое составляет от 60 до 80 ударов в минуту. Кроме указанных нами основных элементов контроля, желательны вести наблюдение за силой в кистях (сжатие), в руках (количество подтягиваний и отжиманий в упоре лежа) и за силой брюшных мышц (количество сгибаний и разгибаний туловища в положении лежа на спине с закрепленными ногами).

Проверяйте также развитие гибкости — величина наклона вперед, стоя на прямых ногах (в сантиметрах), величина наклона назад, стоя на небольшом расстоянии спиной к стене, касаясь руками стены при наклоне назад.

Два-три раза в год можете проверить свою «успеваемость» с помощью шести контрольных упражнений:

ВИД ИСПЫТАНИЯ	ОЦЕНКА
1. Развитие грудной клетки — разница между вдохом и выдохом: 9 см и более 7—9 см до 7 см	хорошо средне ниже среднего
2. Сгибание и разгибание рук в упоре лежа Мужчины до 30 лет — 15—25 раз Женщины до 30 лет — 10—15 раз	хорошо хорошо
3. Поднимание и опускание туловища, лежа на спине с закрепленными ногами, руки за голову Мужчины до 30 лет — 50—60 раз Женщины до 30 лет — 40—50 раз	хорошо хорошо
4. Подтягивания на перекладине Мужчины до 30 лет — 10—15 раз	хорошо
5. Гибкость. Наклоны вперед на прямых ногах Касание пола концами пальцев Касание пола ладонями	хорошо отлично
6. Наклоны назад любым способом на расстоянии Касание стенки концами пальцев Касание стенки ладонями	хорошо отлично

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

Те, кто полностью освоил предложенный нами комплекс общеразвивающих упражнений (см. «Смену» № 21, 1975 г.) и теперь тяготеют к однообразию занятий, могут заменить три первых упражнения на новые:

1. **Потягивание.**
И. п. — основная стойка.
1—2 — отставляя правую ногу назад на носок, руки дугами в стороны — вверх — в стороны. Вдох.
3—4 — обратным движением вернуться в исходное положение. Выдох. Повторить 4—6 раз.

2. **Для мышц ног на расслабление.**
И. п. — основная стойка, правую руку на пояс, левую на опору. Размашивающие движения прямой расслабленной ногой вперед и назад на каждый счет.
1 — мах ногой вперед.
2 — мах ногой назад.
Повторить по 10—15 раз каждой ногой. Дыхание произвольное.

3. **Для рук и плечевого пояса.**
Встречные движения прямыми руками, кисти в кулаках. Движения заканчивать рывком руками назад.
И. п. — основная стойка, правую руку на пояс, левую на опору. Размашивающие движения прямой расслабленной ногой вперед и назад на каждый счет.
2 — энергично поменять положение рук. Повторить 10—15 раз. Дыхание произвольное.

ВПЕРЕДИ ФРОНТА

Перевела с украинского Елена МОВЧАН

Воскрес? — удивился Савватей.
— Оказалось, удрал во время обстрела.
— Хоть поужинал там?
— Поужинал.— совершенно по-взрослому ответила Палазя, потрясенная его «воскресением». Еще там, на косогоре, ей почему-то не хотелось его смерти, и, когда он исчез, она охотно поверила шутке взрослых, что он-де удрал на «раме». Поверила, потому что видела, как он стремился туда, и где-то в глубине души понимала мальчика. Сейчас спросила почему-то меня (хотя проще было спросить его самого):

— У него мама есть?

— Наверно.

Потом наши сани отыскал Йозеф Йонеш и, держась поближе к обочине, передпропросил Франца о Фельдбадене, об отце и о танковой бригаде генерала Прайса. Кажется, мальчик подтвердил свои предыдущие показания, и Йонеш оставил его и помчался догонять Савватей.

После разговора с Йонешем мальчик как-то сник и, наверное, совсем законачел, прятал свои голые руки то в карманы, то в рукава, но никак не мог согреть. Шинелька хоть и сидела на нем отлично — видно, шил настоящий мастер, — однако сухо на ней было жиденькое и холод проникал сквозь него, добираясь до самой души. Я как-то раз испытал на себе «теплоустойчивость» их одежды, когда вконец обносился и пришлось неделю пофрантить в такой вот шинелишке. Слава богу, удалось выменять ее на деревенский кожух, и только тогда почувствовал себя человеком.

Если замерзли руки, сразу замерзаешь весь: тепло уходит из человека через пальцы рук и ног. Мальчик нащупал у меня между рукавицей и рукавом отверстие, прикладывая к моему запястью свои холодные пальчики и согревал их на нем. Палазя — его конвоир, и при каждом ее взгляде он отстранялся и поспешно прятал руки.

Может быть, это была какая-то детская игра, неизвестная и непонятная мне? Но для меня она вдруг превратилась в нечто большее. Какое-то странное, прежде неведомое чувство пробудилось во мне. Оно возникло на том маленьком участке моего запястья — между варежкой и рукавом, где грел свои холодные пальчики мальчишка, и уже оттуда проникло в душу и вспыхнуло там не испытанное доселе. Неужто это впервые заговорил во мне отцовский инстинкт? К кому?.. И я невольно подумал, что, будь я отцом этого мальчишка, ни за что не бежал бы с поля боя, не оставил бы его на произвол судьбы. Я молча убрал свою руку, давая ему понять, что он мне никто, так же, как и я ему, и что здесь он всего лишь пленный. Печаль выросла в его глазах, печаль одиночества, детской обиды. Палазя словно бы почувствовала, что игра окончена, и больше не поглядывала в нашу сторону. Когда выехали из села в поле, стало еще холоднее, в стволе миномета свистел ветер. Белые Тюльпановы кудри посеребрил иней.

— Сколько ему лет? — вдруг спросил Тюльпан.

— Ты же слышал. Четырнадцать...

Тюльпан переспросил по-немецки. Мальчик подтвердил: в январе минет четырнадцать.

— А моему Сергею сейчас бы в аккурат девять исполнилось... Когда их с Белой вели на расстрел, я на чердаке ховался. Стал у окошечка, а Сергеевка будто почувяла, что я близко, глянул на окошко, что-то шепнула матери, она тоже глаза подняла, осторожно так, вроде бы ненароком, чтоб не выдать меня. Привели их, поставили над оврагом на высокой насыпи, человек двести было — женщины, дети, одна с грудным на руках. Белочка взяла Сергееву за руку, поискала мое окошко, подняла сынову руку. Так и вижу его с поднятой рукой. Да только что мог я один против целой своры гестаповцев! С тех пор вот белый. А раньше-то чуб у меня красивый был, черный. И ведь придумают, сукины дети, — Тюльпан!

Фигура Савватеева Шпачка словно бы растаяла в тумане, и нам был виден только черный башлык его хозяина. С башлыком Савватей не расставался с тех пор, когда ходил он в этих краях совсем один и время от времени наведывался по ночам в родное село. Тогда он набрасывал башлык на лицо, скрываясь от не в меру любопытных взглядов, дабы не накликать беду на родичей. И лишь по прошествии некоторого времени после его исчезновения в селе догадывались, что ночной гость в башлыке был их Савватей. Он так же неожиданно исчезал из села, как появлялся там, и гестапо потратило не одну ночь, охотясь за «башлыком». Раздраженные неудачей, они схватили и повесили жену Савватеева, расстреляли нескольких близких родственников, однако

«вечного председателя колхоза» (так называл себя Савватей) ничто не могло сломить. Небольшого роста, ершистый, всегда увешанный всевозможными боевыми украшениями, он дослужился в армии только до старшины. Был он от природы мягкий и в то же время достаточно строгий. Я не слышал, чтобы Савватей когда-нибудь позволил себе повысить голос или грубо обругать кого-нибудь. Он всегда как бы просил, даже тогда, когда мог приказывать и наказывать, и никогда не оскорблял достоинства подчиненных. Я мысленно сравнивал его с Жоржем Кодудалем, вождем партизанского движения в Бретани. Когда Наполеон предложил ему звание маршала и дал одну ночь на размышления, наутро пленник якобы передал через посыльного: «Я мог бы принять маршалский жезл только из рук своих волонтеров». В бою Савватей отличался изумительным спокойствием, и это тоже возвышало его в наших глазах. При этом он всегда первым устремлялся к опасности, и мы постоянно боялись потерять его. Вот и сейчас он сильно оторвался от нас и, как призрак, растворился в тумане. Свернул с дороги и повел отряд полем, по которому ветерок гнал седые волны.

Где-то тут скоро покажутся мельницы, возле них должна ждать нас группа Миши Татарина из Маминцев. К ним еще позавчера была послана наша связная — Настя Стеблинская, однако бой под Борщаговкой мог спутать все карты: мы запаздывали, и группа Татарина вполне могла податься к Рогачину без нас. В Рогачине недавно приземлился представитель партизанского штаба; он будет координировать наши действия с авангардами Соколовского.

У мельниц не было ни посыльной, ни людей Татарина. Так и есть: не дождавшись нас в условленный час, они сами двинулись к Рогачину. Но ведь Настя по крайней мере должна была остаться здесь.

Савватей поднялся к моим саням.

— Ладно, Татарина нет. Но с Настей-то что случилось?

— Откуда мне знать, Савватей?

— От сердца. Когда мою старуху в Оратове вешали — я почувствовал... На расстоянии почувствовал!

Хуже всего, если Маминцы занял второй эшелон врага. Тогда Настя могла попасть прямо в руки немцам. Я почему-то не хотел говорить, что, когда она уходила сюда, было у меня в сердце какое-то недоброе предчувствие.

Идти в разведку вызвались Гнатовский и Йонеш. У Савватеева было предубеждение против Йонеша, может быть, и незаметное для самого Йозефа, однако для нас достаточно очевидное. Да он и не скрывал этого. «Йонеш молодец» — говорил он о чехе, — но есть у него один недостаток — родился в Судетах. Был бы он родом из моего села, цены б ему не было». Для «подстраховки» Йонеша Савватей решил послать еще одного человека: его взгляд остановился на моих санях. У меня всегда было ощущение, что Савватей знал о каждом из нас больше, чем дозволено или положено знать командиру о подчиненных. А впрочем, недаром говорится, что кашель да любовь от людей не скроется.

Франц дремал у меня под боком. Его ресницы припоросил иней. Кони стали, мальчик проснулся. Палазя согрела руки в рукавах кожуха, постукивала сапожками носок о носок. Даже ей холодно, а каково немцу?

Савватей пригнулся в седле, пощупал сухо его шинели и, будто убедившись в чем-то, что было ему ясно и так, бросил на мальчика сочувственный взгляд. Франц улыбнулся, сощурился, втянул шею в воротник, к которому только что прикасались пальцы бывалого солдата.

— Что, сынок, зябко?

Тот покачал головой. Я отдал ему свою единственную рукавицу — вторая уже давно была потеряна.

— Эге-ге-гей! — крикнул Савватей в ночь. Для Насти, если бы вдруг она заблудилась где-нибудь неподалеку. Это взметнулось на мельнице и угасло, упав на каменные жернова.

Мы окунулись в белый туман, и, когда я оглянулся, людей уже не было видно, только мельницы словно бы плыли над землей. Интересно, каким образом Савватееву удалось отыскать их почти вслепую: в последнее время было затишье и никаких следов здесь не было видно. А добираться назад — вся надежда на коней, приведу по своим следам, нам же с высоты их не разглядеть. Гнатовский высказал предположение, что в таком тумане «татары» не нашли мельниц и сейчас ползут где-нибудь в поле. Стрельнуть бы пару раз, поддать сигнал. Может, они где-нибудь рядом. Но туман, как вата, глушит звуки. Вот и кони ступают совсем беззвучно. Вдруг

дорогу преградило какое-то странное сооружение. Оказалось, самая обыкновенная скирда, а в тумане — точно айсберг.

У скирды след — вроде бы Насти Стеблинской. Пригляделись внимательно: два следа. По другую сторону скирды санный след, просыпанный ячмень — видно, Настя кормила коня; отсюда следы ведут к тайнику, который, верно, еще осенью вырыли ребята-пастухи — укрываться от холода и непогоды. Я полез в тайник, довольно-таки просторный и обжитой, тут словно бы еще висел нерастаявший Настин смех. И вдруг он громко и явственно зазвучал в скирде. Я выбрался из тайника, Гнатовский и Йонеш стояли возле скирды; Йонеш держал за повод моего коня. Спрашиваю их:

— Это вы смеялись?

— Когда?

— Только что...

— Нет, — ответил Гнатовский.

— Вроде смеялся кто-то...

— Там, внутри?... Стеблинская! Стеблинская с Татариним и его людьми. Кто же еще...

Я обошел скирду: никого.

Санный след от скирды тянулся к селу. Мы встали на него, но скоро потеряли. Знобко нам, кони фыркают в тумане, а там, в тайнике, сухо, тепло, шебуршат мыши и словно наяву смеется себе Настя Стеблинская... Но с кем? Я же сам видел, что из Борщаговки она выезжала одна, у нее еще не было кнута, и кто-то из наших дал ей свой. Настя была в кожухе, в белом шерстяном платке, повязанном поверх простого, веселая, будто и в самом деле отправлялась на постого, как в былые времена. Мы и снарядили ее, как помолыщицу, и даже бросили в сани мешочек ячменя. Он-то и рассыпан около скирды.

Первый раз я встретил ее в сорок первом, в поезде для эвакуированных. В дороге нас обстреляли вражеские истребители, поезд остановился на перегоне, женщины с детьми бросились враспылку, разбежались кто куда. Потом начальник поезда сзывал их при помощи кондукторского рожка. Поезд уже начал двигаться, как вдруг женщины дико закричали: «Стойте! Настя! Настя с ребенком!» В самом деле, от будки шла молодая женщина с маленьким мальчиком, шла не спеша, несла кувшин и толстенную краюху хлеба. Платье на ней было зеленое, шерстяное, с белым вышитым воротничком; мальш годиков трех-четырёх рысцой бежал за ней. «Ишь, комиссарша! Это тебе что, на курорт ехать?» — язвительно кинул начальник поезда, пряча в сумку рожок; женщина в ответ подняла кувшин с молоком: «Чего кричишь? Дети голодные!»

«Ох и начальничек, скажу я вам!» — прищурился наш старшина, наблюдавший начальника поезда во время налета отнюдь не таким бравым, как сейчас. Женщина с начальником оставалась абсолютно спокойной. Мы запомнили ее еще с Проскурова, где наш вагон прицепили к эвакуационному поезду за несколько минут до отхода. На маленьких станциях она спускала мальчика с платформы на землю, не боялась отстать и вела себя так, словно поезд держивали специально ради нее. Сейчас опять показывала свой характер. Когда она наконец взобралась на платформу, старшина, кивнув в ее сторону, произнес свою оценку: «Средний комсостав».

В Казатине наш вагон отцепили, загнали в тупик, на глухую колею, поросшую бурьяном, а поезд с беженцами, вернее, с беженками, после короткой стоянки отправили дальше на восток. Это было в полдень, а к вечеру на дрезинах привезли первых раненых с этого поезда — детей и женщин. Километрах в двадцати от Казатина, возле Черногрудки, эшелон обстреляли бомбардировщики. Убитых похоронили возле старой чумацкой могилы, во ржи, а те, что могли передвигаться самостоятельно, повернули к Казатину. Шли всю ночь — с детьми, узлами, чемоданами. Среди них была и женщина в зеленом платье, без мальчишка. Постаревшая и словно бы уменьшившаяся за одну ночь. Похоронила сына.

Весь день толпа беженцев металась по станции, женщины в смятении носились по рельсам от эшелона к эшелону, хотя ни один из них не мог двинуться с места. Эшелоны стояли без паровозов, те должны были прибыть то ли из Фастова, то ли из Винницы, как говорили, из какого-то «резерва» Юго-Западной железной дороги. В отличие от всех остальных женщины не проявляли ни малейшего интереса ко всей этой суматохе, она словно бы закаменела в своем горе, и юркие маневровые паровозики, давно списанные с больших линий, сердито прогоняли ее с рельсов. Машинисты злились, что-то кричали ей, она же улыбалась им виноватой и какой-то затравленной улыбкой обиженного ребенка. Узнала наш

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

вагон в тупике, сказала старшине, что теперь ей незачем эвакуироваться, что она хотела бы остаться тут и вместе с нами защищать Казатин.

— Милая женщина, — ответил ей старшина, — мы прибыли сюда не защищать, а подрывать. И жить в нашем вагоне небезопасно — сама видишь, куда нас поставили. В чертов тупик, потому что все вот эти ящики — с взрывчаткой: если в наш вагон попадет бомба, от Казатина мокрое место останется. Тут дело не женское.

— Коли так, то и я подрывать буду. У меня муж сапером был. Комиссар саперного батальона. Вовкотрубенко. Может, слышали про такого?

— Нет, не слышали. А тебя как звать?

— Настей...

— А фамилия? Вовкотрубенко... по мужу?..

— По мужу... А девичья — Стеблинская. Из-под Белой я.

— Вот и шла бы себе туда...

— Куда?

— К Белой. Какая уж тут эвакуация... Рукой подать...

— Я и говорю...

— Ну что, ребята? Как? — обратился к нам старшина.

— Пускай кашу варит...

— Без фартука?

— Ничего. Однем ее в штаны да в кирзачи. Обмотки-то, небось, не захочет носить.

— Почему же... Мне все равно. Могу и в обмотках...

— Вот тебе котел, пшено. Сейчас жару принесем, костер разложим, будешь кашу варить.

Только успели развести огонь, как за ней явилась целая женская делегация. Уже немолодая, красивая женщина со строгим лицом, в хромовых сапогах — видно, командирша — отозвала старшину, о чем-то пошептала с ним, после чего он окинул Настю придирчивым взглядом и проговорил почти торжественно:

— Рядовая Вовкотрубенко, я вынужден отчислить вас из группы, поскольку вы утаили от нас весьма важное обстоятельство, которое не позволяет вам нести воинскую службу. Теперь я и сам вижу. Извините, что сразу не обратил внимания. Для меня главное в человеке — глаза, а там я ничего не заметил...

Женщины окружили ее и повели к поезду, все еще стоявшему без паровоза. Отойдя на порядочное расстояние, Настя оглянулась и помахала нам. Старшая тоже пошевелила пальцами в воздухе.

— Ну, искусители, — сказал старшина, — доваривайте кашу, а я наведу к коменданту станции. Не пора ли нам приниматься за дело?

Вскоре подошел маневровый, взял наш вагон и потянул к вокзалу. Там уже ждали нас старшина с комендантом.

Из дверей теплушки валил пар: то доходила в котле каша, которую мы пожалели оставить, хоть так она и не

доварилась. Кашу выставили на перрон и уже начали было выгружать взрывчатку, когда кто-то принес страшную весть:

— Немцы!..

Первые мотоциклисты были уже на дальнем мосту, что километрах в двух от станции; нам было видно, как мелькали их каски; под мостом в легком мареве поблескивали рельсы. Мотоциклисты двигались на Соколец, обходя Казатин с юга, а то время как наши части ждали их с запада, со стороны Бердичева. Комендант с отчаянием глянул на старшину и приказал подорвать мост, по которому теперь уже двигались велосипедисты. Издали они являли собой зрелище поистине феерическое: спицы в своем вращении сливались в ослепительно сверкавшие солнечные круги, а над ними — силуэты фашистов, застывшие в одинаковых позах гонщиков. И, может быть, перед лицом этой фантастической картины бессмысленный приказ коменданта, который, едва dokonчив фразу, покинул перрон и скрылся в своей комнате, показался нам почти нереальным. Старшина даже не успел ничего ему ответить и только распорядился:

— Забирайте кашу!

Когда мы поставили котел с кашей в вагон, старшина командовал машинисту:

— К мосту!..

Машинист какое-то мгновение ошарашенно смотрел на старшину, потом что-то сказал кочегару, паровоз чихнул и на медленном ходу начал двигаться к мосту.

Перед мостом старшина, стоявший на лесенке, крикнул машинисту:

— Под мостом — стоп! Слышал?

— Слышал!

Однако паровоз немного перебрал, он выскочил из-под металлических прогонов, зачадил черным дымом.

— Теперь берите с кочегаром кашу и несите. Как хлеб-соль.

— Кому?

— Им! — показал старшина на мост. — Да поскорее, черт побери! И угостите их как следует... Ну, прошу вас! Умоляю!

Старик соскочил с паровоза, за ним спустился кочегар (помощника у них не было), сняли кашу и по тропинке стали взбираться на высокую насыпь. Вот они уже на самом верху, потащили кашу к мосту. Потом оба исчезли из поля зрения, а над нами — какая-то беготня, возня, непонятные выкрики, не то удивленные, не то радостные. Тогда старшина, не спускаясь со ступенек, приказал мне:

— Ящики... быстрее... Под опоры...

Все продолжалось несколько минут. И вдруг заминка. Куда-то запропастился гнездовой ящик, к которому присоединялся бикфордов шнур. На поиски ушло еще не-

сколько сумасшедших мгновений. И вот старшина уже стоял, готовый поджечь кончик шнура, но теперь машинист с кочегаром что-то замешкались. На наше счастье, паровоз коптил так, что света божьего не видно, и под прикрытием дымовой завесы мы смогли поставить под опоры еще несколько ящиков. Наконец машинист и кочегар съехали с насыпи. По всему было видно, что операция с кашей прошла благополучно. наших остряков тешила мысль, что каша недоварена. И я подумал о том, что эти люди не перестанут шутить даже в самом пекле. За «хлеб-соль» машинисту перепал подарочек от победителей — пачка сигарет с позолотой. Старик важничал, чувствуя себя героем события, однако ему не дали как следует насладиться своей победой, а срочно затолкали в старенький «Эхо», от которого сейчас зависело все.

Бикфордов шнур уже шипел, голубой язычок пополз к средней опоре, паровоз запыхтел, дал задний ход, резко толкнул вагон — теперь все решали секунды; там, наверху, веселились, хвалили кашу, а мимо счастливых, облепивших котел, катили и катили черные силуэты на светящихся колесах. Когда дым рассеялся, кто-то вдруг закричал, показывая на голубой огонек, что вилса под мостом. Все на мосту смешалось, замерло, вмиг исчезли необыкновенные колеса, словно их унесло вихрем. Страшный взрыв поднял мост на черной головне дыма и швырнул в бездну. На крышу нашего вагона посыпались камешки...

Около вокзала паровоз сбавил ход, старшина соскочил, побежал в помещение, видно, хотел доложить коменданту, что приказ выполнен, однако вернулся ни с чем — коменданта и след простыл.

С насыпи застрекотали пулеметы по вокзалу, по нашему «Эхо», который теперь прикрывал собой «адский вагон».

Так начинал войну наш Савватей, старшина подрывников.

Маминцы проступили из тумана заледенелыми деревьями, словно бы взбравшимися на самое небо и напоминавшими издали всякие сады; их приземляло беспорядочное скопище крыш, под которыми сегодня не светился ни один огонек. Это настораживало: село не могло заснуть так рано. Гнатовский соскочил с коня, передал повод Йонешу и направился к ближайшей хате, минутой спустя вышел оттуда и развел руками — пусто. Во второй и третьей хатах тоже не было ни души. Только какой-то заваленный пес оскалится на нас из будки в замусоренном дворе и убежал на огороды. Где-то спросонья закудахтали куры. У нас не было огня, чтобы осмотреть пустые дома, но было и так понятно, что покинуты они

* Марка паровоза.

внезапно и впопыхах: хаты и сараи не заперты, незакрытые печи кое-где еще дышали жаром—люди ушли от своих очагов совсем недавно. В одном из дворов на ржаных коней тревожно отозвались брошенные на произвол судьбы гонимые—должно быть, их вывели из стойла, но не успели запрячь, они неприкаянно слонялись по двору и, походя на призраков, выступали из белого марева как-то неуверенно и боязливо, совершенно беспомощные без людей.

Возле покосившихся ворот на шесте развевалась белая борода. Мы приблизились, и борода словно бы сама по себе слетела с шеста—ее владелец кинулся было бежать, но Гнатовский остановил его:

— Эй, эй, борода, куда ты?!

Старик даже не закашлялся, хотя мог бы прибегнуть к этому испытанному способу «самообороны», а только подозрительно глянул на нашего немца.

— Кого вам, люди добрые?

— Что тут случилось? Село будто вымерло, ни души.

— А я вам что, не душа?

— А деревня, дедушка, деревня-то где?

— Я и есть деревня,— улыбнулась борода.— А вы фронт или кто будете?

— Разве не видно?— сверкнул белыми зубами Гнатовский.

— Разговор вроде наш. А немец-то настоящий, что ль?

— Это наш человек. Партизан. А ваши-то где?

— Кто?

— Ну, «татары» ваши?

— Да, это, как из пушек пальнули у Борщаговки, так все и разбежались кто куда. Один я решил тут помирать. Мне уже все равно: фронт—не фронт. Надоело от смерти бежать. А он по правде немец?— указал на Ионеша.

— По правде. Только наш немец. Перешел к нам.

— Красота...— Дед принял бравого вид.— А кто у вас за старшего?

— Он.— Я показал на Гнатовского.

Старик подошел к «старшему». Сорвал бороду, выпрямился, и я вскрикнул от неожиданности:

— Макогоненко? Да это же Васька Макогоненко!

— А где остальные ваши? Савватей где?

— У мельниц.

— Наши только что туда отправились. Восемь подвод... Я на хозяйстве остался...

Это был заместитель Мишки Татарина, Васька Макогоненко, весельчак и артист. До войны работал кинемехаником, и во всех близлежащих деревнях его знали как облупленного, потому, отправляясь на дело с «татарами», он всегда прибегал к подобным превращениям. Тут у него сестра с ребятами, мать. Ради них он должен был заботиться о том, чтоб не распознали в нем Васю-кинотехника.

— Что там стряслось в Борщаговке? По кому били из пушек?

— По нас. По кому ж еще?

— А мы уж тут решили: фронт! Деревню— в лес, а сами— на сани. Отличную «банду» сколотил Татарин. И у меня тут кое-что есть...

Макогоненко сунул в рот негнущиеся пальцы и свистнул три раза. Ему отозвалось сразу несколько повсестов.

— «Гостей» встретим достойно.

— Ты поосторожней. Немцы сейчас, как осы. И драпают они не поодиночке. Полками идут. Так что не свисти. На рожон не лезь. Это тебе, брат, не шутки. Фронт. В порошок сотрут.

— Что я, слепой? Не увижу, кто идет? Полк пропустим. Батальон тоже, так и быть, пропущу. А роту разобью. У меня «Максим» на звоннице.

— Твое дело— пропускать их на Рогачин. А там уж Филипп Живой разберется. Ему виднее. Понял?

Макогоненко никак не ожидал такого указания. Особенно от нас. Тяжело вздохнул:

— Выходит, сиди и не дыши? А если деревню палить начнут?

— Лишь бы людей не спалили. Деревню отстроим. Скажи ему, Ионеш, что такое немцы, когда они отступают.

— Очень опасно. Очень...

— Слыхал?

— Слыхал...

— Бывай!

Мы повернули к мельницам, и я спиной ощущал, с каким укором смотрит нам вслед Вася Макогоненко, в котором пробудился отчаянный атаман.

И привиделось мне, что отец Франца тайно вернулся под Борщаговку, на место недавнего побоища, ходит среди убитых, переворачивает их, освещает фонариком лица, ищет сына. Вот наткнулся на Фердинанда, огромного, вытанувшегося, обнаружил его недалеко от машины, в которой спал сын, что-то шепчет над ним: рассказывает о сыне. Потом сообразил, что мертвые не говорят, плюнул, побрел в туман— это он оттуда, от Роси, и напозз сюда. Отец пересчитал убитых— один, второй, третий, нету двоих: сына и еще одного. Убежали, думает он, и приказывает своим наверху греть машину. Они убежали!— радуется он и направляется к автомобилю. Внезапно взгляд его выхватывает следы на снегу: сначала конный, потом пеший— торопливый, отчаянный. Отец мгновенно догадывается, что произошло, и бежит, бежит по этому человеческому следу, который вдруг обрывает-

ся, потом петляет и снова тянется в ночь, в смерть... Ему кажется, что он бежит по этому следу всю жизнь, и вот уже слышит, как мчится всадник, а те, что остались наверху с запущенным мотором, что-то кричат, грозятся оставить его.

Но разве можно остановить отца, который уже близок к цели! Он понимает, что этот поединок со всадником не мог продолжаться долго, что всадник догнал Франца, и сейчас он хочет совсем немножого— найти сына и похоронить его пусть даже на этой земле, если уж нельзя добраться до места вечного захоронения Тильпов в Фельдбадене. Какая нелепость— взять мальчика сюда, на Восток, но стократ большее безумие— оставить его на немощного Заукеля, а самому бежать с поля боя, чтобы возвратиться сюда предателем собственного сына. Черный мраморный крест посреди поля поражает его, отец воспринимает этот крест как некий мистический знак, как провозвестие господне о смерти сына: и действительно, неподалеку от креста он видит убитого, лежащего кверху лицом. Отец подкрадывается к нему, но вид гигантских валенок покойника успокаивает его, и он гасит фонарик.

Непроглядный туман обступил его со всех сторон, отец брел по косогору, теперь он точно знал, что сына нет среди убитых, и мог надеяться на одно: Франц жив и блуждает, затерявшийся в этом тумане, и он изо всех сил закричал: «Франц! Мой Франц! Ты слышишь меня??»

На крик прибежали те, с пригорка, схватили его и силком потащили к машине. Напрасно он сопротивлялся, вырывался от них, дрался— они не собирались погибать тут из-за этого рыжего щенка, пусть он будет трижды его сыном. Неужели не ясно, что никакого Франца поблизости нету, что вокруг белое безмолвие и в нем притаились партизаны?

Во второй раз мы с Настей Стеблинской встретились случайно, как это бывает на войне. Шли мы из Оратовских лесов к Филиппу Живому, чтобы вместе с ним атаковать железнодорожный мост через Роставичи на какое-то время вывести из строя ветку Казатин—Христиновка, по которой немецкое командование переправляло резервы для группы «Юг». Было нас человек десять на конях, и потому мы пробирались днем, спокойно обходя комендантские и полицейские посты. К вечеру мы уже были в Дзюнькове. Там в лесничестве нас должна была встретить проводница от Филиппа Живого, который только что успешно провел несколько трудных боев с карательными отрядами и потому был вынужден метаться из одного района в другой. Однако никакой проводницы в лесничестве мы не нашли, а идти на Рогачин самостоятельно Савватей не хотел: не был уверен, что застанет там Филиппа Живого. Решил подождать проводницу в Дзюнькове хотя бы пару дней, выставив на дорогах посты. Меня с Иваном послал на борщаговскую дорогу— «замкнуть» мост через Рось. Мы расположились в старой мельнице, облюбовав себе окошечко для наблюдений.

Завели на мельницу коней, хоть и не нашли там ни зерна, ни тем более сена. Помольщик ныне пошел слабый, приходил на мельницу с торбочками, помолки с такого почти никакой, вот зерна и не было, а наши кони, усталые и голодные, выбирали с земли по зернышку и так гулко фыркали, что прохожие на мосту невольно оборачивались на темную мельницу.

Перед нами открывалась Рось: дорога на Борщаговку спала, окаймленная старыми вербами, похоловшими сейчас на запоздалых прохожих, а справа от нее по-над Росью затихал, успокаивался хутор, эжошки которого только что бросили на речку первые дорожки света, мерцающего, неверного, как и сами огни того хутора. Еще через минуту задымили трубы над крышами, то в одном, то в другом окне вспыхивало яркое пламя от печей, и эти вспышки тоже отражала Рось. Люди готовили ужин, вовсе не подозревая о том, что двое голодных с завистью наблюдают за ними. Из нашего запыленного окошечка, которое мы протерли куском мешковины, чтобы лучше видеть дорогу, хутор производил впечатление чего-то теплого, спокойного и даже счастливого. Было в нем домов двадцать, не больше, все они стояли по-над Росью, от хутора по горе тянулось невспаханное поле; в случае чего туда удобно отступать на конях, немцы на машинах такую горку не одолеют. Если уж оставаться в Дзюнькове, то лучше всего тут, на хуторе. Как раз здесь живет Ганна Зосимовна, в доме которой нам уже доводилось бывать. Из нашего оконца видна ее хатка, третья с краю. Говорю Гнатовскому: «Иди, Савватей не узнает, что ты отлучался, только особенно не задерживайся, а если встретишь Рудакова— умоляю, не «стреляйтесь». Шучу, конечно. Гнатовский пошел, а я остался у окошечка с ручным пулеметом, наблюдая за мостом. Внизу, так и не дождавшись своего ужина, уснули кони, стоят, и мне слышно, как время от времени меняют ногу.

А Ганна Зосимовна, верно, сидит сейчас в теплой комнате над ученическими тетрадами, босая, в халатике; мать готовит ужин, а отец растрясает табак на сундуке; в светлицу ведут стеклянные двери, они темные, и никогда не знаешь, что скрыто за ними. Может быть, там на белой постели отдыхает комиссар Рудаков, чтобы в полночь, когда заснет село, потихоньку выйти из дома, оседлать коня и умчаться в свои Шабелянские леса.

Однажды мы нарвались на Рудакова— вышел к нам из светлицы в одном белье, довольно-таки свежий для нашей бродячей жизни, поздоровался, познакомился с Гнатовским. Лет ему чуть за сорок, высокий, худощавый, с размеренными движениями, с импозантной сединой и большими синими глазами. Сказал, что старики пошли к кому-то на крестины, сам собрал для нас ужин, а Ганна Зосимовна так и не появилась. Гнатовский волновался, все время поглядывал на стеклянные двери, смущенно улыбался и вообще был какой-то униженный и вроде бы виноватый перед кем-то.

— Как ты можешь?— сказал я, когда мы вышли.

— А что мне, драться с ним, что ли? Ты же видел, как спокойно он к нам вышел.

— Да видел, видел...

— Ноги моей больше там не будет. Чувствовал себя так, будто зло ему какое причинил. А вся-то вина— нравится мне Ганна. Особенная она, никогда я таких не встречал. Тебе не кажется, что она словно бы беззащитная, беспомощная? Как женщина. Это не слабость, а безмерная женская доброта, покорность. С такой можно прожить сто лет и ни разу не поссориться. Если Рудаков ее бросит, я женюсь на ней. Вот так просто— возьму и женюсь.

Сию же минуту у окошечка, голодные кони переступают с ноги на ногу, тревожатся, не спят; мне-то легче: уж, конечно, Иван догадается принести хоть какой-нибудь еды и табаку добудет— старый Бех разводит хороший табак, турецкий, затянешься и чувствуешь себя этаким аристократом. Однако сколько можно ждать? Вот уж и огоньков не видно, и у Бехов стемнело, и месяц не светит, только Рось медленно несет звезды к плотине и сбрасывает их в омут. Вспатриваюсь в ночь, жду Ивана. Размышляю о том, что добрая половина всех на свете измен совершается из-за женщин. А, чепуха все это, злобный эгоизм голодного человека. Только зачем же было Бехам гасить свет? Идет...

— Ты, Гнатовский?

Молчит. Идет. Шаги вроде не Ивановы. У того походка уверенная. А этот будто крадется. Даже мост не гудит. Открываю окно. Вспатриваюсь в темноту— женщина... Может, посыльная от Филиппа Живого?

— Стой! Кто идет?

— С хутора иду...

— Кто с хутора?

Молчит, что-то обдумывает.

— А вы кто?

Точно, она. С хутора так поздно не ходят. Другое дело— на хутор. Теперь молчу я. Знаю наверное: скажешь правду— не поверит. А она:

— Так кто вы? Свои или чужие?

— Если к Савватей, то свои... Проходи.

— Сразу бы так. А то расспрашиваете, будто тут полк...

Отрываюсь от окошка, лечу вниз по лестнице, выбегаю— никого... Только Рось плещется. Зову:

— Эй! Где ты?! Да свои мы. Не бойся. Выходи!

Стою, одураченный бабою, в заводи тихо шепчет камыш, вот-вот взбунтуется ранняя весна... Кричу: «Выезжай, дурица, отведу тебя к Савватей, он уже вторые сутки дожидается». Однако действуют парадоксы войны: чем правдивее и откровеннее будут мои слова, тем меньше им доверия. И тут меня самого охватывает сомнение. А вдруг провокаторша?... Послепно возвращаюсь на мельницу, там в окошечке пулемет, и кони там... И тревога до самого рассвета, до возвращения Гнатовского. Злоба закипает во мне, так и хочется сказать ему что-нибудь жестокое. Ага, придумал:

— Рудакова не было?

— Теперь не бывает,— смеется Гнатовский.

Рассказать ему о приключении или не надо?

— А кони голодные...

— Сейчас старик сена принесет...— Обо мне ни слова...

— Тогда посиди тут, а я сбегу в лесничество. Будь осторожен...

— Что-нибудь срочное?

— Нет, так... пускай смену присылают...

В лесничестве застаю мою ночную «гостью». Сушит одежду над буржуйкой. Босая, в одной сорочке. Узнаю ее. Это та самая Настя из эвакуации. Пришла за нами из Рогачина.

— Куда же вы исчезли?

— Стояла в воде, под вербами,— засмеялась Настя.— Вот не высушу никак... А вы... Вы очень изменились... Вы что, всем вагоном здесь?

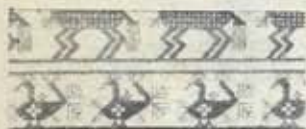
— Почти...

Еще тогда, в сорок первом, у Насти Стеблинской родился сын (во время войны погибают и рождаются все больше мальчики), его прячут от гестапо в деревнях, и хоть я никогда не видел маленького Вовкотрубенко, теперь вполне представляю себе, какие чувства могли бы у меня возникнуть к нему, доведись мне заменить ему отца. А все это пространство между варежкой и рукавом... И стало вдруг обидно оттого, что первым вызвал во мне эти чувства ребенок врага. Я прямо-таки чувствую прикосновение холодных пальчиков к моему запястью... Неужели отец так быстро перестает сочувствовать другому отцу? Нет, не может быть, думаю я, хотя знаю, что дурные предчувствия почти всегда сбываются.

Окончание следует.

ПОЭЗИЯ

**СЕРГЕЙ
ВИКУЛОВ**

Костер,
что греет
тебя

«Полдень наш Высок...»

Мудрая книга подобна жизни: как сама жизнь, она умеет заставить размышлять, решить сложный вопрос, может быть, и загрустить негладанно, и вдруг прервет все трудные раздумья, уведет печаль и отдаст человека во власть веселья, озорной игры, лирических мечтаний... В этом ее и мудрость, и доброта.

Новая книга стихов Сергея Викулова «Костер, что греет тебя», вышедшая в конце 1975 года в издательстве «Советский писатель», открывается «Монологом Природы», обращенным к сыну ее, человеку, которому адресованы предостерегающие, правдивые строки:

*И не можешь быть ты
надо мною,
Как не можешь быть и вне меня.*
Продолжает эту нравственно-философскую линию строга «Баллада о воде», где просто и высокопоэтично вдруг открывается еще одна суть воды: она дает человеку ощущение полета, неба, в ней «отражением птиц живут стремительные рыбы...».

Много прекрасных поэтических неожиданностей в этой книге, вот хотя бы еще одна: «Стол есть престол, колы хлеб на том столе»; немало глубинных, серьезных раздумий.

В циклах стихов «Бережок» и «Завет» поэт исподволь, бережно подводит читателя к осмыслению нравственного места человека в системе бытия, во взаимосвязи трех стихий: воды, огня, земли. Можно с уверенностью сказать, что они наряду с человеком суть герои книги.

Но и безыскусной «малой» любви не чужаается поэт — «Заветное озеро», «Бережок», с которого в детстве удил ты рыбку, всегда должны существовать в твоей памяти, в тебе самом. Не отстранен творческий, художнический опыт поэта от сегодняшнего дня, абстракции не родня русскому писателю — и «на диво сработанный» сказ и вместе с тем современный репортаж «Хлебный ток России» — уточнен временем написания: сентябрь, 1973 год. Это важно поэту. Важно и читателю.

Здесь вновь вернусь я к утверждению: мудрая книга подобна жизни... Лирический цикл «Залеточка», казалось бы, бесхитростно лукавый, однако же занимает необходимое и непреложное место в этой серьезной книге — прекрасный, плясовой,

цветистый, как северный полушалок, он говорит о ревности и любви, о верных и неверных «залетках» и вызывает у читателя радостное чувство, почти зрительское, как перед красочным полотном художника: «Ох, косила да косила — под кустик косу бросила, брусок под ветку ивову, сама по тропке — к милуму», «Иду по тропочке. Стоят, колючие, ершистые, четыре елочки подряд, а пятая пушстая...»

Таково сложное и естественное «плетение» стихотворных циклов книги С. Викулова, которой хочется предпослать еще одно название, взятое из строк ее: «Полдень наш высок...» В ней — все о жизни, о поэзии, о человеке нашей эпохи...

Ксения ВАСИЛЬЕВА

ПРОЗА

В заколдованном круге

Рассказать в романе или повести нашим юношам и девушкам о трудной, порой драматической судьбе их сверстников на Западе столь же необходимо, сколь и сложно. Задача эта не многим писателям по плечу.

Для этого нужно не только знать мир буржуазной действительности, но ощущать его, понимать, уметь разглядеть глубинные, подчас искусно скрытые, но главные явления.

Именно это понимание, это умение присуще Александру Кулешову. Часто бывая за рубежом, встречаясь там со множеством людей, он точно улавливает настроение и пульс той среды, о которой пишет, переносит в свои произведения подлинную атмосферу событий и времени.

Вот трое юношей из романа «Счастливишки с улицы Мальшанс», под влиянием буржуазной пропаганды возмечтавшие стать один — граммофонным королем, другой — профессиональным чемпионом по боксу, третий... удачливым гангстером; вот маленький бой большого отеля из повести «Мартини» может погаснуть или рассыпаться на крупнейшей телевизионной станции из романа «Как же быть?»...

Сколь жалко, сколь драматично, сколь бессмысленно кончаются их мечты, уноса веру в идеалы, а порой и саму жизнь.

Такова судьба Дона, главного героя нового романа Александра Кулешова «Заколдованный круг» (издательство «Детская литература», 1975). Метание в поисках истины, в поисках места под солнцем, в поисках благополучия, в поисках идеалов, жизненных путей, справедливости, работы — всего того, что никогда не вызывает заботы у советского юноши, для героя романа Александра Кулешова — подлинный заколдованный круг.

С большой силой, порой гневно, порой со злым сарказмом автор вскрывает и обличает один из самых страшных недугов, поразивших заокеанскую молодежь, — наркоманию.

По форме роман «Заколдованный круг» — самый настоящий детектив с напряженным действием, с раскрывающейся лишь в конце тайной.

В своих романах Александр Кулешов не дает точных адресов. Да они и не нужны — разве важно, происходит ли действие в США, Японии, Канаде или Франции? Оно происходит в капиталистическом мире, и этим все сказано! Своей главной целью автор поставил разоблачение и, несомненно, достиг ее. Но при этом он всегда показывал и прогрессивные силы, действующие среди современной молодежи на Западе, неизменно указывает верные пути.

Глубокое знание психологии своих героев, их мыслей, желаний, стремлений, забот, умение отобразить детали быта, жизни, атмосферы делают роман особенно убедительным.

«Заколдованный круг» — яркий, сильный и грустный рассказ о судьбах западной молодежи. Он о многом заставляет задуматься молодых читателей и в первую очередь о том, какое это счастье — быть гражданином нашей страны.

Владимир РАЗУМНЕВИЧ

СИЛУЭТЫ

Живые характеры

Книга документальных новелл Бориса Полевого названа скупой и скромно — «Силуэты» («Советский писатель», 1974). Но чем больше вбираешь в себя ее горячую плоть, тем меньше соглашаешься с автором: не силуэты, едва различимые в дыме времени, а яркие, живые характеры возникают и раскрываются перед читателем.

В сборнике 35 новелл, а значит, 35 героев, и среди них нет ни одного, чье имя оставило бы читателя равнодушным. Это любимые народом писатели Панферов, Бажов, Вишневский, Фадеев, Федин, Тихонов, это выдающиеся представители советского искусства Мухина, Сарьян, Кукрыниксы, это, наконец, пламенный чешский патриот Олиус Фучик, героиня французского Сопротивления Мадлен Риффо, кубинский революционер-коммунист Че Гевара, мексиканский художник и борец за мир Давид Альфаро Сикейрос, великий чилиец Пабло Неруда... С каждым из них и еще многими сводила писателя судьба на сложных перекрестках века.

Автор точно, порой скрупулезно описывает те или иные обстоятельства, чем вполне завоевывает читательское доверие, однако доверяет художественный эффект новелл, как правило, сам герой: его поступок, его речь, его страсть, — словом, все, из чего складывается характер. Читая и будто слышишь, знаешь:

«...молодцы вы все-таки, милостивые государи. Сколько бодрости, задора, воли. Именно воли. Молодежь, возглавляемая комсомолом, бодр, энергична, упорна. Нет у ней той хандры и грусти, которая в свое время даже культивировалась в русской молодежи как эдакая будто бы национальная черта. Вам смешно, а в мою пору модно было даже покашливать, дескать, у меня, кхе-кхе-кхе, туберкулез. А этому туберкулезику только кули с солью на пристани таскать. Навиделся я таких».

Да, вы слышите голос Максима Горького — так говорить с тверскими комсомольцами мог он, именно он, глубокий и интереснейший человек («История одной дружбы»).

Уважая читательское знание выдающихся людей — тех, о ком пишет, — Полевой не пытается охватить все, показывает главным образом лишь то, что сам видел, но как раз это и помогает ощутить весь образ целиком.

Ярослав Галан... Кому не известно имя этого кипучего советского украинского писателя-трибуна, павшего от руки убийцы-националиста? Еще в сорок пятом друзья остерегали Галана: «Ты б поосторожней» — и уговаривали хотя бы в некоторых статьях подписываться псевдонимом. Он отказывался тихо, без пафоса: «Считаю долгом срывать романтические одежды со всего этого гитлеровского отребья. Я буду заниматься этим всю жизнь, пока рука может держать перо» («В строю навечно»).

Перекрестки Ангары, Братская ГЭС... Встреча с Александром Твардовским. Показанный на фоне народной радости, в обстановке великой трудовой победы, поэт счастлив. Он воодушевлен буквально всем происходящим. И одна опорная деталь высвечивает его волнение особенно ярко: поэт оказался свидетелем узнавания друг друга двух людей — начальника стройки и автора, земляков, друзей юности... И все вокруг придает Твардовскому огромные новые силы («В дальней дали»).

Тридцать пять новелл о самых разных людях, а книга будто спаяна в огромный портрет Времени. В этом ей помогает тридцать шестой герой, активный и яркий человек — сам автор. Цельность личности автора как бы цементирует сборник. Причем излюбленный прием мемуариста — самоирония. Автор всячески подтрунивает над собой, преувеличивает свои промахи, отводя себе в различных жизненных ситуациях подсобную и часто неловкую роль, и это во многом позволяет главным героям новелл выделиться сочно, крупно. Прием, замаскированный из художественной прозы, когда повествование ведется от первого лица, оказался в документальном сборнике уместным и плодотворным.

О творческом и гражданском подвиге виднейших людей нашего века в книге рассказано талантливо и убедительно.

Борис АЛЕКСАНДРОВ

ПУБЛИЦИСТИКА

Два с половиной миллиона

Вышла из печати монография Э. С. Котляра «Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны» («Высшая школа», 1975). В предисловии к изданию отмечено, что книга ликвидирует пробел в ряду исследований по истории профессионально-технического образования. Но научная цен-

ность ее и в другом. Она пополняет летопись героической борьбы советского народа с фашизмом. Выход книги в год 30-летия Победы, богатый материальными, собранными и систематизированными в монографии, позволяют полнее представить огромную работу трудовых резервов, еще глубже оценить заботу Коммунистической партии и Советского правительства о молодой смене рабочего класса.

Автор книги убедительно рассказал, как в годы войны государственные трудовые резервы выполняли важнейшую социальную функцию — создавали условия для учебы и здорового быта молодежи. Миллионы юношей и девушек были на полном государственном обеспечении.

За четыре с половиной военных года ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения передали в промышленность, сельское хозяйство, в строительство и на транспорт около двух с половиной миллионов молодых рабочих — столько, сколько получила страна за двадцать мирных лет.

Это они вместе со взрослыми ковали оружие Победы. Одна цифра: в ходе производственного обучения ими было изготовлено полезной продукции на 4,5 миллиарда рублей. Совершенная технология и высокая производственная культура отдельных училищ позволяли им приступить к изготовлению перископов, биноклей, стереотруб. Автор подробно анализирует формы и методы обучения молодежи в условиях военного времени, отмечает большие заслуги инженерно-педагогических работников, сумевших разработать и успешно применить «сквозные графики» производственного обучения.

В книге описан также опыт работы специальных ремесленных училищ. Возникли они в 1943 году, когда в отвоєванные у врага города и села вернулась жизнь. Понадобились экстренные и эффективные меры, чтобы не допустить беспризорности среди подростков. Именно тогда начали создаваться и специальные ремесленные училища, в которые принимались дети-сироты. Тысячи учащихся на протяжении военных лет получили рабочую специальность и законченное семилетнее образование. Именно специальные ремесленные училища положили начало сочетанию общеобразовательной подготовки и профессионального обучения.

Время стирает многие трудности и сложности минувшей войны. Забываются детали быта, жизни, труда. История кристаллизует главное, наиболее существенное. Но в этих кристаллах еще ярче сверкают лучшие черты подвига — мужество, героизм, стойкость, самоотверженность, все те качества, благодаря которым и был совершен подвиг советского народа, разгромившего немецкий фашизм.

Владимир ЛУЦКИЙ

Э. С. КОТЛЯР

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ
СССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

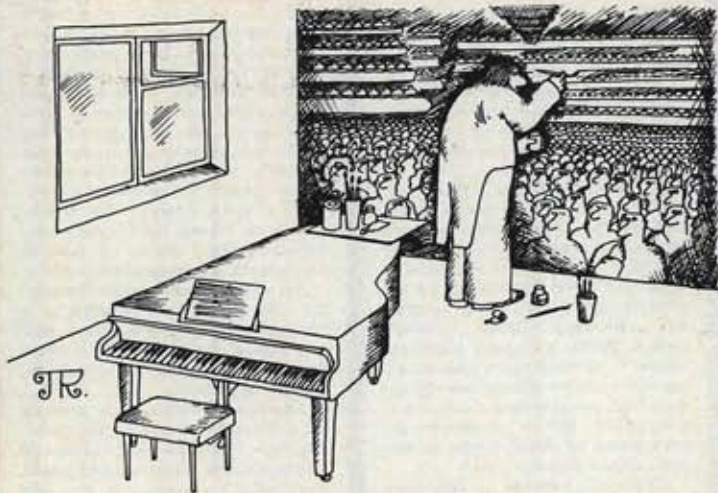

Рисунок Петра КУЛИНИЧА

Рисунок Сергея ТЮНИНА

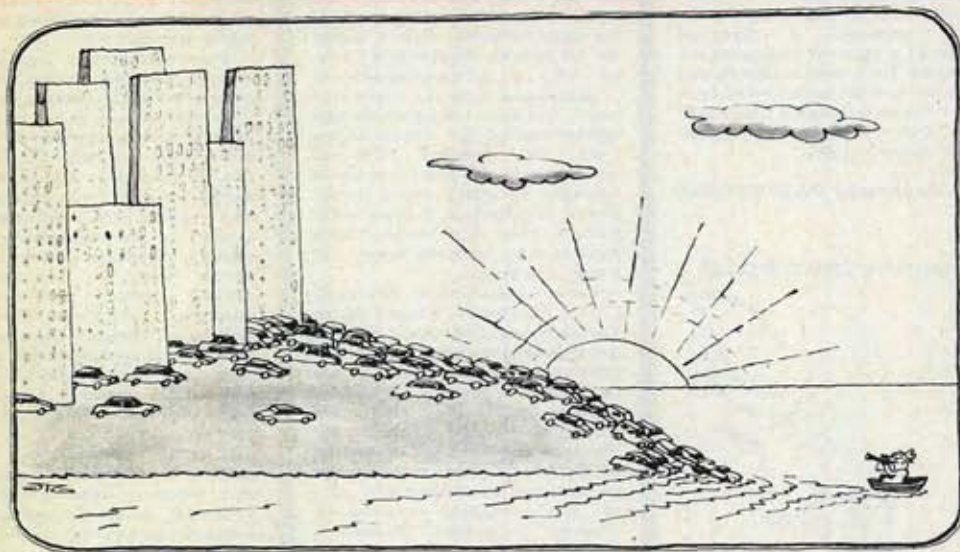

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

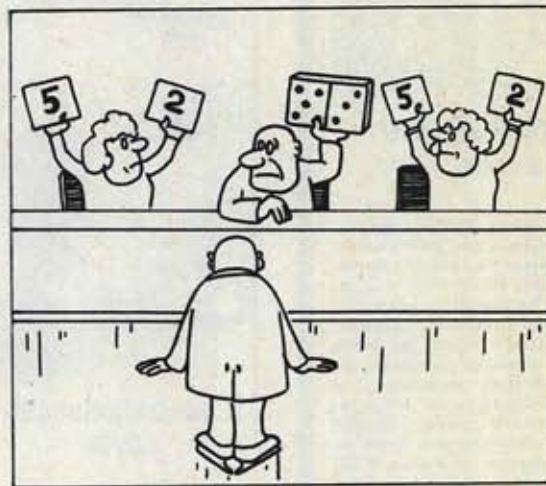

Рисунок Валерия АШМАНОВА

18 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

Предлагаем вниманию читателей задания очередного, четвертого тура нашей шахматной олимпиады. Это традиционное заочное соревнование любителей шахмат было открыто «Сменой» в сентябре минувшего года. В декабре был напечатан второй тур, а третий — в № 1 «Смены» в нынешнем году.

Запомните, пожалуйста, что письма в адрес редакции на четвертый тур олимпиады следует посылать в период с 16 по 29 февраля 1976 года (по почтовому штемпелю отправления). Жюри напоминает о необходимости каждому участнику вверху справа первой страницы письма указывать свой регистрационный олимпиадный номер.

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые начинают и дают мат в два хода (5 баллов).

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Ход черных. Какой красивой комбинацией они добиваются победы? (5 баллов).

КТО БЫЛ ТРЕТЬИМ?

Назовите имя третьего в истории шахмат чемпиона мира и годы его обладания этим почетным титулом (1 балл).

РАССТОЯНИЕ НЕ ПОМЕХА

Новороссийское пароходство можно поздравить с большим спортивным успехом: шахматные команды его судов уверенно победили в последнем всесоюзном радиотурнире морского флота. Второе и третье призовые места разделили шахматисты Дальневосточного и Дунайского пароходств. В течение нескольких месяцев в увлекательном заочном соревновании участвовали моряки 74 советских судов, бороздящих водные просторы планеты.

О накале борьбы в финишировавшем радиотурнире свидетельствуют два творческих примера, которые мы ниже приводим.

Перед вами положение, возникшее после 29-го хода белых в партии между коллективами дизель-электрохода «Сахалин-1» и теплохода Северного пароходства

«Влас Ничков». Последние играли черными и, несмотря на материальный перевес соперников в две пешки, смелой жертвой качества создали опасные угрозы ослабленной позиции неприятельской рокировки.

29. ... Lf5:d5! 30. c4:d5 Фа5:d5 31. Фh4—f2 c7—c5! 32. Cd4—c3 Le7—e3 33. Cc3—e1 Le3—g3+! 34. Kpg1—h2 Cg6—f5. Выясняется, что непосредственный мат королю белых можно парировать лишь ценою ферзя.

35. Фf2:g3 f4:g3+ 36. Ce1:g3 Cd6:g3+ 37. Kph2:g3 Фd5—e5+ 38. Kpg3—g2 Фе5—e2+, и лишний слон черных вскоре решил исход схватки.

А на этой диаграмме изображена ситуация после 21-го хода чер-

ных в партии, которую команда дунайского теплохода «Суворов» выиграла белыми у шахматистов черноморского пассажирского корабля «Иван Франко». С целью прямой атаки на лишнего пешечного прикрытия черного короля белые отдали коня. Во избежание худшего жертва была отклонена.

22. Ke2:f4! Lg8:g1 23. Ld1:g1 Ch3—f1 24. a2—a3 Фа6—b5 25. Kh5—g3! Ch8—f6 26. Ch4:f6 e5:f4 27. Kg3:f1 Ke8:f6. Теперь черные надеются в случае 28. Ф:f4 Фd3+ спастись знаменитым «вечным» шахом. Но противники заметили и обошли этот «подводный риф».

28. h2—h4! Lc8—g8 29. Lg1—h1 Kf6—h5 30. Фd2—c3 Kh5—f6 31. Kf1—d2!, и белые легко реализовали свое преимущество.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/XII 1975 г. А 00951. Подписано к печати 22/XII 1975 г. Формат 70×108¹/₂. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 210. Заказ № 1512. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЗЕРНКО, ИЗ ЗАПОВЕДА.

ОТКРОВЕНИЕ

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО.
Музыка Владимира ДМИТРИЕВА.

На парашютиках снежинок
На землю падала зима.
А что иначе все сложилось,
Что иначе все сложилось,
Так виновата я сама.

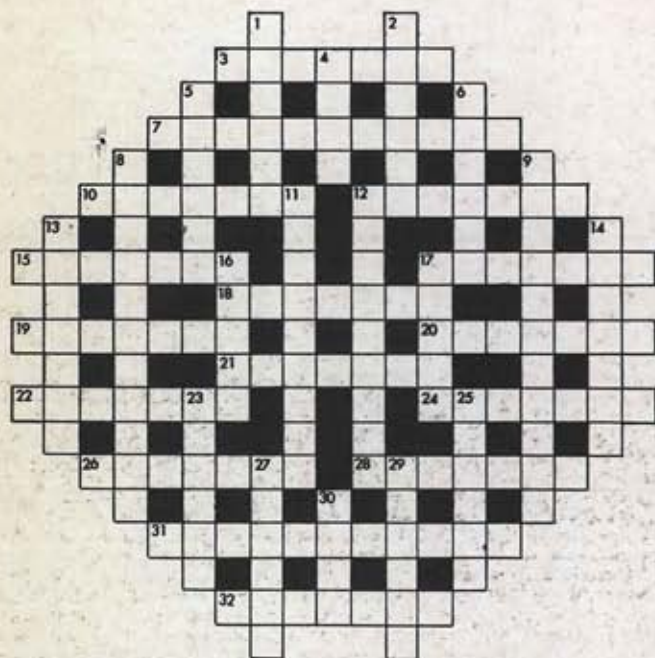
Деревья ветками качали
В морозной белой тишине.
А то, что шли мы и молчали,
То, что шли мы и молчали,
Так дело было не во мне.

В дыму сугробов таял город,
Кружился иней над плечом.
А что любила я другого,
Что любила я другого,
Так ты тут вовсе ни при чем.

На парашютиках снежинок
На землю падала зима.
А что иначе все сложилось,
Что иначе все сложилось,
Так виновата я сама.

КРОССВОРД

Составил Э. ПЕТРОВСОВ,
г. Ашхабад

По горизонтали:

3. Советский космонавт. 7. Специалист по формированию поездов. 10. Металлический зажим для бумаг. 12. Обработка почвы при закладке плодовых насаждений. 15. Композитор, народный артист СССР. 17. Условная линия, делящая земной шар на два полушария. 18. Роман Д. Олдриджа. 19. Дорога в горах. 20. Химический элемент. 21. Центр префектуры в Японии. 22. Приземление самолета. 24. Певец, народный артист СССР. 25. Соприкосновение двух электрических проводников. 28. Машина, способная передвигаться по суше и воде. 31. Название серии спутников Земли, созданных учеными социалистических стран. 32. Советский кинорежиссер.

По вертикали:

1. Советский космический корабль. 2. Архитектурно оформленный главный вход в здание. 4. Южное плодородное дерево. 5. Испанский танец. 6. Оружие конника. 8. Педагог, оценивающий в проверочных испытаниях знания учащихся. 9. Место рождения группы сопутствующих минералов. 11. Общепризнанное значение, влияние. 12. Приспособление на металлорежущих станках. 13. Русский архитектор XVIII века. 14. Орошение, увлажнение почвы. 16. Колесательное движение в физической среде. 17. Часть кинескопа. 23. Река на Алтае. 25. Советский музыкант, исполнитель-виртуоз на балалайке. 27. Химический элемент. 29. Ветер, дующий летом с моря, зимой — с суши. 30. Одно из пяти внешних чувств.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

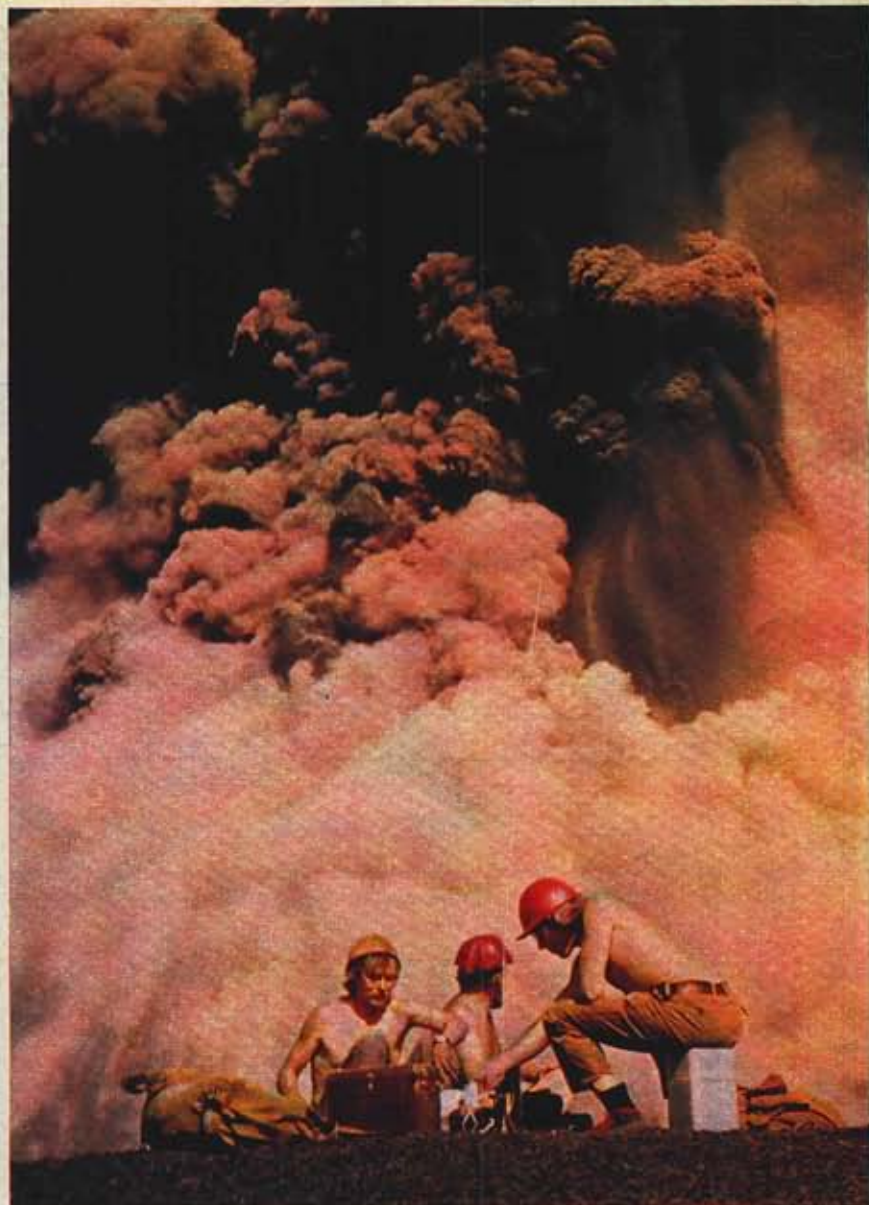
5. Невесомость. 9. Стремительность. 12. Тулуп. 13. Корелли. 14. Волан. 17. Вероника. 18. Реквизит. 19. Кегельбан. 20. «Мгновения». 22. Этажерка. 24. Стельмах. 25. Пихта. 26. Грабяр. 27. Мотив. 30. Благосклонность. 31. Таривердиев.

По вертикали:

1. Телец. 2. «Перикола». 3. Фольклор. 4. Стрел. 6. Ожерелье. 7. Струнодержатель. 8. Относительность. 10. «Буревестник». 11. Тарификация. 15. Ривьера. 16. Скворец. 21. Изобилие. 23. Акростих. 24. Серенада. 28. «Аглая». 29. «Гонец».

МОЛНИИ НАД КРАТЕРОМ.

«ГОРЯЧИЙ ЦЕХ» ВУЛКАНОЛОГОВ.

ПОШЛА ЛАВА...

ИЗВЕРЖЕНИЕ

Мачуськину, начальнику отряда геодезистов, был задан вопрос: «Чем вы занимаетесь в данный момент?» «Спасением собственных жизней», — ответил он. Мефодий в это время метил места, где засыпаны приборы, подыскивал площадки для продолжения работы. Нашлось хорошее «бомбоубежище» под пластами древних лав. Так работали и другие отряды...

29 ИЮЛЯ. В ночь на 28-е между конусом и соседней высотой образовалась трещина. Один ее край высоко поднялся, обнажив пласты изверженных пород. Утром 29-го из нее пошла лава — сначала едва заметное движение, потом вывалилась глыба, появились белые дымки и, наконец, раскаленная порода. У истока лава движется быстро, ниже растекается по пологой широкой котловине, и движение замедляется. Вскоре она дошла до первых зарослей, и начались небольшие пожары. Фронт увеличивался. Мощность потока росла. За сутки поток залил несколько квадратных километров. Горит лес. Лава не валит деревья: дерево сгорает стоя, лава его обтекает, и лишь после, под давлением, оно медленно кренится и сгорает окончательно. Медленно, то по одному распадку, то по другому, лава всем фронтом движется на лагерь. Вся надежда на высокий гребень старой лавы, который, может быть, направит ее в сторону.

1 АВГУСТА. Если отвалиться от вулкана, то создается впечатление, что мы живем в центре невероятной грозы с градом, непрерывным грохотом грома и вспышками молний. А молнии и гром здесь не то, что на равнине: они рядом и не скрадываются расстоянием. Разряды пронизывают весь пепловый шлейф прямо над нами. Непрерывная работа кратера нарушается редкими паузами, и тогда на короткое время наступает необычная здесь тишина. Потом снова взрывы. Лагерь не в оси пеплопада, а с краю, и то за день выпало 30 сантиметров шлака. Дежурный по кухне предупреждает: «Жуйте осторожно, чтобы не поломать зубы о камни». Вода у нас дождевая. Это значит, что она стекает с тента через слой пепла. В ведро такой воды однажды насыпали столовую ложку соды — получился гейзер, почти взрыв. Сгущенное молоко в такой воде мгновенно свертывается, чай кислый, вяжущий, много не выпьешь.

5 АВГУСТА. Новый поток движется на лагерь. Скорость более 100 метров в час. Очередное переселение. При этом вулканологи и геодезисты не прекращают работу. Со всем хозяйством — образцами пород, приборами — пере-

езжают на новое место. Лес, через который мы ходили к вулкану, весь под лавой.

16 АВГУСТА. Трещины разорвали поверхность почвы севернее второго конуса. Началось еще одно извержение. Так за короткий промежуток времени образовалось три крупных вулканических постройки-конуса. После сорока дней беспокойной жизни у потока, под шлакопадом и без воды, руководство экспедиции решило организовать базовый лагерь на речке Водопадной — в 12 километрах от конусов. Заманчиво пожить среди зелени, у чистого ручья.

11 СЕНТЯБРЯ. Хлынул поток жидкой лавы из новой бочки. Тонким слоем, растекаясь вширь, лава быстро прошла шлаковые поля, то останавливаясь, то вновь устремляясь по склонам, сжигая остатки леса. Лагерь и два небольших озера с хорошей водой оказались на ее пути. Переселиться нужно, не теряя времени.

События развернулись неожиданно быстро. Скопившись в котловине над первым озерком, лава быстро потекла по крутому склону, круша и сжигая крупноствольный лес. Через несколько минут она обрушилась в озеро, последовал бурный взрыв. Летят камни, горелые деревья, клубы пара и грязи. И тут же из второго озера хлынула река: под лавой оказалось целое водохранилище. Еще две-три минуты, и поток лавы закрыл выход воде. Температура лавы 800—1000°. Короткая пауза, и, взломав раскаленную преграду, перегретый пар с ревом устремился в образовавшуюся брешь. Это вторичное извержение длилось несколько минут, закрыв клубами пара всю панораму извержения. Прилетевший вертолет перевез людей и груз выше потока, на плато, находящееся на уровне основания вулканов.

15 СЕНТЯБРЯ. Проснулись от тишины. Это было удивительно: чистое небо, едва дымятся кратеры конусов, палатка не содрогается от непрерывных взрывов. Весь день ходили у подножия затихших вулканов. Дымят воронки — в них лежат еще горячие вулканические бомбы. Глыбы лавы всех форм и размеров. Застыли в причудливых положениях тестообразные куски жидкой лавы. Здесь же окатанные громадные шары, катившиеся по склону и обраставшие, как снежный ком, еще не застывшей лавой. Там, где был выпуклый лавовый поток, образовался глубокий каньон с крутыми стенами — лава ушла в долину. Оседают цветные возгоны на стенках фумарол и камнях.

Тишина. Что впереди? Будем ждать...

